

ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Под редакцией акад. В. М. Бехтерева и В. Н. Басова.

Орган Орловского педологического о-ва и медико-педагогического к-та при институте мозга.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. Проф. М. С. Маслов. Значение конституционального момента в деле изучения ребенка и методы выявления этого момента	1
2. Д-р А. Дернова-Ярмоленко. Метод исследования жизненно-необходимых движений	10
3. Д-р И. М. Левинсон. Материалы к вопросу об антропо-психометрических особенностях современного детства (нормального и дефективного)	23
4. Проф. В. Г. Штефко. Об изменениях роста у современного детского населения	43
5. Д-р В. Скальская-Назаренко. Метод психологического исследования проф. Нечаева в применении к дефективным детям	56
6. М. Топорова. Характерные особенности процесса репродукции взрослыми своего раннего детства	62
7. Д-р К. П. Веселовская. Практические занятия с педагогами в педологических кружках (к вопросу о переподготовке работников социального воспитания)	79
8. А. П. Серебrennikov. Педологическая Секция 2-го Всероссийского психо-неврологического съезда в Ленинграде	89
9. Гигиеническое био-социальное воспитание	120
10. Устав Педологического Общества	121
11. Библиография	
12. Объявления	

№ 1 (4).
1924 г.

Изд-во
КРАСНАЯ КНИГА.
Орел. 1924.

„ПЕДОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА“:

№ 1-й:

Вс. Басов. Педагогич — наука о ребенке. — Проф. Шнейдер. К психологии близости. — И. П. Веселовская. Методы психофизического исследования детства. — В. Б. Тесты и англо-американская тестовая литература. — О. Л. Иогансон. Роль руководителя по подготовке и его подготовка. — К. П. Веселовская. Задачи педагогики на I-ом Всероссийском Съезде по психоневрологии. — Анкеты Центр. Педагогического Института. — В. Б. К вопросу о борьбе с дефективностью. — Рефераты и рецензии. — Хроника. — Адреса педагогических учреждений.

112 стр. Цена 1 рубль.

№ 2-й:

А. Дернова-Армоленко. К вопросу об упрямстве и разрушительных наклонностях. — М. Павлова. Сон и характер. — И. Н. Дьянов. Психодиагностика. — С. Рабинович. Тесты Клаппарда для исследования природных способностей ребенка. — Анкеты Центрального Педагогического Института. — Б. И. Осипова. Современные дети в сексуальном отношении. — В. Н. Басов. Рассмотрение детьми картинок. — Проф. П. И. Люблинский. Обеспечение минимума благополучия ребенка. — Д-р Т. Ф. Белугин. Первый съезд по лечебной педагогике в Мюнхене. — Выставка детского творчества. — Рефераты и рецензии.

128 стр. Цена 1 р. 25 к.

№ 3-й:

Проф. Д. И. Азбукин. Профилактическое и научное значение лечебной педагогики. — Академ. В. М. Бехтерев. О психиатрической и невропатологической помощи детскому населению. — Д-р Г. Д. Аронович и д-р З. А. Банникова. Блгогенетический анализ физических дегенеративных признаков у детей. — Проф. В. Штефно. Рост головы у современного дет. населения. — Д-р Г. Е. Сухарева. — Материал 2-летней работы врачебно-наблюдательного пункта в психиатрической обработке. — Проф. Д. И. Азбукин. Психология школьников в начале октябрьской революции. — И. Н. Ковальковская. К вопросу о запале предгавлений у детей, поступающих в школу. — Анкеты Центрального Педагогического Института. — Всероссийское совещание по охране здоровья детей и подростков. — Библиография.

122 стр. Цена 1 р. 25 к.

1924 год.

Открыта подписка

1924 год.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ,

издав. Одесским Губернским Отделом Народного Образования

„НАША ШКОЛА“

2-ой год издания.

Журнал посвящается вопросам методологии, просветительной практики, быта, политики, профессиональной жизни, школьного хозяйства и др.

Отделы журнала:

1. Общ и й.	3. Профобразование.	9. Библиографический.
2. Методологический.	5. Отдел профес. жизни.	10. Школьное хозяйство и санитария.
3. Опыты и наблюдения.	7. Быт о в о й.	11. Официальный.
4. Подитпросвещение.	8. Информационный.	

В работе журнала принимают участие ответственные работники Одесского Губотдела Народного Образования, члены Одесской ф-лии Всеукраинского Научно-Педагогического комитета и, главным образом, работники просвещения периферии. Журнал печатается в количестве 2.000 экз. Объем журнала — 5-6 печатных листов.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на год, 6 и 3 месяца.

Подписная плата на год — 9 руб., на 6 мес. — 5 руб. и на 3 мес. — 2 р. 50 к.

При коллективной подписке, не менее 20 экз., делается 10% скидка.

При годовой подписке рассрочка: при подписке — 3 руб., 1-го апреля — 1-го июля и 1-го сентября — по 2 рубля.

Адрес редакции: Одесса, ул. Баранова № 10, Губоно, „НАША ШКОЛА“

Педологический Журнал.

От Редакции:

Рукописи должны быть напечатаны на пишущей машинке или написаны четко на одной стороне листа.

Размер рукописи—не более 11,2 печ. листа.

Об условиях помещения рукописей авторы благоволят обращаться по адресу: Орел, Кооперативная 2. Изд. «Красная Книга», редактору «Пед. Журн.», В. Н. Басову.

Редакция оставляет за собой право производить в принятых статьях необход. сокращения и изменения.

Ненапечатанные материалы высылаются обратно за счет автора.

Отдельные оттиски помещаемых в журнале статей могут быть изготовлены по предварительной просьбе автора каждый раз особо; расходы по изготовлению оттисков удерживаются из авторского гонорара.

Значение конституционального момента в деле изучения ребенка и методы выявления этого момента.

Профессор М. С. Маслов. *)

Если педология, как научная дисциплина, хочет зафиксировать свое право на существование, она должна перестать смотреть на себя как на придаток психоневрологии, ибо это невольно суживает ее горизонт, ставит ее в очень узкие рамки. Для накопления сведений о ребенке и законах его развития не меньшую работу производят антропологи и особенно педиатры. Между тем, пристегивание педологии, как какого-то искусственного придатка к психоневрологии, невольно отвращает от совместной работы другие специальности, работающие для изучения того же вопроса. Педология должна стать на самостоятельный путь, тогда только возможна продуктивная всесторонняя совместная работа по изучению ребенка. Ведь как рисуют себе задачу педологии педологи? Проф. А. Дурриво резюмирует эти задачи в следующих положениях: 1) установление особенностей детского организма; 2) установление стадий развития ребенка; 3) установление и классификация типичных свойств детей разных возрастных групп; 4) изучение типичных отклонений от нормы в психо-физическом развитии ребенка и установление генезиса этих отклонений; 5) исследование законов соотношения физического и психического развития ребенка—внешних факторов и

*) Доклад в заседании педолог. секции Всеросс. съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г.

внутренних; 6) изучение детских индивидуальностей; 7) исследование теоретических и практических вопросов обучения и воспитания с педологической стороны. За исключением двух последних пунктов все остальные входят в круг знаний, преподаваемых студентам представителями педиатрических кафедр. Это есть то, что я называю медицинской педологией, совокупностью сведений, необходимых врачу. Вопросы чисто педагогические (пункты 6 и 7) сюда не входят, да пожалуй что и невозможно одному человеку охватить все. Педология педагогическая должна составлять особый предмет преподавания для педагогов и отчасти врачей школьных учреждений; совмещение в одном лице обширных сведений по медицине и педагогике является задачей невозможной*). Совершенно неправильно рассматривать педиатрию, как изучение патологии ребенка. Она давно уже вышла из этих пределов, задолго еще до возрождения педологии. Для нас педиатров педология есть введение в курс педиатрии, очень важная глава педиатрического курса, и мы ей посвящаем значительную долю времени, не именуя ее специальной дисциплиной.

Это дает право мне, педиатру, выступить на педологическом съезде с изложением тех данных, к которым мы пришли, тех взглядов, которые мы исповедуем. Это тем более нужно, что плодотворное изучение многих вопросов науки о ребенке может быть сделано только врачом-педиатром и вот почему. Организм ребенка, особенно ранних лет, в силу незаконченного функционального развития органов, находится в состоянии не вполне прочного устойчивого равновесия, многие физиологические состояния находятся на грани с патологическими, незаметно совершается переход из одного состояния в другое, всякое, даже скрыто протекающее патологическое состояние резко отражается на общем состоянии ребенка и т. п. Все это требует от лица, изучающего ребенка, самого основательного знания педиатрии. Педологом может быть лишь врач, прошедший педиатрическую школу. В виду этого педиатры работали и будут работать и в области педологии, сознавая, что только в их средствах и знаниях является возможность разрешения многих сложных вопросов. Кафедра, которую я имею честь занимать, давно это учла. Всем нам хорошо известны труды профессора Гундобина по изучению анатомо-физиологических особенностей ребенка нормального, не больного—подчеркиваю. Его книга создает базу для дальнейшей научной работы в чисто педологическом смысле слова. Возрождение интереса к болезням грудного возраста вызвало в дальнейшем усиление интереса к изучению нормального грудного ребенка, и наряду с больными детьми мы видим в детской клинике здоровых грудных детей для изучения их особенностей. И это вполне естественно, т. е. главная задача педиатрии, как и других дисциплин, конечно, профилактика.

*) Точка зрения автора вами не разделяемая. Р е д.

Следовательно, смотреть на педиатрию, как на изучение только патологии, на педиатров, как на лечащих врачей, совершенно не соответствует современному положению дела. В настоящее время мы, оперируя словом педология, еще дальше ушли в область познания ребенка. Накопления фактов анатомических и отчасти физиологических, сделанных в эпоху Гундобина, накопления клинических наблюдений над грудным ребенком, сделанных в период господства интереса к грудному ребенку, оказалось недостаточно для выяснения особенностей течения и физиологических и патологических процессов. В настоящее время мы определенно перешли на путь систематического изучения индивидуальной конституции ребенка, с одной стороны, и биохимических процессов, лежащих в основе каждого физиологического состояния, с другой. В результате произведенной нами работы и накопившегося опыта, я могу теперь с уверенностью сказать, что будущая педология может быть только «конституциональной педологией».

Каждый ребенок обладает своей индивидуальной конституцией, которая и предопределяет и своеобразие течения физиологических и патологических процессов и своеобразие реактивной способности организма на внешние раздражения, своеобразие физического и психического развития, своеобразное отношение к инфекциям.

Нельзя изучать законы развития развивающегося организма независимо от его конституции, в отношении т. н. среднего нормального человека. Необходимо определить, к какому типу относится ребенок, какова его конституция, ибо только в зависимости от этого и будет своеобразие развития, которое мы можем иногда и предугадать. Ведь каждая группа детей в смысле своих особенностей представляет вариационную кривую, и чем дальше отстоят отдельные члены от наиболее часто встречающегося варианта, тем больше будет своеобразий в его развитии. В пределах одного и того же вариационного ряда есть группы, объединяющиеся по какому-либо признаку, и эта группа будет развиваться несколько иначе, чем дети, объединяющиеся по другому признаку. В этом отношении применение методов вариационной статистики к делу изучения ребенка может дать плодотворные результаты, и на нас мы определенно и стали за последнее время. Для меня несомненно, что гипертоник, ребенок с повышенным тонусом мышц и всех тканей, будет развиваться по особым законам, чем гипотоник. Состояние тонуса предопределяет и особенности развития и характер деятельности. Типичный гипертоник Микель Анджело в своих творениях дал нам исключительно гипертоников в своих статуях и картинах. Боттичелли, наоборот, дает нам характерных гипотоников. Субъекты с резко выраженным респираторным типом, с мощным развитием носа, дыхательных органов и грудной клетки должны давать иную картину физического развития и работоспособности, чем дети с дигестивным типом, где

развиты мощно нижняя челюсть и органы живота. Тип гармонического человека—мускулярный тип—должен резко отличаться в развитии и склонностях от церебрального типа.

Тип травоядный, примером которого могут служить персонажи Рубенса, должен давать особое развитие и особые склонности, чем тип плотоядных (персонажи Боттичелли). На эту область изучения развития отдельных типов детей и должна стать современная педология.

Вышеприведенная классификация не является, конечно, обязательной. По отношению к детскому возрасту она не совсем применима. Дело будущего разработать более приемлемую схему классификации типов, пригодную для детей. Нужна работа в этом направлении, собирании материала, и тогда классификация наметится сама. Мы пока оставили в стороне разновидности нормальной конституции, а углубились в область так называемых аномалий конституции, т. е. таких конституций, которые представляются крайними вариантами, в ряду вариационной кривой и по внешней реактивной способности, по особенной неустойчивости физиологического равновесия стоят на грани с патологией. Здесь все особенности резко выражены и легче устанавливать особенности их развития. Выделением их очищается группа так называемых нормальных детей. Вместе с тем они далеко не являются единичным явлением среди детей, а довольно распространенным. В дальнейшем на ряде примеров я покажу значение изучения именно этих форм. Диагностика этих типов требует уже основательного медицинского опыта. Я буду останавливаться не на деталях их выделения, сколько на значении этих аномалий для правильной постановки их физического и психического развития. Одной из очень часто встречающихся форм аномалий конституции является астения. Проявляется она наиболее резко в школьные годы и в начале полового созревания. В основе этого состояния лежит общая гипотония и функциональная недостаточность внутренних органов. Общая гипотония проявляется характерным внешним обликом ребенка и своеобразным тургором мышц и всех тканей; функциональная недостаточность обуславливает малую ценность, низкопробность органов и их меньший объем работоспособности. Такие дети хорошо растут в длину, но очень плохо в ширину, масса тела их будет отставать от единицы роста, и пропорции тела у них своеобразные. Общий объем работоспособности их, как и отдельных их органов, ниже среднего, и это должно было бы быть учитываемо. Со стороны нервно-психической это дети хорошо уместливо развивающиеся, одаренные, но легко устающие, и в виду раздражительной слабости нервной склонные к проявлениям невропатии, истерии и к недостаточной твердой и упорной воле. Из этих детей при благоприятных условиях образуются ученые, музыканты, художники, но Бисмарков, Наполеонов, Лютеров, великих оптимистов в виде Гете ожидать от них нельзя.

ля. При малоблагоприятных условиях они дают кадр истериков, невропатов, пессимистов. Все эти данные нужно было бы учитывать при занятиях с такими детьми и считаться при выборе профессии. Для них желателен был бы другой подход в смысле организации для них гимнастики, более частых отдыхов. К сожалению, эта группа детей обычно фигурирует в числе здоровых детей и не выделяется, так как врачам она мало известна. В лучшем случае их трактуют как малокровных и нервных детей. Возьмем другую группу детей—детей лимфатической и гипопластической конституции. На вид это обычно полные дети, но эта полнота их ненормальная, мы называем их пастозными, так как они дают признаки значительной бледности и рыхлости и непрочности связывания воды в организме. Обычно у них значительно выражены лимфатические железы. На вид они обычно несколько неуклюжи, несколько задержаны в своем развитии, и причина этого лежит в гипоплазии сердечнососудистого аппарата и половых желез. В нервно-психическом отношении они обычно вялы, флегматики, умственно развиваются не особенно блестяще, учение им дается с большим трудом. Их можно отнести также к гипотоникам с малоценными органами, и это предопределяет их настроение, деятельность и развитие. Группа эта обычно выделяется, как золотушная, когда у них наступают кожные проявления после инфицирования их туберкулезом. И эта группа в смысле диеты, в смысле физических занятий и умственных должна быть выделяема особо и особо изучаемы законы ее развития. Этот диатез выявляется в дошкольный период.

Для грудного возраста характерна еще одна аномалия конституции, это дети с эксудативным диатезом. Это дети с своеобразным обменом веществ, неустойчивостью водного обмена, особой неустойчивостью физиологического равновесия, склонные к различного рода катаральным процессам, кожным явлениям и повышенному тону вегетативной нервной системы. Развитие этих детей идет также своеобразно в их отправлениях и весовых нарастаниях, своеобразна и их реактивная способность на внешние раздражения; и выделение их настоятельно необходимо для правильной оценки наблюдаемых явлений. По отношению к ним требуется и особая диета, отличающаяся от обычной.

Особого внимания заслуживает несомненно нервно-артритическая конституция детей. Протекая часто в скрытой форме, долгое время оставаясь нераспознанной, эта конституция вместе с тем доставляет часто носителю ряд неприятных моментов в виде тех или иных эквивалентов артрита, временно выводит организм из состояния равновесия, нарушает обычную работоспособность. Эти дети обычно высоко одаренные, обнаруживающие превосходство над другими детьми, обладающие определенно выраженными склонностями и талантами, особенно к музыке. Они обнаруживают часто преждевременное развитие,

обладают несносным характером, проявлением *ravog nocturnus*, привычными головными болями, невралгиями, идносинкразиями. Из них часто выходят „Wunderkind'ы“, но при неблагоприятных условиях — истерики и невропаты. Выделение таких детей необходимо и в смысле диетическом, ибо только диетой можно устранить у них проявления артритизма или мешать их появлению. В смысле воспитательном для них необходимо несколько тормозить умственное развитие и дополнять его физическим и более разносторонним. Наличие часто повторяющихся у них кризов, подчас в скрытой форме, заставляет уделять им особое внимание в смысле предохранения их от переобременения. Группа детей невропатической конституции, включая сюда и спазмофилию, также проявляет себя целым рядом проявлений, отражающихся и на физическом и умственном развитии, оставляя те или иные последствия. По существу своему это дети малоченные, составляющие кадры детей отсталых, нуждающихся в особом подходе к ним. Наконец, есть группа конституций, зависящая от расстройства деятельности эндокринных желез *). Великое нарушение деятельности той или другой железы, нарушение общего гормонального равновесия отражается и на физическом и психическом развитии ребенка. Не всегда возможно учитывать эти нарушения гормонов, не всегда возможны дифференциальные отличия, так как наша диагностика в этом отношении основана пока только на крайних и резких проявлениях расстройства, но несомненно, что с развитием диагностики в этом направлении, группировка детей по этим признакам многое объяснит нам в своеобразии развития ребенка. *Status degenerativus* в ряду общего знакомства с ним из области дефективной педагогики не нуждается в комментировании. *Status vagotonicus*, вероятно, является только симптомом, встречающимся при многих аномалиях конституции и патологических состояниях. Геморрагический диатез имеет чисто медицинское значение, но как и все другие формы является выражением малоченности суб'екта.

Для нас педиатров выявление конституционального момента в настоящее время играет очень видную роль: по нему мы составляем своего рода гороскоп ребенка. Гороскоп потому, что конституция проявляется в течение всей жизни человека и, заподозрив ее, увидев раз те или иные проявления, мы тем самым предугадываем трансформации, которые будут происходить с возрастом, периодичность проявлений. Определив конституцию ребенка, мы тем самым уясним себе сущность и причины появления проявлений своеобразия реактивной способности. а это дает нам право направлять режим ребенка, держать в равновесии обмен веществ и физиологические функции и тем самым держать аномалию

*) а) гипер- и гипогенитальная конституция. б) гипер- и гипопитuitarная конституция, в) гипер- и гипотиреоидическая конституция, г) гипер- и гипохромафиновая конституция, д) инфантилизм.

конституции в скрытом виде, мешать выявлению проявлений. Из того, что я выше говорил, выявление конституционального момента помогает нам легче принимать своеобразие физического и умственного развития данного субъекта и своеобразие течения у них болезней. Примеров этому я мог бы привести много, ограничусь всего двумя. Мальчика, страдающего головными болями, почными испугами, привычными рвотами, лечат долго и упорно то от малокровия, то от желудочно-кишечных болезней, то от нервов, упорно пичкают его железом, бромом, закаляют обтираниями холодными, но безрезультатно, потому что причина здесь другая—нерво-артритическая конституция. Обычно я прекращаю всякое лечение такого ребенка, регулируя только диету и обмен веществ исключением пуринов, ограничением белков и обычно у ребенка пропадают все такие проявления или остается в скрытом виде его артритизм, ребенок приобретает работоспособность и под дальнейшим и постоянным контролем вполне проявляет свою талантливость, не делаясь невропатом.

Или второй пример. Ребенка бледного, худенького, с плоской грудью, с плохим аппетитом, упорно лечат то от малокровия, то от туберкулеза, или же, наоборот, требуют от него принятия участия во всех играх и гимнастике, объясняя слабость его сложения уклонением от упражнений физических. И то и другое неправильно. Такие дети часто оказываются астениками, и противотуберкулезное и противомалокровное лечение я обычно отменяю (если, конечно, организм еще не инфицирован тbc) и, учитывая общую гипотонию, ограничиваюсь запрещением непосильных физических упражнений, назначением общего массажа, назначением укрепляющей диеты и постепенным разумным введением гимнастических упражнений, добиваясь повышения общего тонуса, аппетита и объема работоспособности. Если устранять от такого субъекта все, что выходит за пределы его работоспособности, если разумно помогать развиваться и совершенствоваться его физической организации, умело дозируя, то развитие таких астеников идет вполне благополучно. В противном случае они или падают жертвами туберкулеза, или делаются безвольными нытиками, неврастениками.

Примеров, подобных приведенным, я мог бы привести еще много, но ограничиваюсь двумя. Из них вы видите, как много значит понятие конституцию ребенка для лечащего врача и для воспитывающего педагога.

Но вы меня спросите, а что же такое эта конституция, чем она обуславливается? Почему она так резко и рельефно отражается и на внешнем облике ребенка и на особенностях его физического и психического развития? Я не буду вдаваться сейчас в изложение различных взглядов, существующих по этому вопросу, изложу здесь только свой взгляд. Влияние гормонов на конституцию развивающегося организма общеизвестно, но одним влиянием гормонов мы не в силах объяснить весь симптомокомплекс явлений, своеобразие конституции. С 1920 года

я являюсь сторонником взгляда, что своеобразие индивидуальной и патологической конституции обуславливается своеобразием внутриклеточного ферментативного аппарата организма. Ведь ферментами снабжена каждая клеточка каждого органа и притом самыми разнообразными. При помощи этих ферментов и осуществляется вся сложная процедура ассимиляции пищевых веществ, дыхания, окисления, словом, все жизненные функции. Совокупность и своеобразие ферментативного аппарата обуславливает своеобразие обмена веществ, своеобразие течения процессов, своеобразие реактивной способности. Состояние жизнедеятельности ферментов предопределяет тонус жизни, является жизненным потенциалом человека. Выявляя те или иные ферментные индексы, я тем самым выявляю свойства потенциала ребенка, подхожу объективно к выявлению его индивидуальной конституции. Моими сотрудниками проведена и отчасти продолжается целая серия работ по выявлению этих индексов ферментов, по выявлению жизненного потенциала. Сейчас я с уверенностью уже могу сказать, что каждой конституции соответствует свой определенный потенциал, свои определенные индексы, они то и предопределяют своеобразие обмена веществ у них. Я пользуюсь случаем привести здесь некоторые данные из только что законченной работы моего ассистента д-ра Морева. Для астеника характерно резкое ослабление жироращепляющего фермента—липазы (3,12 против 4,38 у нормальных детей), значительное ослабление каталазы, фермента разлагающего перекись водорода (4,4 против 5,4), относительное повышение углеводорасщепляющего фермента—амилазы (876 против 736) (с склонностью его к нарастанию в фазы пищеварения вместо уменьшения, наблюдающегося у нормальных детей) и значительной силой антитрипсина (900 против 410). Эти данные дают нам теперь ключ к разъяснению своеобразия течения процессов у астеников, их отношения к жирам и углеводам и их малую стойкость к инфекциям и туберкулезу. Для лимфатика характерно, наоборот, значительное повышение липазы (6,8 против 4,3), значительное ослабление антитрипсина (380 против 736), резкое ослабление каталазы (3,0 против 5,4) и значительная и стойкая сила амилотитическая (968 против 736). И эти цифры также характеризуют и объясняют нам своеобразие данной конституции и ее диеты. Для экзудативного диатеза отмечается богатство липазой и относительная бедность и легкая истощаемость амилазы, для спазмофилика резкие скачки амилотитического индекса, липазы и антитрипсина. Я не имею возможности входить здесь в детальное обсуждение значения этих индексов для изучения ребенка, для обоснования его диеты, это будет сделано мной подробно в другом месте. Здесь же я привожу их только для иллюстрации того положения, что для правильного познания конституционального момента нужен путь прежде всего биохимический. Мы им сейчас уже и пользуемся в клинике. Состояние ферментных индексов позволяет нам предугадывать потенциальную силу организма,

способность его к поправлению, к улучшению, на нем мы основываем наш прогноз.

С другой стороны, наличие или отсутствие или слабая сила того или другого индекса ферментного дает нам право более рационально направить диететику ребенка грудного и более старшего. В этом направлении мы до сих пор работали вслепую, наугад. Теперь мы заложили уже некоторые вехи, по этим вехам мы сейчас и строим нашу диететику. Работа наша в этом направлении только еще в разгаре, но все мы чувствуем, что тот путь, на который мы твердо стали, по которому идем, — путь правильный, дающий нам много в познании ребенка.

Но этот путь, несмотря на всю его плодотворность, конечно, не раскроет нам всей загадки жизненных процессов у ребенка. Последнее гораздо сложнее и требуется применение ряда и других способов для выяснения своеобразия течения процессов в организме. Этим путем является изучение других средств, имеющихся в распоряжении организма, в частности способов и объема работоспособности лейкоцитарного аппарата. И на этом пути мы уже получили и продолжаем получать целый ряд интересных результатов в смысле познания конституции ребенка. Организм представляет сложную коллоидальную систему. Изучением коллоидальных свойств организма и его тканей, изучением условий, при которых протекают реакции в организме, выявлением истинных реакций растворов и соков и их физико-химических свойств, мы также можем приблизиться к уяснению сущности жизненных процессов у ребенка и их своеобразий. На этот путь мы уже вступили, по нему идем, и в этом направлении работа будущего даст несомненно ощутимые результаты. Применением этих методов занята наша клиника, и в этом мы видим чисто педологическую роль нашей работы.

Метод исследования простых жизненно-необходимых движений.

Д-р А. Дернове-Ярмоленко.

Еще в 1918-м году, когда вопрос о трудовой школе стал проблемой дня, была начата мною выработка метода исследования жизненно-необходимых движений у детей. В течение последующих лет этот метод видоизменялся, приспособлялся, пробовался на дошкольниках и школьниках и вновь пересматривался.

В настоящее время он уже доведен до возможного совершенства и предлагается читателю, как плод шестилетней работы. *)

Здесь следует сказать несколько слов на счет необходимости исследования движений вообще. Несомненно, что исследование движений должно лечь в основу изучения поведения человека, понимая последнее в самом широком смысле этого слова.

Прекрасную характеристику движению и его роли в конструкции личности дал В. А. Лай в своей классической книге «Экспериментальная дидактика с подробным изложением учения о мускульном чувстве и воле», вышедшей на русском языке под редакцией профессора А. П. Нечаева. Считаю своим долгом сделать выписку из предисловия к этой книге

„Каждый сенсорный процесс вызывает процесс двигательный: всякое впечатление стремится к выражению, которое приводит к более совершенной инсталляции внешних органов и приспособлению сознания—мысли, чувства и действия к особым обстоятельствам данной минуты. На этот фундаментальный факт связи, кругового взаимодействия и единства сенсорных и моторных процессов указывают: анатомия—в факте последовательной смены раздражения и движения (для приспособления живого существа к наличным обстоятельствам живой среды); анатомия—в факте единства сенсорных нервов и центров, с одной стороны, и моторных центров и нервов, с другой; физиология—в факте центробежного, центрального и центростремительного первичного процесса, проявляющегося в рефлекторных, инстинктивных и произвольных движениях; психология—в факте связи чувственных ощущений, представлений и чувств с моторными, кинестическими или двигательными ощущениями (мускульное чувство) и представлениями; теория познания—в факте пассивной и активной, инертной и самодеятельной, воспринимающей и строящей (конструирующей) стороны сознания: наконец, педагогический инстинкт, приводящий к отдельным, часто слу-

*) Доложен на сессии педагогов, психiatров и неврологов в Ленинграде в январе сего года в секции Труда.

чайным и бессознательным соединениям наблюдения с изображением, *) впечатления с выражением“.

И далее (на стр. 88) тот же автор пишет: „Так как с самого начала существует взаимное отношение между сенсорными и моторными центрами, то существует и взаимоотношение между движениями и развитием мозга **): движения имеют непосредственное влияние на мышление, чувствование и волю. Этот факт должен служить одной из основ воспитания и обучения и должен быть использован“.

Другой, не менее солидный ученый, О'Ши, в своей книге „Роль активности в жизни ребенка“ так учитывает движения ребенка, в подтверждение приводит мнение своих единомышленников в этом вопросе: исследователи человеческой природы, как Джемс, Холл, Дьюи, Моссо, Вундт, Болдуин и др. проповедают новое евангелие. Они говорят: что мысль ребенка никогда не стоит вне связи с его мускулами; что каждая идея имеет свою мускульную сторону, что ум в известном смысле является посредником между чувствами и мускулами, что его функцией является руководство поведением, что представление не бывает законченным, пока оно не реализовалось в действие.

Джедд говорит, что действие является условием умственного роста.

И, наконец, Вреесе пишет ***): «Вместо того, чтобы предоставлять телесной деятельности, находящей выражение в двигательном аппарате, самой отыскивать для себя выход, я настаивал бы на столь же систематическом ее обучении, какому подвергаются так называемые умственные способности».

Сделаем теперь краткий обзор, имеющихся лабораторных методов исследования движений.

Начну со списка профессора Уиппля, помещенного в его книге „Руководство к физическому и психическому исследованию детей школьного возраста“. При чем им отмечено, что „измерения касаются не одного лишь объема или размера, а и функциональной, специально мускульной способности“.

1-ое—Испытание—жизненная способность, т. е. максимальный объем воздуха, который можно выдохнуть после максимального вдыхания.

2-ое—Пропорциональное отношение между жизненной способностью и весом определяется как жизненный показатель.

3-ое—Сила сжатия руки, которая сводится к различной конструкции динамометрам и основывается главным образом на силе пальцев или вернее мышечных групп кисти правой или левой руки.

*) Курсив цитируемого автора.

***) Курсив мой.

***) Цитирую по О'Ши.

4-ое—Сила спины измеряется тоже особого рода приспособлением—динамометром так же, как и сила ног.

5-ое—Непрерывное сжимание, когда определяется длительность сжимаия на высоте усилия, и таким образом определяется выносливость.

6-ое—Постукивание—определяющее быстроту движения, как указатель „произвольной двигательной способности“ и как „показатель правосторонности“.

7-ое—Прицеливание, указывающее на правильность и точность движения кисти руки к десяти крестикам на листе бумаги.

8-ое—Начертывание или проведение линий („пишущее движение“) Брайля или опыт „начертывания“ Багалея. Здесь определяется уверенность и правильность движения. Это движение тоже сводится к движению кисти руки под контролем глаза.

9-ое—Уверенность контроля над движением: „невольное движение“, при чем измеряется сумма невольного движения, когда пальцы, кисть, рука и все тело удерживается от движения настолько только возможно в состоянии неподвижности. Инструменты: а) атаксиограф—для измерения колебательных движений, как целого; б) тремограф для испытания руки и пальцев; в) автомограф для измерения невольных движений руки; г) дигиталограф—для регистрации движений пальцев (стр. 133 Уиннля). Сюда же относится исследование Стерджиса, чтобы определить паяску св. Витта, сводящееся к тому, что ребенку предлагают поднять обе руки вперед, вытянуть их пальцы и повернуть ладонями к обследователю. Или второе: положить свои руки на ладонь исследователя, ладонь к ладони, и смотреть—лежат ли они спокойно, без подрагивания и непринужденно. Далее, Уинпль предлагает медную доску с дырочками, как испытатель уверенности движений. Испытуемый вкладывает иглу в дырочки все уменьшающегося размера, начиная с самого широкого, и старается сохранить такое положение, как можно дольше, не задев медной доски до 15".

Можно указать также на новейший метод учета активности, сделанного проф. Шиманским, который задался целью изучить суточные колебания покоя и активности у человека и для этого помещал исследуемых в кровать с неустойчивым равновесием и с записывающим ее колебания аппаратом. Исследуемому предлагалось оставаться в возможно полном покое, считая, что сила мускульного напряжения—*Mobilität*—являющаяся показателем способности к физической работе, не может быть вполне подавлена и выявится в ряде безотчетных движений, что и подтвердилось его опытами.

Перечислю еще ряд докладов, сделанных на последних съездах.

На Всероссийском совещании по охране здоровья детей и подростков с 14 по 20 ноября 1923 г. в Москве д-р Бернштейн Н. А. доложил „Циклограмметрический метод исследований в отношении к здоровым и больным детям“. При чем, один из текстов его гласит: „Цикло-

грамметрический анализ может дать указания на зависимость движений от того или иного двигательного центра мозга и позволяет количественно проследить онтогенез двигательных механизмов у развивающегося ребенка". Н. И. Озерецким была доложена тогда же „Метрическая скала для исследования моторной одаренности у детей“. Сам автор считает, что его метрическая скала есть первая попытка к созданию систематизированного метода исследования психомоторной сферы у детей; в настоящем виде скала применима как с диагностическими целями, так и для проверки результатов различных методов педагогического воздействия на моторную сферу.

На Всероссийском съезде по педологии, экспериментальной педагогике и психо-неврологии с 3 по 10 января 1924 г. в Ленинграде по исследованию движений были сделаны следующие доклады.

К. Х. Кекчеев. Изучение ходьбы методом циклограмм.

А. Ф. Вербов. Анализ движений, как метод изучения личности в нормальном и патологическом состоянии.

Г. П. Зеленый. О ритмике рабочих движений.

А. Ф. Вербов. Изучение движений в производстве ящиков.

Обзор методов для исследования движений выяснил, что почти все они: 1) искусственны и большинство из них носят строго лабораторный характер; 2) сравнительно трудны для исполнения и потому могут быть предложены лишь детям школьного возраста, что уменьшает их ценность в возрастном отношении; 3) что большинство из них имеет дело с рукой и в частности с пальцами ее и кистью, что точно также делает затруднительными опыты с малыми детьми, ограничивает результаты лишь суждением о работе мелких мышц руки, которые у детей мало развиты и приспособлены к деятельности так же, как у крестьян и чернорабочих: и, наконец, тесно связаны с выучкой (письмом, игрой на музыкальном инструменте, ручным трудом и т. п.); 4) искусственность, нежизненность предлагаемых задач требует от экспериментатора умения их объяснить в полной мере словесно или наглядно, при чем всегда известная доля успеха будет относиться к ясному представлению требуемого, т. е. участие его понимания, а также внимания и воли в очень большой мере.

В предлагаемом нами методе нет случайных задач. Выбор исследуемых движений основывается на наличии их жизненной необходимости. С определенного возраста мы все ходим, перепрыгиваем, бросаем, переносим тяжести и т. п. Мною даже исключен обыкновенный пружинный силомер (динамометр), п. ч. такое движение, как выжимание, редко приходится производить в обыденной жизни.

Кроме этого, все предлагаемые мною движения механизированы постоянным повторением и на них несомненно должны

отразиться все особенности темперамента личности, т. к. выучка вызвана у всех жизненной необходимостью производить их (постоянно, повторно, неотложно).

Давая метод, я однако и теперь еще не могу предложить норм ни возрастных, ни профессиональных. Это дело чрезвычайно трудное и непосильное для одного лица.

С одной стороны, современные дети не могут служить показательным материалом для нормального развития движения, т. к. они суть результат целого ряда неблагоприятных моментов: войны, голода, тревог переходного времени, эпидемий и т. п. Современный ребенок—недоросток и недоросек, его движения или чрезмерно быстры или чрезмерно медленны, очень часто несовершенны по своей конструкции. Как можно надеяться найти здесь норму?

И все же метод может в настоящее время быть использован с практической целью.

Применение его на трудно воспитуемых детях дало интересные результаты, которые указывают на возрастные особенности этой группы, но к этому вопросу мы еще раз должны будем вернуться. Норму профессиональных групп тоже возможно определить предлагаемым нами методом, но эта норма может выявиться после многочисленных исследований людей различных профессий, работающих при различных производственных условиях, при различной оплате труда (в различных местностях).

Но, несмотря на всю сложность и трудность работы, она должна быть сделана, т. к. без движений—нет действия, и без действия нет работы. И каждый возраст, и каждый пол, каждый класс во всех своих профессиях имеет особенности жизненно-необходимых движений, и эти особенности отражаются на движениях производственных.

Особенности движений лучших работников определенного производства и, наоборот—худших, возрастные особенности и изменения движений при различных заболеваниях могут быть определены этим методом.

В последнем отношении он уже испробован и применяется в Ленинградском Физно-Терапевтическом Институте др-м А. Ф. Вербовым, при чем им сделано некоторое усовершенствование для более точного учета правильности ходьбы.

В педагогике исследование движений детей также дает опорные пункты для суждения о природе отклонения в поведении ребенка.

Голословное утверждение, что трудно воспитуемые дети чрезмерно подвижны, подтверждается предлагаемым методом. Но, кроме того, здесь степень подвижности учитывается точно цифрами, как видно будет из последующего разбора результатов исследований трудных детей Института Индивидуального Воспитания в Ленинграде (Троицкая, 13). Обследование выяснило особенности жизненно-необходимых движений воспитанников чрезмерно беспокойных и с резко выраженным упрямством.

Учет физиологического ритма, хотя бы в смысле числа ударов пульса в минуту, весьма желателен. Особенно же показательна амплитуда колебания частоты пульса, которая имеет соотношение с подвижностью внешней, если можно судить по пробной работе над воспитанниками выпуска института.

Таким образом выясняется ценность предлагаемого метода и с педагогической точки зрения, давая опорные пункты для суждения о природе недочетов двигательной системы выявленных методов.

Все вышеизложенное заставляет считать, что метод исследования жизненно-необходимых движений, с возможностью цифрового учета особенностей таковых, своевременен и может быть с пользой применяем в психотехнике, педагогике и медицине.

Приступим теперь к изложению самого метода. Как было уже сказано, нами поставлена задача изучить жизненно-необходимые движения, т. е. такие, которые приходится употреблять ежедневно, ежечасно и ввести их в границы лабораторного опыта.

Предлагаемые испытуемому движения должны быть доступны и малому ребенку с того возраста, когда он становится способным выполнять данные задания, хотя бы по подражанию, глядя на более старших и сметливых товарищей. В наших опытах дети проделывали задачи с успехом, начиная с 3-летнего возраста в детском саду при участии садовницы и умелом подходе.

Вторым условием успешного проведения опыта с детьми является их простота и доступность пониманию данной, отдельной задачи, в третьих—способность заинтересовать ребенка. Весь опыт должен продолжаться не более 15-ти минут, чтобы не утомить испытуемого, т. к. последнее неминуемо сказалось бы на особенностях движений.

В движениях должно участвовать все тело: руки, ноги, туловище и шея.

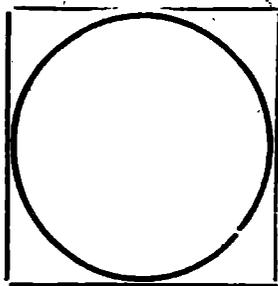
В дальнейшем изложении будет видно, что при ходьбе будут выявлены движения ног так же, как и при перепрыгивании и скакании на одной ножке. При ударе и метании учитываются движения верхних конечностей как кисти, так и всей руки.

При задании встать или лечь действует все тело, включая конечности. При поднятии тяжести и перенесении их работают руки с опорой на нижние конечности при участии туловища.

Нашим методом обследуются следующие движения:

1. Ходьба по линии с оборотами туда и обратно. Затем ходьба по квадрату и вписанному в него кругу. Выбрана эта фигурная ходьба потому, что делать повороты под прямым углом нам тоже приходится часто, например, при поворотах на улице и т. п., обрезками круга приходится пользоваться, когда обходим что-либо или кого-либо.

2. Удар употребляется нами нередко.

2 метра.

3. Перескакивание есть тоже жизненно-необходимое движение, напр., когда на дороге что-либо лежит или имеется лужа воды и т. п.

4. Метание очень любимо детьми, и едва ли есть человек, которому не приходилось чего-либо бросать.

5. Тоже и относительно перенесения тяжестей. Скакание на одной ножке выбрано, как показатель равновесия и выносливости и входит в игры детей очень часто.

6. Встать и лечь приходится каждому не менее двух раз в сутки. Перейдем теперь к технике исследования.

В наших исследованиях дети приглашались группами от 3 до 5 человек в отдельную комнату, где на полу был вычерчен мелом квадрат и в нем вписан круг. Одна из сторон квадрата служила для ходьбы по прямой линии.

Робкие и упрямые дети при таком порядке шли охотно и производили движения подражательно товарищам успешно и даже просили повторения, исследование им положительно правилось. Сторона вычерченного на полу квадрата равна 2 метрам*). Ребенку предлагалось сначала пройти лишь по одной стороне и обратно, повторно три раза. При объяснении задачи говорилось «пройди по этой черте туда и обратно три раза так, как всегда ходишь». Предлагается сначала «попробовать пройти», чтобы быть уверенным, что испытуемый понял задачу.

После того, как черта пройдена туда и обратно, один раз говорится: «поскорее» и после второго раза—«еще скорее». Время, потраченное на все три прохождения, учитывается секундомером в сумме.

После хождения по квадрату тоже 3 раза и с повторением слов «скорее» и «еще скорее», после каждого раза при том же учитывании времени секундомером, проделывают последнее хождение по кругу, вписанному в квадрат, тоже трижды и с теми же словами и тем же общим для трех раз учетом времени. Перечисление можно делать сразу в сумме всех хождений, имея в виду, что пройденные по 3 раза линии, квадрат и круг равняются 54-м метрам, таким образом можно получить цифру, указывающую, сколько ребенок или взрослый испытуемый сделал метров в 1 минуту, т. е. определить быстроту ходьбы. При ходьбе учитывается и правильность ее, при чем каждое грубое схождение с

*) Такой размер принят по следующим соображениям: 1) квадрат со сторонами в 2 метра укладывается в жилую комнату средней величины, каковая отводится обычно под лабораторию, при чем остается еще некоторое пространство до стены (не менее $\frac{1}{2}$ метра) для того, чтобы стены не стесняли движений при ходьбе, 2) линия в 2 метра достаточна для того, чтобы выявлялась быстрота ходьбы и ее правильность.

черты учитывается минусом соответственно каждому неправильному шагу.

Срезывание углов не считается минусом, т. к. и в обыденной жизни углы при ходьбе обычно срезываются.

Учет неправильных шагов производится так: зарегистрированные минусами шаги перечисляются на те же 54 метра пройденного пути, полученная цифра указывает, сколько пути пришлось на один неправильный шаг. Такое перечисление делает под'ем вычерченной кривой соответствующим более совершенному, устойчивому хождению. В пробном опыте с трудно-воспитуемыми детьми, который будет представлен графически в конце нашей работы, учет сделан в русских мерах, при чем выяснилось, что 8-летний мальчик проходил в час $2\frac{3}{4}$ версты (приблизительно), а 16-летние ходят в 2 раза скорее т. е. $5\frac{1}{2}$ верст в один час. Такая небольшая скорость ходьбы объясняется тем, что в тот же учет времени входят довольно многочисленные повороты, отнимающие время.

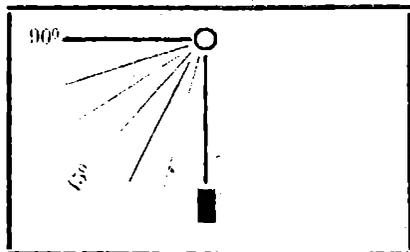
Вторая задача сводится к предложению „лечь и встать“. На пол подстилается циновка или коврик и предлагается трижды лечь и тотчас же встать. По секундомеру записывается потраченное время в сумме, которая делится затем на три, и делается вычисление, сколько раз испытуемый мог бы встать и лечь в течение 10-ти минут. Тогда под'ем кривой будет указывать на ускорение производимых действий.

Перескакивание через начерченные на полу линии является третьей задачей. Линии чертятся на расстоянии 18 сантиметров ($\frac{1}{4}$ аршина) одна от другой. Испытуемый становится на расстоянии 2-х метров от первой из них и, разбежавшись до нее, перепрыгивает, делая возможно большой прыжок. Это движение делается также трижды. Записывается результат всех трех прыжков (линии нумерованы) и сумма делится на три.

Четвертым действием является удар. В стене или большой класной доске ввинчивается вверху кольцо, через которое продевается длинная веревка. На одном конце ее вешается гиря в 2 фунта. Гири подтягивается на уровень поднятой вертикально руки испытуемого и ему предлагается ударить ладонью по гире. Последняя делает круговое движение. Размах учитывается по градусам, вычерченным от центра, которым является кольцо с продетой в него веревкой.

Это действие производится также 3 раза и сумма указывает силу удара.

Пятой задачей будет перенесение тяжестей. Начинают с 2-х кило (5 фунтов), поднимают их одной рукой и проносят по той же

стороне квадрата, по которой производилась ходьба, т. е. 2 метра туда и обратно. Затем последовательно вес увеличивается на 2 кило и каждый раз требуется пронести их по той же линии. Предельный груз записывается, как предел под'емной силы. Такой учет силы принят нами потому, что перенесение тяжести действительно является одним из необходимейших наших движений, затем, здесь учитывается не только сила кисти руки, но и под'емная сила всего тела, как опоры; затем потому, что перенесение есть процесс довольно длительный и не только момент наибольшего напряжения, что является большой ценностью для учета работоспособности. Здесь, так сказать, выявляется не порыв, а длительное рабочее напряжение.

Шестым заданием было метание, для чего вычерчивается мишень с центром в 5 сантиметров и кругами тоже в 5 сантим. шириной, всего 5 кругов. Все они нумеруются. Испытуемый становится на расстоянии 2-х метров от мишени, которая подтянута таким образом, чтобы ладонь вертикально поднятой руки испытуемого приходилась в центре. Резиновый мяч диаметром в 4 сантиметра смачивается водой и бросается в цель. Влажное пятно укажет место попадания и отмечается № попадания по кругу. Метание производится также три раза и из суммы вычисляется среднее.

Попадание в центр оценивается 100, каждый последующий круг учитывается 20-тью и отнимается от 100. Таким образом, уменьшение меткости попадания уменьшало и оценочную цифру и наоборот.

Седьмой и последней задачей было скакание на одной ножке, чем учитывалось динамическое равновесие (равновесие в работе) и выносливость. Предлагается скакать на одной ножке до предельной возможности: „Скачите, сколько можете“. Опускание на другую ногу прекращало опыт. Учитывалась сумма сделанных прыжков.

Теперь скажем несколько слов об учете частоты пульса и его отношении к работе.

Перед опытом испытуемому предлагалось одну минуту оставаться в покойном, сидячем положении и после этого сосчитывался пульс. После последнего опыта-скакания немедленно же сосчитывался пульс и вычислялась амплитуда колебания.

Но к этому вопросу мы еще вернемся при обсуждении результатов пробного обследования.

Первоначальным, далеко несовершенным обследованием дошкольников и школьников выяснилось, что дети от 3 до 5 лет имеют медленный темп движений, который с 5 лет резко повышается к 7 и 8 годам. Дальнейшие обследования удалось пока сделать лишь над трудно-воспитуемыми мальчиками *) школьного возраста.

*) Инст. личн. соц.-труд. воспитания железнодорожников. Ленинград.

Здесь выявилось дальнейшее повышение быстроты движений в связи с возрастом, при чем это повышение достигло максимума к 10 годам и дало падение в 11 и 12 лет, выявив наклонность к повышению после 13-ти лет. То же приблизительно дало и перескакивание, в смысле остановки развития силы размаха с десятилетнего возраста.

Сила удара уменьшилась с 11-ти лет. Вначале казалось, что это не соответствует данным психологии, по которым воля, внимание и вообще работоспособность должны падать с 12-ти лет для девочек и 13-ти лет для мальчиков, в связи с замедлением роста, как подготовкой к возрасту полового созревания. Но по новейшим данным, выявившимся на съезде педологов, психиатров и неврологов, оказалось, что замедление роста у современных детей начинается раньше, именно на 2 года, и потому неблагополучие в работоспособности тоже отодвигается к 10 годам. Следовательно, выше цитируемые замедления в движениях у трудно-воспитуемых детей являются обоснованными и законными.

Вообще при взгляде на кривые данных о движениях наших трудно-воспитуемых, выявляется наклонность к падению всех кривых с 10 до 13-ти лет, даже и правильность ходьбы в эти роковые три года сильно нарушается. Интересно, что удерживание равновесия и настойчивость падают особенно резко.

Что же делается в эти годы с пульсом? Пульс *), начиная уже с 8-ми лет (до восьми лет наблюдений у нас нет), становится все более и более возбудимым и достигает очень большой амплитуды колебания, доходившей иногда до утраивания, к 11—12 годам, в 13 лет возбудимость уменьшилась и вновь поднялась к 14-ти годам, на чем, к сожалению, наши наблюдения прекратились. Из этого видно, что двигательные успехи возраста до 10 лет покоятся на довольно устойчивом пульсе и изменяются в худшую сторону с повышением возбудимости пульса.

Теперь следует сказать еще об „лентах движений“, — которые являются индивидуальной оценкой таковых. Если имеется нужда в оценке движений отдельной личности, то следует вычертить ее „ленту движений“, отмечая на той же бумаге в клеточку (при однородной разграфленности с групповыми данными) все индивидуальные данные движений.

Для примера нами взяты два мальчика из трудно-воспитуемых. Первый чрезвычайно беспокойный, крайне возбудимый, посетивший в ноябре м-це 1923 года лазарет 4 раза в состоянии неистовства. Его лента, прилагаемая в чертеже, крайне интересна: чрезвычайно быстрые движения (ходьба, встать и лечь и перескок) при слабом ударе, не-

*) Нам удалось обследовать пульс воспитанников утром, когда они еще лежали в постелях, и амплитуда колебания вычислена через сравнение этой минимальной частоты пульса, доходящего у иных даже до 53 ударов в минуту, с числом ударов после скакания на одной ноге т. е. длительного двигательного напряжения.

правильном метании, малой силе, выразившейся при переноске тяжестей и неустойчивости, при скакании на одной ножке.

Как же сделан этот учет? Его индивидуальная двигательная лента была приложена к таблице кривых его товарищей, тоже трудно-воспитуемых мальчиков, именно к 8-леткам, т. к. ему 8 лет. При чем и выявилось, что в ходьбе он быстрее своих товарищей 8-леток на 92 единицы, в вставании он перегнал их по скорости на 46 единиц и в перескоке на 4 единицы. Он дал—29 в метании,—15 в силе удара,—11 в переноске тяжестей и—58 в скакании на одной ножке.

При чем пульс оказался даже более устойчивым, дав—3 в амплитуде колебания.

Таким образом, двигательные особенности этого мальчика, как чрезмерно подвижного, не только выявились (это можно было сказать на основании простого наблюдения), но и точно учтены цифрами.

То же дала и приведенная здесь „лента движений“ мальчика чрезвычайно замкнутого, упрямого.

У него данные получились совершенно противоположные, чем у первого.

Движения в смысле скорости дали: ходьба—9,5, вставание—21, перепрыгивание—8. Наоборот: удар+7, метание+4, а скакание на одной ножке+63.

Амплитуда колебания пульса лишь на одну единицу больше, чем у его сверстников 13-летних мальчиков того же учреждения.

Если бы „ленты“ этих воспитанников были сверяемы с данными движений нормальных детей того же возраста, отклонения, вероятно получились бы в еще больших цифрах, но и при учете их движений с однородным элементом индивидуальность их выразилась резко.

Можно даже больше сказать: нам думается, что ценны именно обследования однородных групп, будь это дети или профессиональные классовые группы и т. п. Очень важно выявление именно групповых особенностей, так сказать, характеристика двигательных особенностей группы и по отношению лишь к этой группе, как нечто цельному, однородному, можно учитывать особенности индивидуальные: одаренность, недочеты, и т. п., которые, как видно из вышеприведенных случаев, так легко выявляются „лентами движений“.

Это, конечно, не исключает возможности сравнивать средние данные целых групп в целях выявления, напр., особенностей движений отдельных пародов, отдельных классов или профессий.

Простота метода, его применимость при минимуме условий, быстрота выполнения, несложность вычисления при отсутствии сложных приспособлений может сделать его доступным, а повторная проверка выявит может быть еще более усовершенствованную технику.

Материалы к вопросу об антропо-психометрических особенностях современного детства (нормального и аномального *).

Заведующего Екатеринбургским областным врачебно-педагогическим кабинетом д-ра И. М. Левинсона.

Г - я Г Л А В А.

Настоящая работа ставит себе целью в скромной форме предварительного сообщения подытожить некоторые материалы врачебно-педагогического кабинета в гор. Екатеринославе, добытые исследованием детей, живущих и воспитывающихся в учреждениях для нормальных детей и детей-правонарушителей. Мы вынуждены ограничить круг здесь рассматриваемых вопросов лишь некоторыми основными данными антропометрического и психометрического значения, так как анализ всего арсенала, имеющихся в нашем распоряжении цифровых данных, отсрочил бы появление нашей работы на очень значительный промежуток времени и тем, может быть, в большей мере лишил бы ее злободневности. Уже в прежних наших работах, трактовавших специфические формы детской дефективности у беспризорных подростков, иногда балансирующих на гранях, едва отделяющих их от пре-психозов и психозов, мы подчеркиваем значение как наследственных факторов, так и социальных влияний. Поэтому мы не считаем нужным специально здесь отмежевываться от ортодоксальной веры в идею школы Ломброзо, который своей теорией о *l'uomo delinquente* выдвигает биологический фактор, „как коренную криминогенную“ причину (проф. С. В. Познышев). „Теперь ясно“ — говорит проф. Познышев в своей статье „Цезарь Ломброзо и его учение о прирожденном преступнике“, — что нет специфических внешних признаков преступника и что особенностей и различий преступников надо искать глубже — в их психике и применять иные методы, чем исключительно антропо- или краниологические измерения или исследования трупов“. Тем более и мы не имеем основания злоупотреблять в научной работе термином „моральная дефективность“, что, с точки зрения современной психопатологии, асоциальность и антисоциальность не характеризуют сколько-нибудь четко и определенно тех людей, к которым эти термины применяются.

Ашаффенбург, различающий преступников случайных, совершающих преступления под влиянием небрежности или аффекта, и преступников настоящих — с профессиональным влечением к преступле-

* Доклад на 2-м Всероссийском съезде по психоневрологии, педологии и эксперимент. педагогике 8-го января 1924 года.

** Доклад сопровождался демонстрациями большим колич. кривых, диаграмм и таблиц.

нию, убежден, что моральные изъяны несомненно часто имеются в наличии и у первых, у последних же всегда; к тому же эти люди еще „не выдержаны; слабы, неустойчивы, вспыльчивы, чудаковаты, дебильны“. Проф. Блейлер говорит, что „у врагов общества бывают различные степени развития интеллекта, чаще плохие чем хорошие, но многих нужно считать скорее оригиналами, чем дураками“. В другом месте Блейлер останавливается специально на вопросе о детях-правонарушителях: «значительная часть асоциальных детей отстает в школе, даже несмотря на недурные способности, ибо не имеет достаточного усердия и внимания; многие ленивы, вороваты и жестоки к людям и животным, лживы;—они быстро перенимают все дурное и инстинктивно ищут плохого общества». Отсюда становится понятным, как трудно держаться не только взглядов антропологической школы на преступность, но и взглядов тех исследователей, которые, как проф. Циген, утверждают, что моральная неустойчивость обязательно связана и с умственной слабостью (*Minderwertigkeit*). Полагая, что генез правонарушителя значительно сложнее, ибо неприспособленность человека к социальной жизни зависит не только, например, от моральной олигофрении на почве мозговых травм и болезней или шизофренического симптомокомплекса, но и от внезапного изменения социальной обстановки,—мы все же постараемся внимательнее взглянуть и в эндогенные конституциональные особенности молодого, неокрепшего еще организма в окружении только что пережитого стихийного голода и неотстоявшихся форм общественного быта.

На основании обследования морально-дефективных и беспризорных детей, Мартин Крюгер нашел в германских учреждениях 10% слабоумных, еще больше умственно отсталых и от 40 до 50%—психопатов, при чем основной причиной увеличения детской дефективности и беспризорности среди пролетарских детей автор считает войну, поколебавшую материальное благополучие и семейные основы народа. Хотя до 70% детей представляют явления не резкой степени умственной отсталости (дебилики), тем не менее они, по мнению Крюгера и цитирующего его в только что вышедшей работе проф. А. С. Грибосдова, представляют более опасный элемент, чем сравнительно тяжелые степени умственной отсталости; при этом нарушения в области воли и чувства очень часто маскируют умственную отсталость. Дети эпохи голода и социальных катаклизмов, в условиях беспризорности и разнообразнейших влияний улицы, должны были, конечно, дать почти новый биосоциальный тип *homo sapiens'a*, и это нам кажется тем более вероятным, что для взрослых (от 25 до 55 лет) известный Харьковский антрополог проф. А. А. Ивановский (см. «Наука на Украине», № 3 за 1922 г. стр. 91—97) нашел, что вследствие голодания рост их в среднем изменился следующим образом: во-первых, великоруссы—мужчины до голодания 1666 м.м., после голодания—1617 м.м., женщины до голо-

дания 1554 м/м., после голодания—1518 м/м.; во-вторых, украинцы—мужчины до голодания—1660 м/м., после голодания—1620 м/м., женщины соответственно 1568 м/м. и 1525 м/м.; в третьих—украинцы в Екатеринославской губ.—мужчины 1664 м/м. и 1618 м/м., женщины—1572 м/м. и 1524 м/м. Таким образом, голодание вызвало у великоруссов-мужчин понижение роста на 49 м/м. и у женщин на 36 м/м., а у украинцев соответственно на 92 м/м. и 95 м/м. (в частности, в Екатеринославской губернии—на 92 и на 94 м/м.), при том у высокорослых групп населения падение роста выражено сильнее, нежели у низкорослых, у представителей интеллигентных профессий—сильнее, чем у прочих, и у перенесших тиф—больше, чем у неболевших. Равным образом, у взрослого населения на Украине отмечено падение размеров груди, так что, например, у великоруссов грудной коэффициент, в среднем, пал с 53,02 до 50,46, у украинцев с 53,47 до 51,15 и т. д.; вместе с тем число субъектов с размерами окружности груди, не достигающими полуроста, у великоруссов—возросло с 16 до 42%, у украинцев—с 22 до 38% и т. д. »

Не приходится особо останавливаться, разумеется, на потерях в весе, доходивших до 30.—40% первоначального веса. Антропометрические данные проф. Ивановского не менее красноречиво, чем данные Мартина Крюгера, доказывают, что автор был к концу своего исследования вправе высказать чрезвычайной важности и интереса гипотезу, „не возвращает ли переживаемое населением России голодание к тем физическим признакам, которыми некогда обладали в одних случаях более близкие, а в других более отдаленные предки“. Отсюда же вытекает необходимость пересмотра вопроса о постоянстве или изменчивости антропологических типов, а с тем вместе, конечно, и всей, быть может, психофизической конституции голодающего организма. И если, по исследованиям Шлезингера, основанным на измерении и взвешивании 5000 немецких школьников за время войны, общее конституциональное их ухудшение является несомненным (в 1919—20 годах процент детей, исключительно низкого роста среди школьников увеличился почти втрое в сравнении с до-военным временем), то социально-бытовые условия нашей действительности должны были наложить трудно изгладимый отпечаток на подрастающий человеческий организм, резко видоизменив также его психофизические реакции и всю рефлексологическую установку на внешнее раздражение.

II-я ГЛАВА.

Несмотря на то, что медицинская литература последнего времени и находится в полосе изучения конституции, до сих пор нет единства взглядов на этот чрезвычайно важный вопрос, и если одни авторы исходят из понятия о конституции, как общего и единого свойства

организма в целом, другие усматривают в ней исключительно «эндогенный момент при заболевании». Оставляя до заключительной главы настоящей работы некоторые общие соображения, касающиеся конституции растущего организма, мы здесь ограничимся несколькими предварительными замечаниями, имеющими связь с принципами наших измерений. Как известно, изменчивость отдельных внешних и внутренних размеров тела, весьма значительная даже среди лиц одного возраста и пола, доставляет немало затруднений адептам округленных и упрощенных формул пропорциональности и подобия человеческого организма. К сожалению до сих пор корреляция наиболее важных размеров тела, в пределах их изменчивости, очень мало известна, и границы здоровья определяются нами до сих пор на основании средних данных. Так, есть авторы (Ресслер), считающие отклонение размеров органов на 15—20% от средней нормы физиологическим, а другие (Раутман) предлагают считать в пределах нормы колебания, например, роста и веса 24-летнего мужчины (немца) между 165—175 см. (рост) и от 60—72 килограммов (вес) и проч. Все подобные вычисления (таковы данные Бергмана относительно зависимости между размерами животных и их теплообменом, Бругша относительно нормального веса и т. д.) исходят из концепции о геометрическом подобии друг другу лиц одного и того же пола и возраста при различной длине тела. Опроверженнем этого, господствующего до сих пор взгляда, между прочим являются и приводимые ниже наши материалы, которые дифференцируются по полу и возрасту, а за тем и по национальному и социальному признакам, могут быть аргументом против взгляда, что будто-бы все индивидуумы одинакового происхождения непременно обладают и одинаковыми относительными размерами.

По традиции мы и здесь пытались использовать те ориентировочные формулы, которыми так богата антропометрическая литература, и мы имеем таблицы наших исследований, например, и по Пинье, устанавливающему в своей формуле связь между ростом, весом и обхватом груди, и по Пиркс, с его попыткой связать рост при сидении и вес; наконец, найдена нами и таблица морфологического коэффициента, понятие о котором тесно связано с попытками Ливи, Бругша, Рорера и других. Однако разочарование, напр., индексом Пинье, в особенности в Германии, довольно значительно, особенно после того, как врачами-педагогами этот метод, использованный во Франции при определении физической пригодности повобранцев—был неудачно применен на детях, а Швининг даже установил, что, несмотря на высокий «жизненный» индекс Пинье, вместе с увеличением длины тела, все больший процент исследуемых вольноопределяющихся, оказывается крепким и годным. Точно также индекс Рорера-Бругша оказался при массовых измерениях, неподходящим, ибо дети с недостаточным питанием, но ростом ниже среднего обнаруживают индекс вовсе пониженный и наоборот—хорошо

упитанные дети дают индекс ниже помеченного в таблице. Наконец, Шик показал, что, вопреки формуле Пирке, «квадрат высоты сидения не равен поверхности резорбирующих кишек», а представляет, по его мнению, удесятеренный вес тела в степени $2\frac{1}{3}$ и так далее. Обращаясь к современным русским авторам, мы, правда, отмечаем значительно более простые индексы: такова, таблица, например, д-ра М. Е. Груздева, ориентирующаяся на относительный вес детей различного возраста: но в таблице Груздева нет поправок на пол и его особенности.

Антропометрический метод проф. А. С. Дурново принимает в расчет и пол и возраст детей, хотя и устанавливает значительную амплитуду колебаний в пределах нормы. К сожалению, нормы нашего времени уже вероятно другие, поскольку нет более научного критерия при составлении педометрических таблиц, чем подбор некоторого статистического материала, без изысканий в области вопроса о конституции; к тому же применение роста-возрастного, роста-грудного и роста-весового показателей проф. Дурново ограничено периодом от 8 до 12 лет и, следовательно, в нашей практике, где представлены все возрасты детства и отрочества, не могло быть широким. Из вышеизложенных соображений мы не берем на себя здесь особых теоретических заданий, полагая в то же время, что будет небесполезно дать некоторый фактический материал и ограничить свою задачу сводкой антропометрических вариаций (роста, веса, объема груди и индексов), определенных нашим кабинетом на детях Екатеринбургских детучреждений от 8 до 16—17 лет обоего пола.

III-я ГЛАВА.

Наши исследования в 1923 году коснулись нескольких сот детей, при чем до 15 октября антропометрически и психометрически целиком проведено было 195 мальчиков и 154 девочки, а всего 349 детей, и исключительно антропометрически—291 мальчик и 217 девочек, итого 508 детей. По учреждениям дети распределялись так: мальчиков нормальных детучреждений—186 и девочек—184; мальчиков учреждений морально-дефективного детства—105, девочек дефдетучреждений—66. Не приходится подчеркивать, что самое сравнение нормального и, так называемого морально-дефективного детства, проводилось нами на равном числе испытуемых детей той и другой категории, притом одинакового возраста и пола; только распределение детей по их национальному и социальному признакам в связи с их возрастом и полом привело нас к абсолютно незначительному числу наблюдений по каждой возрастной группе мальчиков и девочек (в среднем от 5 до 10 наблюдений в каждой), почему в этих направлениях мы можем дать лишь приблизительную характеристику полученных нами средних чисел.

До 7 лет исследовано было нами 8 мальчиков и 5 девочек, итого 13 человек, от 7 до 9 лет—16 мальчиков и 11 девочек, или 27 чело-

век, от 9 до 11 лет—44 мальчика и 32 девочки, или 76 человек, от 11 до 13 лет—67 мальчиков и 56 девочек, или 123 человека, от 13 до 15 лет—96 мальчиков и 72 девочки, или 168 человек, от 15 до 17 лет—53 мальчика и 35 девочек и от 17 до 18 лет—12 мальчиков и 6 девочек, или 18 человек. Расчет нашего материала для выводов производился нами следующим образом: из индивидуальных формуляров, нами специально выработанных и заключающих до 60 измерений различного антропометрического значения, и еще больше психометрических таблиц (как увидим ниже), цифровой материал, подлежащий разработке в настоящем исследовании, переносился в специальные графы, соответственно учреждению, возрасту, полу, национальному и социальному признакам. Вслед затем вычислялись средняя арифметическая величина и прочие вероятные значения, как медиана (*Zentralwerth*) по *scripture*, и наиболее частое значение; кроме того, определялись средняя вариация (*mittlere Variation*), средняя квадратическая ошибка измерения, а также нечислялась в подходящих случаях и вероятная ошибка, в целях сравнения количества действительно сделанных ошибок с таблицей интеграла вероятностей Гаусса*). Естественно, что там, где количество наблюдений было больше, приближение к вероятной величине также было больше, медиана мало отличалась от средней арифметической величины, средняя квадратическая ошибка измерения была меньше, а соответствие действительно сделанных и теоретически вычисленных ошибок—было больше.

IV-я ГЛАВА.

Р о с т.

При сравнении среднего роста мальчиков и девочек учреждений морально-дефективного и нормального детства со средним ростом детей довоенного времени, нас поражает, прежде всего, их отставание не только от данных иностранных школьников (французских, по Кетле, и американских, по Смедлею), но и от более скромных норм Бондарева.

В свое время сильное впечатление производило сравнение таблиц проф. Эрисмана, исследовавшего фабрично-заводских рабочих, и д-ра М. Е. Груздева, изучавшего воспитанников средне-учебных заведений того же возраста и пола; при этом отставание рабочих в росте сравнительно с учащимися средне-учебных заведений доходило, в среднем, к 12 годам до 6,5 сантиметра, к 13 год.—до 8,3 с/м., к 14 год.—до 11,1 с/м., к 15 годам—до 12 с/м., к 16 год.—до 13,5 с/м. Наши цифры может быть потому превосходят даже пессимистические предвидения, что Екатеринославское детство пережило анамнез не только острого, но и хронического голодания и недоедания. Помимо цифр

*) Дальнейшие биометрические исследования производятся.

Эрисмана для фабрично-заводского ученичества, приближающихся к нашим цифрам, мы в литературе нашли с удовлетворением еще одного ученого, работавшего в самый острый период голода, а именно—в начале 1922 г. в Симферопольском детском коллекторе,—проф. В. Г. Штефко, работа которого, под заглавием „Влияние голодания на подрастающее поколение России в связи с анатомическими изменениями при голодании“, в значительной мере укрепила нас в наших выводах.

Любопытно тут же отметить, что, благодаря самозащите от голодной смерти, так называемое, морально-дефективное детство, отставая в росте приблизительно лет до 12, в позднейшем возрасте реагировало относительным повышением роста. Проф. Штефко, не различающий в своей работе нормальных детей и детей-правонарушителей, также находит возраст 12—13-ти лет—возрастом наиболее пагубного действия голода на рост, полагая причину этого явления как в нарушении роста скелета, так и в расстройстве функций желез внутренней секреции подрастающего организма (щитовидной и зубной желез, главным образом). Этот же автор нашел извращение кривой роста у голодающих детей в форме большего роста девочек с 6-го по 11 год жизни или в форме обгона в росте у девочек, происходящего при голоде только между 13 и 14 годами и запаздывающего, таким образом, против нормы на два года. Таким образом законы Штраца относительно второго выростания ребенка в ширину между 8 и 10 годами жизни и второго вытягивания в длину между 11 и 15 годами жизни вряд ли можно принять даже с натяжкой для современного детства. Однако, отличие нашей таблицы от таблицы Штефко состоит в том, что у наших мальчиков замедление роста наступает, повидимому, годом раньше, чем у Симферопольских мальчиков, и вытягивание мальчиков в длину, по нашим данным, прерывается на 11—12 году, в то время, как, по Штефко, перерыв происходит на 12—13 году. Кроме того, к 15 году жизни при следующем снижении прироста, наши дети имеют прирост за три последних года не 6 с/м., как было в Симферополе, а до 12,5 с/м. Точно так же и девочки, отличаясь несколько от норм Бондарева, превалируют в общем довольно значительно над цифрами Штефко, превышая в 9 лет его цифры на 3,3 с/м., в 11 лет—на 2,6 с/м., в 12 лет—на 2,1 с/м, в 13 лет—на 8,8 с/м., в 14 лет—на 3,6 с/м., в 15 лет—на 2,2 с/м. и т. д. При сравнении наших цифр с нормами довоенного времени, мы видим, что исследованные нами девочки отстают с 10 до 12 лет от мальчиков, затем до 14 лет обгоняют мальчиков, чтобы постепенно уступить им первенство после 15-летнего возраста; следовательно, запаздывание в росте мальчиков, сравнительно с девочками, в настоящее время менее длительно и наступает годом позже (вместо 11—в 12 лет). Такого рода различие в выводах наших и Штефко—совершенно естественно, если принять во внимание, что изучение Екатеринбургского детства производилось в

кабинете не в период острого голодания, как в Симферополе, а в период скорее хронического недоедания (авитаминоза и проч.): но, разумеется, и в этом случае голодание должно было сказаться на питании костей и железах эндокринного типа, задерживающих в таких случаях прирост тела в длину. Кроме того, на основании нашего материала, мы делаем следующие предварительные выводы: во-первых, при сравнении роста современных детей, оставляя в стороне пока социальное их отличие, русские и украинские девочки в возрасте от 12 до 14 лет обгоняют мальчиков, уступая им лишь к 15 годам; еврейские девочки, будучи выше мальчиков до 10 лет, после этого возраста отстают от них в росте до 14—15 лет; во-вторых, наши испытуемые русские и украинские мальчики, уступая еврейским мальчикам в росте между 8 и 12 годами, значительно обгоняют последних в позднейших возрастах; еврейские же девочки уже к 10 годам отстают значительно от русских и украинских девочек, при чем, повидимому, это отставание еще более подчеркивается с 13-летнего возраста; в третьих, русские мальчики, нами исследованные, в среднем выше украинских, а русские девочки, уступая украинским до 13-летнего возраста, после 13 лет несколько перерастают украинских; в четвертых, совершенно аналогично общим кривым роста исследованного нами детства, у русских и украинских мальчиков на 13 году жизни, а у евреев годом позже, начинается усиленный прирост длины тела, при чем этому приросту предшествует на 11—12 году перерыв у еврейских и замедление у русских детей, что между прочим совершенно совпадет с данными проф. Штефко (см. стр. 21 его работы). Девочки же усиленно растут—еврейские между 10 и 11 годами, а русские и украинские между 12 и 13 годами. Таким образом, нормальные отношения половых особенностей в период второго вытягивания,—притом у евреев в большей мере, чем у русских и украинских детей, резко извращаются в условиях хронического голодания. Не менее осторожно (в связи с малочисленностью социальных группировок, полученных нами вышеописанным методом классификации материала), подходим мы к попытке характеризовать социальные влияния на рост Екатеринославского детства и потому ограничиваемся пока здесь замечанием, имеющим также предварительный характер: повидимому, дети крестьян в наших учреждениях, в общем, несколько уступают в росте детям современных пролетариев, а дети служащих занимают среднее между ними положение.

У - я Г Л А В А.

В е с.

Как известно, максимальная прибавка в весе приходится для мальчиков на 15—16 год, а для девочек на 13—14 год, при чем, по Штеккеру, мальчики относительно весят больше, хотя после 14 лет

они и легче девочек (абсолютно). У исследованных нами детей наибольшая прибавка в весе, как у мальчиков, так и у девочек падает на 14—15-летний возраст, что не противоречит принципиальному указанию Штеккера, что наибольший прирост в весе падает на период полового созревания.

Исключая разве небольшое число исследованных нами правонарушительниц, которые приближаются к нормам Шварца, т. е. к превалированию их в весе, сравнительно с мальчиками в возрасте от 12 до 14 лет, мы находим, что мальчики, исключая заминку в 11—12-летнем возрасте, в среднем, весят больше девочек. Проф. Штефко указывает, что наростание веса у мальчиков в период полового созревания в нормальных условиях выражается в больших величинах веса, но идет равномерно, у девочек же, наоборот, между 12—14 годами отмечается резкое прибавление в весе, а в следующие ближайшие годы—значительное уменьшение, особенно резкое к 16 году жизни. Относительно наибольший прирост веса наших детей между 12—13 годами, сравнительно с нормой (ср. напр. таблицы проф. Гундобина), мы можем объяснить исключительно тем, что после серьезных нарушений обмена веществ один—два года тому назад, эти дети наверстывают к настоящему времени потерянное прежде, и притом мальчики гораздо менее равномерно, чем девочки. Так, например, к 12-летнему возрасту наши мальчики обнаруживают прирост веса на 3,4 килограмма, к 13-летнему возрасту—на 4,5 килгр. к 15-летн.—на 7,6 килгр. и т. д. В этой неравномерности прироста веса проф. Штефко усматривает меньшую устойчивость мужского организма при голодании, чем женского (другой мотив—характерные особенности в ходе годового прироста веса у мальчиков) и, в связи с некоторыми прочими соображениями, пытается объяснить большую смертность мальчиков, по сравнению с девочками, во время народного голода в Симферополе (см. стр. 32), где она была в отношении 8 к 5-ти. Повидимому, меньшая устойчивость мужского организма находится в связи, во-первых, с отсутствием жировых запасов, имеющих в наличии у женщины, во-вторых, с необходимостью потребления белка мышц, подвергающихся Ценкеровской дегенерации, и, наконец, в третьих, с решающим влиянием всего эндокринного аппарата, деятельность которого резко извращается при голодании.

Обращаясь к особенностям веса, в зависимости от национального фактора (с соответствующими оговорками, см. выше), можно было бы отметить прежде всего, что, приблизительно, до 12—13 лет мальчики украинской, русской и еврейской национальности идут в весовом отношении одинаково, после чего еврейские мальчики начинают от них отставать. С 14—15 лет меньше всех прибавились в весе русские испытуемые, несколько больше еврейские и еще больше украинские. Во-вторых, абсолютные цифры у детей обоего пола (у евреев и украинцев) совпадают почти в 12-летнем возрасте, у русских в 13-летнем возрасте.

В третьих, обгон в весе у девочек в отношении мальчиков происходит почти нормально (на 12-м году) лишь у русских, на 13 г. у украинцев и на 13—14 году у евреев, так что в отношении веса кривая еврейских детей совпадает с описанной Штефко кривой крымских татар при голодании. Впрочем, исследования Ланга и Вейсенберга указывают на некоторые специальные особенности периодов роста еврейских детей, характеризующиеся отсрочкой конца периода созревания и начала периода замедления роста. В четвертых, абсолютный рост тела в период максимального его увеличения, всего больше у украинцев, а относительный—у русских и евреев.

С точки зрения социальных влияний, вес рабочих и служащих немногим отличается от веса крестьянских детей, особенно в 13—14-летнем возрасте. В общем, цифры веса наших детей выгодно отличаются от „голодных“ цифр Штефко, приближаясь к цифрам Эрисмана для рабочих подростков довоенного времени, но, подобно проф. Штефко, мы тем не менее здесь, как и в других случаях, не могли получить „тех закругленных периодов в отношении увеличения веса по годам, которые отмечены рядом авторов“ (стр. 28).

VI-я ГЛАВА.

Периметр груди.

Если верно положение, что усиленный прирост в длину без соответственного компенсаторного роста в ширину свидетельствует об ослаблении сопротивляемости организма внешним вредностям, то таблицы периметра груди наших испытуемых детей являются, в свою очередь, живым тому доказательством. Традиционные исчисления разницы между периметром груди и полуростом ребенка, впрочем, редко являлись достаточно иллюстративными даже в таблицах мирного времени, а новейшие авторы еще мнее могут согласиться с тем, будто к 10—11 годам разность этих двух величин обязательно равна нулю, а после 11 лет из положительной—обязательно становится отрицательной, держась на одной высоте до 14—15 лет и т. д. (Троицкий). Мы также не можем уловить здесь четкой закономерности, да и вряд ли рационально, может быть, ее искать просто на взаимоотношении плоскостных и линейных размеров в форме простого вычитания. В таблицах наших общих исследований, безусловно, разница между периметром груди и полуростом ребенка недоказательна совершенно; можно лишь отметить некоторые преувеличения периметра груди девочек сравнительно с мальчиками, и увеличения на несколько миллиметров периметра груди, так называемых, морально-дефективных детей.

VII-я ГЛАВА.

И н д е к с ы .

Несмотря на ряд крупных недостатков, связанных с ориентировкой на существующие индексы, особенно с точки зрения современных конституциональных учений, все же мы вкратце позволяем себе остановиться на них, тем более, что индексы Пирке и Пинье в подходящих случаях рекомендуются и такими специалистами по детской антропометрии, как проф. А. С. Дурново, проф. В. Е. Игнатьев и др.

У мальчиков наших нормальных детучреждений к 13-ти годам заметно падение коэффициента Pelidisi и повышение его к 14 и особенно к 15 годам; у девочек коэффициент этот падает резко, но годом позже, чем у мальчиков, вновь повышается к 15-ти и особенно 16-ти годам. Медианы индексов Pelidisi для нормальных детей всех возрастов держатся в пределах 95—96,5 а для „морально-дефективных“ между 94 и 97, обнаруживая, таким образом, очень значительное совпадение.

Что касается индекса Пинье, то он оказался, в применении к детям, весьма мало характерным, не только в наших, но и в зарубежных исследованиях. Можно лишь отметить некоторое понижение этого индекса у девочек в период полового созревания и, наоборот, увеличение его к 14 годам у мальчиков, у которых затем после 15—16 лет индекс вновь уменьшается. В дефдетучреждениях эти же явления обнаруживаются, приблизительно, годом раньше.

Приходится еще остановиться на так называемом „морфологическом коэффициенте“, который в простейшем своем виде представляет частное от деления показателя веса на цифру длины тела. По Гундобину и Баудичу, морфологический коэффициент с возрастом систематически увеличивается в нормальных условиях. Но, как у голодающих детей проф. Штефко, так и у недоедающих наших детей правило это оказывается нарушенным.

Кроме того, в наших таблицах коэффициент „нормальных“ мальчиков до 12 лет больше, чем у девочек, затем наступает период отставания мальчиков, между тем как нормально коэффициент мальчиков должен превалять над коэффициентом девочек. Сравнение же абсолютных величин полученных нами коэффициентов с нормами Баудича указывает на резкое уменьшение наших цифр.

VIII-я ГЛАВА.

Психометрические исследования по проф. Россолимо.

В своем стремлении отдать себе, хотя бы в общем виде, отчет об уровне одаренности современного детства учреждений соцвоса, мы должны были остановить свой выбор на такой системе дифференциально-психологических испытаний, которая давала бы, при всем ее несовершенстве,

возможность сравнить полученные нами результаты с данными довоенного времени в нашей стране. По этому одному уже, не говоря о других мотивах чисто теоретического характера, мы отказались от „методов симптоматического определения одаренности“, при которых пытаются найти какое-либо одно свойство, как симптом общей высоты психического развития (таковы методы Эббингауза, Гейльбронера, Меймана, Винча и других), и от «метода изолированных тестов», которые слишком произвольно и случайно останавливают свой выбор на испытаниях отдельных, мало связанных между собою, психических функций (таковы методы Цигена, Пиццолли, Вейганда, Меркеса и др.). „Метод психологических профилей“ проф. Г. И. Россолимо, как нам казалось, больше других методов удовлетворил бы поставленному нами выше условию, тем более, что этот метод рекомендован его автором „не только для диагноза и прогноза различных душевных болезней и для целей клинического и судебно-психиатрического исследования, но и для разработки учения об умственной отсталости и для исследования в области развития личности в различные периоды ее жизни“.

Мы считаем излишним излагать здесь методику исследования по системе проф. Россолимо, считая ее достаточно известной кругам, интересующимся врачебной педагогикой и прикладной психологией. Вместе с тем, для целей общей массовой характеристики детства, мы можем пока оставить в стороне целый ряд серьезных, с точки зрения строго теоретической, возражений против системы Россолимо, выставленных, например, в самое последнее время проф. В. М. Экземплярским. Несмотря на многочисленность испытаний по этому методу (по полному методу их до 380-ти), все-вероятно знакомо некоторой неудовлетворенности также после синтеза результатов, так как, например, эмоциональная и волевая сферы человеческой психики задеваются этой системой очень мало, и главное внимание обращено ею на исследование интеллекта; с другой стороны, сливается вместе область ассоциативных процессов с осмыслением, воображением и пр.; немало есть дефектов также и в тестах „психического тонуса“. Помимо возражения проф. Экземплярского, что „результатирующие цифры совершенно скрывают вариации и в таком отношении являются мало показательными“ (стр. 64 „Проблемы одаренности“ В. М. Экземплярского, 1923), мы находим, с своей стороны, также, что формула профиля, по Россолимо, являясь средне-арифметической трех групп процессов, неправильно исчисляется и с чисто математической точки зрения, т. к. эти три группы процессов (психический тонус, память и сложные процессы—каждая в отдельности—уже являются средне-арифметическими ряда функций. И все же, повторяем мы, эта система „взяла правильную тенденцию построить дифференциально-психологическую схему испытаний“ (Экземплярский); все-таки, несмотря на потребность в более строгом расчленении

психологических функций, большем градуировании тестов и более точном способе исчисления результатов, только эта система казалась нам наиболее подходящей для быстрого ориентирования в психической одаренности нашего детства, более точного все же, чем, напр., система Блэнда-Симона в ее настоящем виде.

Психометрические измерения, по Россолимо, здесь нами анализируемые, основаны на вычислении и графическом изображении полных и сокращенных профилей нескольких сот (195 мальчиков и 154 девочек. — итого 349 детей) нормальных и, так называемых, морально-дефективных детей; само собою разумеется, что, при сравнительном изучении того и другого детства, мы брали равное число детей обеих групп. Мы решили обойтись без „краткого метода“ Россолимо, которым обычно пользуются, как раз при массовых исследованиях, но мы считали, что 27 ответов по краткому методу дадут меньше материала для характеристики детства, чем несколько сот ответов по полному методу Россолимо. Однако, мы считались с необходимостью известного понижения требований к беспризорному детству и детству соцовса, и потому, не придерживаясь, так называемой, „урavnительной поправки“, предложенной проф. Россолимо в сборнике, посвященном памяти проф. Лазурского, т. к. хотели оставить себе возможность сравнения с психометрией довоенного времени, — мы все же разрешили себе единственно изменение в квалификации полученных нами результатов, сравнительно с оценкой автора метода, а именно: формулу профиля с баллом 7—8 мы полагали возможным для данного периода оценивать, как формулу хорошо одаренной личности, с баллом 6—7 — удовлетворительно одаренной, 5—6 — весьма посредственной, 4—5 — дебильной, 3—4 — имбецильной.

Расчленение материала для психометрических целей было произведено нами аналогично тому, что нами было изложено в главах, посвященных антропометрическим измерениям.

Общая характеристика полученных нами при этом результатов сводится к следующему: во-первых, формулы профилей нормальных мальчиков, нами исследованных, в возрасте от 10 до 15 лет. относятся к типу „удовлетворительных“ (по нашей терминологии); с 16 лет заметно дальнейшее незначительное поднятие кривой, во-вторых, нормальные девочки, представляя к 10 годам в среднем „посредственный“ профиль, с 11 до 16 лет дают также „удовлетворительный“ профиль; в третьих, правонарушители — дети значительно отличаются по своему профилю от нормальных детей (порочные дети, по классификации Россолимо), т. к., в среднем, десятилетние дети имеют низкий, почти „дебильный“ профиль, мальчики постарше (до 15-ти лет) — „посредственный“, достигая лишь к 15 годам „удовлетворительного“ профиля; девочки же приобретают „удовлетворительный“ профиль также к возрасту полового созревания; в четвертых, в возрасте полового созревания (от 13 до 15 лет) нормальные девочки превосходят мальчиков коэффициентом своего

профиля, уступая им в младших и более старших возрастах и весьма сходствуя в возрасте 11—12 лет; в пятых, таблицы медиан профилей по своему типу совпадают с таблицами средне-арифметических величин тех же профилей, обнаруживая стирание половых различий на короткий срок (11—12 и 15 лет).

Наконец, сравнивая с некоторыми оговорками (см. выше) имеющийся в нашем распоряжении материал по национальному признаку, мы могли бы сказать, что средняя формула профиля всех трех национальностей мало чем отличается друг от друга (незначительное превалирование формулы еврейских мальчиков до 13-летнего возраста может быть здесь отмечено лишь вскользь); то же явление замечается и у девочек (еврейские девочки до 13-летнего возраста показывают повидимому несколько более низкий профиль). В средних цифрах формула профиля русских мальчиков колеблется в пределах 5—6 в возрасте до 12 лет и 6—7 в возрасте 13—15 лет; профиль украинских мальчиков колеблется в пределах тех же чисел; профиль еврейских мальчиков—в пределах 6—6,5 до 13 лет и 6,5—7 до 15 лет. Профиль девочек—русских 5—6,5 до 13 лет, 6,5—7 до 15 лет; украинских—6—6,5 до 13 лет и 6,5—7 до 15 лет и еврейских 5—6,3 до 14 лет и 6,3—6,8 до 15 лет. Разница в величине средней формулы профиля между мальчиками и девочками у русских детей менее значительна к 11—12-летнему возрасту, но уже к 13 годам превосходство русских мальчиков над русскими девочками заметно; равно, украинские и еврейские мальчики превосходят в данном случае девочек, при чем различия формул мальчиков и девочек стираются здесь на год позже, чем у русских, т. е. приблизительно к 13 годам.

По социальным отличиям—дети рабочих до 14 лет, повидимому, превосходят крестьянских детей коэффициентом своего профиля; после 14 лет—крестьянские дети догоняют или обгоняют первых. При сравнении мальчиков и девочек рабочих и крестьян, отличия, повидимому, в том, что в первом случае формула профиля мальчиков до 14 лет несколько выше, чем у девочек, а во втором—наоборот. Дети служащих близки по уровню своего профиля, в среднем, к формуле профиля детей рабочих.

IX-я ГЛАВА.

Психический тонус.

Анализируя кривые наших профилей, соответственно классификации Россолимо, мы находим, прежде всего, некоторые особенности психического тонуса современного детства. Такие психические функции, как сопротивляемость внушению и автоматизму, отличаются у нормальных мальчиков значительно более интенсивным нарастанием вместе с возрастом, чем у так называемых морально-дефективных детей; к 15 годам

это различие как будто несколько ступшевывается, но лишь потому, что психический тонус нормального детства к этому периоду снижается. Еще резче отличия в психическом тонусе у нормальных и дефективных девочек, при чем отсталость последних в данном направлении особенно значительна к 14—15 годам; значение этого обстоятельства для суждения о психике правонарушительниц и малолетних проституток не нуждается в комментариях.

Расчлняя наш материал по национальному признаку, мы получили впечатление, что до 14-летн. возраста психический тонус у русских детей больше, чем у украинских и еврейских; после 14 лет—больше, чем у украинских, но меньше, чем у еврейских. По характеру половых отличий, величина психического тонуса у девочек до 13 лет всех трех национальностей несколько большая, чем у мальчиков; после этого возраста цифры психического тонуса мальчиков и девочек близки между собою. Кроме того, при сравнении нормального и морально-дефективного детства, видно, что психический тонус нормальных и дефективных девочек отличается больше всего у украинских детей, а мальчиков—больше всего у еврейских и меньше у русских и украинских, при чем максимальные различия нормальных и морально-дефективных мальчиков у евреев—в 14—15 лет, а у русских и украинцев—в 12—13 лет.

С точки зрения социальных особенностей нашего детматериала, можно было бы отметить, разве, что психический тонус пролетарских мальчиков до 14 лет несколько превышает психический тонус пролетарских девочек, в то время как у крестьянских детей отношение тонуса мальчиков и девочек, повидимому, обратное; однако, после 14—15 лет мальчики, в общем, превалируют в сфере воли над девочками.

Х - я Г Л А В А.

Память.

Группа психологических функций, входящих в профиль Россоломо под общим наименованием „память“, дает возможность, действительно, исследовать значительное количество процессов запоминания, независимо от того разнообразия „энграмм“, которые при этом различным способом должны быть „экфорированы“. Выводы, к которым мы пришли при исследовании памяти—следующие: во-первых, нормальные мальчики наших детучреждений, в среднем, отличаются лучшею памятью, чем дети тех же возрастов учреждений дефдетства; исключение, как и при психическом тонусе, падает на 15-летний возраст, когда память у тех и других, в среднем, обнаруживает близкие цифры по Россоломо; во-вторых, нормальные девочки, в общем, в отношении памяти превосходят морально-дефективных девочек, и притом в большей степени, чем нормальные мальчики превосходят мальчиков-правонарушителей; в третьих, некоторое относительное понижение памяти у русских мальчиков за-

метно на 14-м году, у еврейских—на 13-м, у украинских—на 12—13-м; у русских девочек—на 14-м году, еврейских—на 13-м, украинских—на 13—14 году; в четвертых, особых отличий в сфере памяти, с социальной точки зрения, отметить не удастся, кроме, разве, незначительного отставания, может быть, крестьянских детей, сравнительно с детьми прочих классов.

Х I-я Г Л А В А.

Ассоциативные процессы.

Если пренебречь дефектами метода Россоломо в области ассоциативных процессов (см. выше), а также неудачными тестами наблюдательности и некоторых других функций, имеющих отношение к этой группе, то мы можем сделать следующие заключения из нашего материала: во-первых, неуклонное движение вверх, вместе с возрастом, коэффициента ассоциативных процессов нормальных мальчиков, в то же время выявляет все более возрастающую среднюю разницу между нормальными мальчиками и правонарушителями; во-вторых, различия ассоциативных способностей нормальных девочек и правонарушительниц—меньше, чем у мальчиков; в третьих, ассоциативные процессы нормальных мальчиков во всех возрастах значительно, чем у девочек, при чем различия сглаживаются, приблизительно, около 15 лет, чтобы затем вновь обнаружиться после 16 лет; те же явления и в мире детей-правонарушителей. Следует, однако, оговориться здесь, что нередко *отдельные процессы*, входящие в группу „сложных“, у Россоломо,—например,—практическая сметливость,—могут быть развиты у так называемого морально-дефективного детства *сильнее*, чем у нормальных детей, но эти отдельные преимущества правонарушителей маскируются в конечном итоге при суммировании различных отдельных функций, входящих в состав профиля по Россоломо; в четвертых, по предварительному впечатлению от имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно было бы думать, что различия ассоциативных процессов у русских и украинских мальчиков, сравнительно с девочками, меньше, чем у еврейских и что наиболее высокие средние цифры у украинских и русских мальчиков получаются с 13, у еврейских мальчиков—с 12 лет. В пятых, по видимому, ассоциативные способности различных социальных групп испытанных нами детей могли бы быть расположены в порядке, при котором первые места занимали бы служащие и рабочие.

Заключение.

Далеко не исчерпав того значительного материала, который имеется в распоряжении Екатеринославского врачебно-педагогического кабинета, мы, на основании подвергнутых в настоящей работе анализу антропосоциометрических данных, должны, прежде всего, заключить, что правы исследователи (проф. Каупп), которые полагают, что „конституция—

сумма свойств организма (Körperbeschaffenheit), возникших из за-датков зародышевой плазмы и продолжающих свое развитие до состоя-ния полной зрелости под влиянием условий жизни“ (см. ст. проф. Каупа „Конституциональная гигиена и терапия“, стр. 101. Сборник „Новое в медицине“, изд. 1923 г.). Каждый из периодов индивидуаль-ного существования, очевидно, имеет различный предел, как своих функциональных способностей, так и сопротивляемости внешним вред-ностям,—притом, несомненно, с расовыми и социальными вариациями, пока, повидимому, нам совсем мало известными. К сожалению, как мы уже указывали в начале нашей работы, впредь до выяснения коррелятивных зависимостей между главными и второ-степенными размерами тела и замещения теории геометриче-ского подобия индивидуумов теорией „выравнивания пропорций тела при изменчивости его размеров“, как выражается Кауп, все наши антропо-метрические материалы не могут подвергнуться настоящей критической оценке, исключая разве сравнений их с материалами других авторов, нередко оперирующих туманным понятием „нормы“. Так, например,— дети одного и того же возраста, с точки зрения существующей теории, должны были бы иметь одинаковую пропорцию тела, отличаясь лишь его массою; между тем известно, например, что соотношение периметра груди и роста у взрослых низкорослых суб'ектов равно 53%, а у вы-соких ростом больше на 20 см., оно равно 47%; но такие же явле-ния наблюдаются и при исчислении прочих размеров тела. Возьмем другой пример из сборника „Антропометрические измерения детей“ (табл. № 2) проф. А. С. Дурново: здесь процентное отношение пери-метра груди и роста, например, 8-летнего ребенка колеблется между 51,2% (при длине тела 119,2 см. и периметре груди 51,1 см.) и 52,3% (при длине тела 119,5 см. и периметре груди 60,5 см.); а между тем, ведь мы оперируем в данной таблице исключительно сред-ними величинами, и, разумеется, в каждом индивидуальном случае не-надежность существующих норм может обнаружиться еще ярче. Но если в нормальных условиях получают подобные колебания антропометри-ческих величин, притом связываемых нередко неправильными соотноше-ниями, то, тем более, естественны эти колебания в исключительных условиях пережитой нами эпохи сначала острого, затем хронического голодания, повлекшего за собою резкое ослабление сопротивляемости детского организма внешним вредностям. При этом наши материалы, во многих отношениях напоминают выводы проф. Ивановского и проф. Штефко, которые показали, между прочим, также и то, что при улуч-шении питания уменьшение роста ослабевало и появлялась тенденция к известному увеличению его; в свете этих утверждений становится понятной относительная разница наших цифр, полученных при хрони-ческом недоедании детей, и цифр проф. Штефко. „Если, пишет по-следний, на рациональное питание детей в ближайшее время не будет

обращено внимание, то нетрудно предвидеть дальнейшее прогрессивное шествие физического и умственного вырождения (падение в весе мозга по отдельным возрастам достигает 5—15%) и падения в будущем работоспособности населения России“ (стр. 60).

Те же рассуждения и те же заключения поэтому напрашиваются не только в отношении антропометрических признаков нашего детства, но и психометрических данных, получаемых с помощью метода психологических профилей. Повидимому, пока учение о корреляции психических функций, с одной стороны, и физических свойств индивидуума, с другой, не станет на твердую почву,—до тех пор не будет выяснена закономерность широты вариаций в пределах норм, и разве только в таких исключительных случаях, как исследование детства голодной эпохи^{*)}, можно обойтись несовершенной методикой современной педологии и прикладной психологии.

Конечно, как правильно подчеркивает Бец, „наличие корреляции само по себе отнюдь не является указанием на наличие прямой функциональной связи“, ибо не все функциональные связи обратимы, и только тогда и можно будет решать, по нашему мнению, такой важности вопросы, какие подняты в современной литературе известным психиатром Кречмером (см. „Строение тела и характер“, Берлин 1921 г.), у которого методика исследования тела основана не на точных измерениях, а на интуитивно добытых зрительных и осязательных впечатлениях. И если, на основании вышеизложенных соображений и нашего материала, мы могли бы отнестись осторожно к утверждению проф. Кречмера, что влияние питания и работы на телесную конституцию, вообще, не следует переоценивать, ибо они не изменяют ее сущности, то он, несомненно, прав в своих авторитетных указаниях на частую выраженность особенностей „шизоидного“, „циклоидного“ и прочих типов, столь часто встречаемых как среди нормального, так в еще большей степени, среди, так называемого, морально-дефективного детства. Только, может быть, влияние пережитого военного и голодного времени распространяется не только на антропологический тип современного нам детства, но и на появление тех „пре-психопатических“ личностей, о которых пишет Кречмер.

Тезисы.

1. Переживаемая современным детством полоса беспризорности и голода наложила глубокий отпечаток на психофизиологический биотип подрастающего поколения.

2. Так называемое морально-дефективное детство, в среднем, является наиболее пострадавшим, как в физическом, так и в психическом отношениях.

^{*)} Напр., среди несовершеннолетних правонарушителей, прошедших Екатеринбургск. губкомиссию в 1922 г., нами было найдено 8% дебилов, 4% имбецилов, 15% резко выраж. психоневротиков и эпилептиков, 30% душ. больных и до 50% педагогически отстающих в резкой степени.

3. Нормы физического и духовного развития довоенного времени, для современного детства и юношества оказываются неприменимыми и требуют радикальных коррективов в применении к создавшимся условиям.

4. Концепция о геометрическом подобии лиц одного и того же возраста и пола, повидимому, должна уступить место теории коррелятивных зависимостей органов тела, подлежащих специальному изучению будущих исследователей.

5. Данные наших исследований над детьми Екатеринославских детучреждений доказывают решающее влияние голодного анамнеза не только на рост, вес, периметр груди и т. д., но и на психику нормального детства и правонарушителей.

6. Сравнение наших кривых с кривыми других авторов указывает на наибольшее сходство полученных нами данных с данными исследователей голодающего детства.

7. Хроническое недоедание детей в последние годы привело к извращению кривой прироста и хода половых отличий роста у детей с некоторыми нюансами национального и классового характера.

8. Несмотря на значительные недостатки системы психологических профилей проф. Россолимо и способа ее подсчетов, эта система тем не менее, при подробном и тщательном выполнении ее требований, также может дать массовую характеристику нормального и дефективного детства.

9. Дети-правонарушители в массе дают значительное снижение кривой профиля и ее частей, в сравнении с детьми нормальных детских домов, но и при такой массовой характеристике следует подчеркнуть наличие у правонарушителей во многих случаях ярко выраженной частичной одаренности.

10. Оценка уровня одаренности, по системе Россолимо, указывает на необходимость индивидуализации требований к современному детству, при непременно учете всей обстановки современных детучреждений и их структуры.

11. Только „педоцентрическая“ точка зрения, исходящая из знания конституции и личности ребенка, может содействовать углубленной разработке методов оздоровления современного детства в физическом и психическом отношениях, а для этого необходимо, прежде всего, принять меры к рационализации детского питания, к поднятию квалификации работников в детучреждениях и к организации учреждений (для детства в особенности) на строго педологических принципах.

12. Правильно организованная сеть должна быть построена на дифференциально-психологических основаниях отбора детей, для каковой цели дети должны изучаться врачами-педагогами и педологами в специально организованных врачебно-педагогических институтах, кабинетах, лабораториях и проч.

Л и т е р а т у р а.

1. Проф. Цезарь Ломброзо „L'uomo delinquente“.

2. Проф. С. В. Познышев. „Ц. Ломброзо и его учение о криминальном преступнике“ („Журн. психологии, психиатрии и неврологии“ прил. 1. Издание 1922 г.).
3. Проф. Aschaffenburg. „Преступность и борьба с нею“ Heidelberg, 1906 г.
4. Проф. Е. Блейлер „Руководство по психиатрии“. Берлин, 1920 г.
5. Проф. А. А. Ивановский „Изменения физических признаков населения России под влиянием голодания“ („Наука на Украине“ № 3, 1922 г.).
6. Проф. Каупп. „Конституциональная гигиена и терапия“ (Сборник 1 „Новое в медицине“ изд. 1923 г. Харьков).
7. Проф. Н. К. Кольцов „Новейшие работы в области физиологии питания“ („Успехи биологических наук“, Сбор. 1, 1922 г.)
8. Проф. А. С. Дурново. „Антропометрические измерения детей“ („Унификация методики массовых исследований детей и подростков“) Госиздат, Москва, 1923 г.
9. Проф. В. Г. Штефко. „Влияние голодания на подрастающее поколение России, в связи с анатомическими изменениями при голодании“. Крымиздат, Симферополь, 1923 г.
10. Проф. Г. И. Россолимо. „Психологические профили. Методика“. 1917 г.
11. Его же — „Общая характеристика психол. профилей“, 1910 г.
12. Проф. В. М. Экземплярский. „Проблема одаренности“. Москва, 1923 г.
13. Проф. А. С. Грибоедов— „Медико-педагогическая экспертиза и комиссия о несовершеннолетних“. Госиздат, 1923 г.
14. Д-р И. М. Левинсон— „Детские правонарушения на почве голода“ („Профилактическая медицина“ № 1, 1922 г.).
15. Его же— „Менделистическое расщепление наследственных признаков в семьях с дегенеративной наследственностью“. Харьков, 1923 г.
16. Его же— „Трудные в воспитательном отношении дети и борьба с детской дефективностью“ (Путь Просвещения № 2 за 1923 г.).
17. Его же— „К психоанализу этических эмоций у малолетних правонарушителей“ (доклад в секции криминальной психологии 1-го Всероссийского Съезда по психоневрологии в Москве в январе 1923 г.).
18. Проф. П. П. Блонский. „Педагогика“ Москва, 1922 г.
19. W. Stern. „Die differentielle Psychologie“, Lpz., 1921 г.
20. Бетц. „Проблема корреляции в психологии“. Москва, 1923 г.
21. Kretschmer. „Körperbau und Charakter“, 1922 г.
22. F. Krüger u. C. Spearman. „Die Korrelation zwischen verschiedenen geistigen Leistungsfähigkeiten“, 1906.
23. Проф. А. Иванов — „Теория ошибок и способ наименьших квадратов“ 1921 год.

Об изменениях роста у современного детского населения¹⁾.

Проф. В. Г. Штефко.

Питание и рост. Значение витаминов для эндокринных желез.

Рост организма в целом сопровождается чрезвычайно сложными процессами, сущность которых до сих пор не может считаться достаточно выясненной. С морфологической стороны эти процессы могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер. В основе их, в период индивидуального развития организма, лежит работа эндокринного аппарата, изменения в ферментативной деятельности и т. д.

Исследования Мильмана, Pfeiffer'a, Abderhalden'a и др. показывают, что наличие связанных и свободных ферментов в крови, действующих на белок того или другого органа, с возрастом изменяется в том направлении, что количество связанных ферментов с ростом убывает, свободных нарастает. Рост связанных ферментов идет параллельно интенсивности роста организма. Таким образом, рост связанных ферментов прямо пропорционален созидательной деятельности, они появляются при образовании новых клеток и их называют созидательными или строительными ферментами (Aufbaufemente). Рост же свободных ферментов идет параллельно ослаблению созидательной деятельности и их больше всего накапливается в старости, ввиду этого их можно охарактеризовать как „Abbaufemente“—ферменты старения и разрушения.

Такую более или менее закономерную смену одних ферментов другими можно видеть из того, что в то время, как сыворотка крови новорожденного или ближайших последующих возрастов неспособна ферментировать белок органов взрослого, сыворотка последнего обладает этой способностью по отношению ко всем органам предшествующих возрастов. Эта способность возрастает с постарением организма.

Из многочисленных факторов роста для нас представляют особый интерес питание и те эндокринные железы, которые могут быть названы как железы роста. В специальной своей работе²⁾ я постарался по возможности представить значение указанных факторов в процессе роста человеческого организма. Здесь я хочу только коснуться результатов этого исследования, дающего возможность установить связь между

¹⁾ Доклад 2-му Всер. Собранию по охране здоровья детей. Ноябрь 1923.

²⁾ Zeitschr. f. Konstitutionslehre 1923 Bd. IX N 3/4, а также «Влияние голодания на подраст. поколение России в связи с анат. изменениями при голодании» Изд. Красного Креста, Крымград, 1923.

питанием организма и работой эндокринного аппарата. Факт этот имеет очень большое значение для последующего разбора уклонений от нормального хода изменчивости в росте как организма в целом, так и отдельных его частей.

Значение отдельных ингредиентов в пище в процессе роста было изучено целым рядом авторов.

Osborne, Mendel, Aron, а затем Röhmann, показали большое значение белка в процессах роста. Это видно из составленных ими диаграмм. Уменьшение содержания белка в пище на половину, приводило к резкому замедлению роста у молодых крыс, в результате которого они оставались более чем вдвое меньшими, чем крысы, развивавшиеся при нормальных условиях питания. Исследования Röhmann'a показывают, что различные белковые тела влияют на рост различным образом. Поэтому минимум белка, необходимого для роста, не является величиной определенной. К белковым веществам, введение которых не способствует росту, относится, напр. казеин.

Osborne и Mendel (1913 г.) своими дальнейшими опытами показали, что к веществам, стимулирующим рост, относятся также жиры. Однако, подобно белкам, не каждый жир обладает „фактором“ роста. При наличии в пище только сала, наступает некоторое замедление роста, но стоит прибавить к ней сливочное масло, как энергия роста достигает нормальной величины. Необходимость этого компонента „А“ для роста была доказана также целым рядом авторов M. Callum, Davis, Drummond и др., которые занимались также изучением распределения этого вещества в жирах другого происхождения (как растительного, так и животного). Однако, исследования Mellaby, Hess и Unger'a не привели в этом направлении к определенным результатам. Что касается до химической природы компонента или витамина „А“, то она остается нам неизвестной. Идентифицировать его с липоидами вряд ли можно, ввиду того, что последние, согласно исследованиям Palmer'a и Kempster'a, не оказывают влияния на рост. Меньшей определенностью отличаются наши сведения относительно компонента „В“. Комплементин „В“, содержащийся в различных овощах (морковь, капуста), а также в отрубях, по данным Funk'a, Osborne и Mendel'a, оказывает благоприятное влияние на рост. Лишение животных пищи, содержащей указанный компонент, влечет за собой задержку в росте, потерю в весе, общую слабость и пр.

Одним из важнейших следствий отсутствия компонента „В“ в пище являются профузные поносы. Это явление чрезвычайно часто отмечалось и нами у голодавших детей. Такие профузные поносы давали колоссальную смертность—до 90%. На вскрытии мы всегда находили картину Scorbut'a и Purpura abdomin. Наилучший терапевтический эффект достигался при назначении соответствующего питания, состоя-

шего из желтков и свежих овощей, в постепенно возрастающем количестве. Таким методом смертность была сведена до 25—27%. Лишение пищи, назначение рисового отвара и других обычных диететических мер несколько не улучшало положения больных. Это доказывает нам, что действительно в данном случае патогенетическим моментом является отсутствие в пище соответствующих добавочных веществ (Komplementinstoffe). Регресс роста у некоторых из таких детей обнаруживался при периодических наблюдениях за ними. В костной системе при этом обнаруживались специфические изменения, наиболее близко стоящие к болезни Barlow'a. Приведенные краткие данные показывают нам, что для процесса роста особо важное значение имеют витамины (А, В). Их роль, повидимому, сводится не только к непосредственному действию, а и к влиянию на более полный общий обмен веществ и правильную утилизацию отдельными органами и тканями продуктов распада, как это и доказано экспериментальными исследованиями Палладина.

Эти экспериментальные данные, иллюстрирующие нам зависимость роста от питания, несколько изменяют и расширяют наш взгляд на значение и сущность последнего. Соображения, вытекающие из их рассмотрения, приводят к тому заключению, что пищевые вещества, расщепляясь в кишечнике, освобождают вещества, значение которых не только служить простым питательным материалом для клетки, но в том случае, если клетка должна расти, то они должны быть и раздражителями этого роста.

Это возможно лишь при тех условиях, когда пища наряду с достаточным количеством других пищевых веществ содержит определенное количество дополнительных веществ и полноценного белка (по R ö h m a n n'у). Эти химические вещества, действуя, как раздражители на элементарные составные части клетки, возбуждают рост и при общем повышении интенсивности химических процессов направляют обмен веществ в русло, ведущее к размножению клеток. Современные данные из физиологии показывают, что все органы находятся по отношению друг к другу в строго определенной зависимости. Если в пище не хватает тех или иных специфических веществ (витаминов) или определенных атомных групп белка, то отсутствие роста может быть объяснено тем, что его причина лежит в различных железах внутренней секреции, образующих необходимые для роста гормоны. F u n k в 1913 г. пришел к заключению, что действие витамина роста является не прямым, а осуществляется через посредство желез внутренней секрецией. На такой же точке зрения стоит A b d e r h a l d e n. Он полагает, что комплементины или витамины должны рассматриваться только как раздражающие вещества (Reizstoffe), для определенных клеточных групп: желез внутренней секреции, пищеварительных желез, нервов и т. д. Зависимость хода физического и частью психического развития от функционального состояния эндокринного ап-

парата настолько хорошо известна, что ее здесь я не буду касаться. Укажу только на то, что опыт и наблюдения из области патологии учат нас тому, что действие отдельных гормонов является не только общим, но иногда ограничивается во влиянии на рост лишь отдельной части тела, благодаря чему пропорциональное развитие организма осуществляется лишь при гармонической работе всего эндокринного аппарата. Это обстоятельство очень важно для объяснения тех явлений, которых мы коснемся ниже. Наиболее способствующим работе эндокринных желез является витамин «В» (Funk, Carrison).

Приведенные соображения относительно связи между витаминами и работой эндокринного аппарата оставались до самого последнего времени лишь весьма вероятными предположениями и прямого подтверждения их не было дано.

Только лишь изучение большого материала, по весьма обширной программе, относящегося к детскому возрасту и взрослому населению, подвергнутому голоданию, по программе, включавшей в себя как антропометрические данные, вес и проч., так и анатомические изменения, происшедшие в различных органах и системах (в том числе во всех железах внутренней секреции), произведенное мною на протяжении 1922—1923 г., вполне определенно установило связь, существующую между эндокринным аппаратом и питанием *). Одним из главных выводов из указанных работ является положение, что при голодании мы имеем ряд изменений в железах внутренней секреции, типа пьюритландулярной недостаточности. Однако, как показывает разбор этих изменений, они, с биологической точки зрения, при голодании должны быть признаны целесообразными.

Не входя в разбор этих данных, изложенных как в основной работе, так и в отдельных исследованиях, посвященных разбору изменений отдельных желез с внутренней секрецией, которые в настоящее время изучены все в моей лаборатории, я должен указать, что под влиянием недостаточного и нерационального питания (и голодания) происходит установка работы отдельных эндокринных желез в новой плоскости, что выражается и в соответствующих изменениях их морфологической структуры.

Одни железы внутренней секреции, изменяя свойства своего инкрета, подвергаются гипоплазии и даже атрофии (Thymus, щитовидная), изменения в других различны в различных частях железы, что вызывается более сложным приспособлением к новым условиям жизни под влиянием

*) Zeitschr. f. Konstitutionslehre 1923. Bd IX II 3/4.
Virchow's Archiv 1923 H 1/2.
Zeitschr. f. gesamte Anatomie 1924. Bd XI.

недостаточного питания (гипофиз, надпочечники, половые железы). Наконец, к третьей группе желез относятся (gl. pinealis) те, изменения в которых связаны, повидимому, не непосредственно с питанием и его продуктами, а с другими железами (половыми).

Такие изменения в железах внутренней секреции и их взаимное приспособление совершаются с известной постепенностью, как в зависимости, повидимому, от характера голодания, так по возрасту и полу. В результате чего развитие отдельных особенностей и рост отдельных органов (сердце) удерживают свои половые отличия в ходе развития.

Авитаминоз у голодавших детей (реже у взрослых) находил себе подтверждение в громадном распространении различных форм геморрагического диатеза, которые мы находили на секционном столе. Здесь, конечно, мы имели универсальное авитаминозное голодание. Это можно было установить не только на основании патолого-анатомической картины погибавших в большинстве случаев от профузных поносов детей (с изменен. типа Purpur'ы, Scorbut'a), но и на основании наблюдения пад голодавшими детьми, находившимися в больницах или приютах.

Дети и взрослые в течение дня могли выпивать с большой жадностью до $\frac{1}{2}$ бутылки рыбьего жира (Ol. jecoris aselli). Потребность в овощной пище (resp. растит.) была настолько сильна, что целые площади травы были съедены, съедались даже зеленые листья с деревьев. Такова же была потребность в солевой пище. Хлористый натрий дети ели ложками, грызли штукатурку и пр. Это можно было отметить тогда, когда они были уже в относительно нормальных условиях питания (1600—1800 калорий).

Таким образом, стремление ввести в организм различные группы дополнительных веществ—«комплементинов» (витаминов) резко бросалось в глаза, как общее явление, во все возрасты развития.

Взрослый организм испытывает большую нужду в витамине «А». Детский, как в витамине «А», так и «В» и в солях.

Рассматривая приведенные данные в связи с изменениями в эндокринном аппарате, установленными в ряде отдельных работ, мы приходим к заключению, что выработка инкретов находится в зависимости от питания.

Иными словами, в состав пищи должны входить определенные вещества (комплементины), которые являются необходимыми для выработки гормонов различными железами эндокринного аппарата.

Явления задержки роста и общие изменения в кривой нарастания, судя по аналогичным данным, полученным при экспериментальных исследованиях различных авторов над влиянием отдельных витаминов (А, В) на рост, должны быть в значительной степени отнесены не

непосредственно на недостаток пищи, а на те изменения, которые произошли в железах внутренней секреции под влиянием отсутствия специфических веществ в пище, стимулирующих деятельность указанных желез и возможно находящихся в очень тесной связи с самыми гормонами.

Простой недостаток пищи ни в коем случае не может нам объяснить различных весьма важных деталей в особенностях хода физического развития детей, перенесших острое или хроническое недоедание. Несмотря на полную однородность материала в отношении перенесенного голодания, как это отмечено мною и теперь другими авторами, голодание особенно тяжело отразилось на возраст между 8—9 годами и 12—13 г. для русских детей и рядом стоящие возрасты для других национальностей. Несомненно это стоит в связи с индивидуальными возрастными особенностями организма в анатомическом и физиологическом отношении в этих возрастах. Особого внимания в этом отношении здесь заслуживает также эндокринный аппарат, что и разобрано в другой работе.

Таким образом, изменение общего хода развития, уклонения его от нормальных обычных схем (Stratz, Lange, Вейсенберг), которые мы установили у обследованных нами детей по всем возрастам жизни (начиная с 7 лет), являются следствием характерных изменений во всем эндокринном аппарате, возникшим на почве отсутствия поступления в организм специфических веществ пищи, необходимых для правильной деятельности желез внутренней секреции. Свойства инкретов и процесс их выработки находится в теснейшей связи с питанием.

В ближайшем будущем этот вывод из исследований над голодавшими детьми будет иметь большое практическое значение. Переводя его на практический язык, мы должны сказать, что питание каждого возрастного периода должно быть различным, корректируясь потребностью организма в тех веществах, которые наиболее необходимы для работы соответствующих эндокринных желез в данном возрасте.

Вариационные кривые роста у современных детей.

Целью настоящего исследования является попытка выяснить характер изменчивости в росте (по тем возрастам, где это позволял сделать вновь подобранный числовой материал) организма в целом и его отдельных частей. Здесь будут приведены результаты обработки вариационным методом роста и размеров головы по отдельным возрастам и в связи с анатомическими изменениями.

В. Во а s впервые сделал попытку установить влияние окружающей среды на рост, путем изучения некоторых изменений в типе народно-

стей (евреев), переселившихся в новые местности. Он указывал, что, несмотря на такие изменения, наследственно семейные признаки остаются, и что только общий тип семейства изменяется у детей, рожденных в новой местности.

Степень изменения тех или других признаков, по Boas'у, зависит от того, насколько рано данный признак заканчивает свое развитие; на те из них, которые заканчивают цикл своего развития ко времени рождения—внешние причины, по всей вероятности, могут влиять очень незначительно. Примером может служить голова. Форма головы определяется ко 2-му году жизни, а рост головы продолжается у девочек до 17 лет, а у мальчиков до 19 лет. Можно полагать, что влияние внешних факторов будет сказываться значительно сильнее в росте головы, чем в ее форме, так как в первом явлении продолжительность действия внешних условий значительно большая, чем во втором.

Дети евреев, эмигрировавших в Америку, по данным Boas'a, имели некоторые отклонения от своего родоначального типа. Череп их был уже, чем у их широкоголовых родителей. Это было тем резче, чем позднее они родились после пребывания родителей в Америке.

Дети узкоголовых, переселившихся в Америку с Сицилии, имели несколько более широкую голову. То же можно было отметить и среди детей узкоголовых шотландцев, переселившихся в Америку. Родившиеся в Порторико испанцы оказывались более круглоголовыми, чем их родители.

Новейшие, из известных мне, исследования Fischer'a (1923) говорят за то, что можно думать о непосредственном влиянии окружающей среды на форму головы.

Однако, мы не должны забывать, что одно «нечто» это окружающая среда, действующая (хотя и незначительно) как на форму черепа, так и на рост, а другое—наследственность, значение которой тоже постоянно надо учитывать,—отравничество этих двух влияний часто бывает невозможным.

Влияние войн, захватывающих громадные территории и целые страны, со всеми бедствиями и ужасами, надолго разоряющими возможность нормального существования для человека, представляют собой, с биологической точки зрения, те опытные условия, в которых идет приспособление человеческого организма. К такого же рода явлениям надо отнести народные движения, несущие с собой тоже бедность, голод и разорение страны. В процессе борьбы за существование в этих новых условиях гибнет колоссальное количество жизней. В России, по приблизительному подсчету (Крафта-Корбут), с 1917—1920 год потеря населения превышает 20 миллионов человек. Если присоединить сюда последующую пандемию сыпного тифа, голода, туберкулеза и пр., то мы

в настоящему году это количество можем смело удвоить. Громадные потери населения идут и в других странах, ибо смертность везде превосходит рождаемость. Особенно резко отразилось это на детях.

Хроническое недоедание, низкая температура и пр. несомненно должны были оказывать влияние на ход развития детского организма. Что изменение общего хода физического развития у современного подрастающего поколения в России произошло, это доказано мною в моей первой работе по данному вопросу. Такие же изменения произошли в некоторых физических признаках у взрослых (Ивановский). Изменения происшедшие в детском и юношеском организмах, во многих случаях оказываются значительно более глубокими, чем у взрослых, но, конечно, не надо забывать и того, что дети обладают совершенно иной изменчивостью и гораздо более высокой корреляцией признаков, чем взрослые.

Рост является одним из важнейших критериев физического развития.

Среди многих факторов, оказывающих на него влияние, конечно, на первом месте должно быть поставлено питание, раса и наследственность.

Из них нас интересует только первый и только им, как это доказывается современными исследованиями, можно объяснить влияние продолжительных войн на понижение роста населения в различных государствах Европы. Наоборот, продолжительный мир при благоприятных социальных и прочих условиях способствует увеличению роста. В Европе со середины прошлого столетия увеличение роста было констатировано у населения Швеции, Норвегии, Дании и Бадена. Интересные данные о влиянии войны на средний рост нации мы находим в работе Брока. Оказывается, что понижение роста, констатированное у поколения французов после великой революции и Наполеоновских войн, не выравнилось со временем: так, призывные 1836 года, родившиеся в 1816 г., имели рост 1642 мил., а призывные 1846 года—1647 мил., за 10 лет замечено среднее увеличение роста на 5 миллим., однако и до возникновения войны 1914 года, средний рост французов не достиг дореволюционной нормы—1667 миллим.

Снижение роста, которое произошло у взрослого населения России, различно у разных национальностей. У великорусского населения, по данным проф. Ивановского, его снижение составляет в среднем 47 миллим. для мужчин и 35 миллим. для женщин.

Для детей (великорусского населения Крыма), по отдельным возрастам, по моим данным, мы имеем следующие цифры:

Мальчики.			Девочки.		
7 лет уменьшен. на	6.7	сант.	7 лет уменьшен. на	2.9	сант.
8 " " "	6.4	" "	8 " " "	5.5	" "
9 " " "	10.3	" "	9 " " "	4.2	" "
10 " " "	5.2	" "	10 " " "	2.5	" "
11 " " "	5.0	" "	11 " " "	0.9	" "
12 " " "	0.9	" "	12 " " "	2.4	" "
13 " " "	6.2	" "	13 " " "	6.2	" "
14 " " "	4.4	" "	14 " " "	3.5	" "
15 " " "	6.4	" "	15 " " "	2.5	" "

Как видно из этой таблицы, средняя задержка в росте у русских мальчиков 5.7, для девочек — 3.6. Эти данные оказываются значительно большими, чем то мы имеем для германских детей после войны, где среднее уменьшение составляет 2 сант. (1917 г.).

Таким образом, из вкратце приводимых здесь данных видно, что мировая война, последующие события и голодание резко отразились на росте и общем ходе физического развития, как это показано в моих специальных работах. У поколения, родившегося за время войны, мы вправе ожидать еще больших отклонений в физическом развитии от такого в норме.

Простое констатирование снижения роста у современного населения само по себе недостаточно для понимания всей глубины этого процесса, ибо оно еще ничего не говорит нам о том, в каком направлении идет вариация данного признака. Для выяснения характера вариационной кривой по отдельным возрастам у современных детей, я увеличил имевшийся ранее у меня антропометрический материал по детскому возрасту до 108—152 человек по отдельным возрастным группам и подверг его соответствующей обработке, по принципам вариационной статистики. Все дети великорусского населения главным образом города и уездов Симферополя. Результаты обработки, иллюстрирующие среднюю величину „ M “, средне квадратическое отклонение „ δ “ и коэффициент вариации „ V “ могут быть сведены в следующую таблицу:

Таблица 1.

Р О С Т.									По материалам 1900 г. (Бондарев).		
М а л ь ч и к и.					Д е в о ч к и.				Воз- раст.	Рост мальч.	Рост девоч.
Воз- раст.	Коли- чество.	„М“	„ δ “	\bar{V}	Коли- чество.	„М“	„ δ “	\bar{V}			
10	88	1213	3,4	3,8%	98	1224	4,4	4,4%	10	1272	1250
11	143	1276	3,8	2,6	107	1286	5,4	5	11	1321	1290
12	101	1338	5,0	5,8	152	1338	5,7	3,7	12	1357	1369
13	117	1349	5,8	4,8	104	1341	5,8	5,5	13	1418	1423
14	93	1421	3,0	3,3	82	1414	3,4	4,1	14	1460	1451
15	64	1442	3,0	4,5	—	—	—	—	15	1508	1510

Рассмотрение этой таблицы приводит к весьма интересным выводам.

Из нее видно, что средняя величина роста, как это еще установлено было мною ранее, оказывается, как у мальчиков, так и у девочек, значительно меньшей по всем возрастам жизни, чем у детей довоенного времени. Однако, увеличение средней величины ряда для каждого возраста на средне-квадратическое отклонение ($M + \delta$) в большинстве возрастов дает величину довольно близкую к средней арифметической роста по отдельным возрастам, вычисленной Бондаревым по измерениям в 1900 году. К сожалению, им этот подсчет сделан простым генерализированным способом. Установленное явление доказывает нам, что, несмотря на резкий регресс роста у современного детского поколения, все же, благодаря большой величине средне-квадратического отклонения в конечном пределе в положительную сторону, рост отдельных индивидуумов приближается к нормальному—довоенного времени. Иными словами—вариация роста у современного детского населения происходит между двумя крайними пределами, из которых положительным (максимальным) является средний рост детей довоенного времени, а отрицательный спустился значительно ниже.

Средне-квадратическое отклонение наибольшей величины достигает у мальчиков в 12—13-летнем возрасте,—у девочек с 11 по 13. В более младшем и старшем возрасте это отклонение « δ » у обоих полов оказывается меньшим. В общем квадратическое отклонение у девочек несколько больше по всем возрастам жизни, чем у мальчиков.

Однако, регресс роста по своей абсолютной величине в среднем для девочек оказывается меньшим, чем для мальчиков. Это должно быть от-

несено на наличие большего числа положительных вариаций вокруг новой «М», подходящих к прежней центральной вариане, чем отрицательных. Такое распределение средне-квадратического отклонения с резким возрастанием в годы полового созревания (препубертатный период), указывает несомненно, что фактором меньшей устойчивости являются в данный период изменения в половых железах, в связи, конечно, со всем остальным эндокринным аппаратом в этом возрасте. Этот факт, доказываемый, как видно, математически, находит себе полное подтверждение и в моих анатомических исследованиях детей, погибших при явлениях хронического истощения на почве недоедания.

Наиболее тяжело отразилось голодание между 12—13 годами. Резкая неустойчивость роста в этом возрасте бросается в глаза и на таблице из величины средне-квадратического отклонения. Величина средней

ошибки, вычисляемая по формуле $M_c = \frac{C}{\sqrt{2n}}$.

по всем возрастам оказалась незначительной от 0,3 до 0,6.

Вариационный коэффициент, являясь показателем выраженности варьирующего признака, оказывается большим для наших детей 11—13 лет. Иными словами, в эти возрасты мы имеем меньшую выравненность ряда, т. е. большую пестроту в распределении величин роста.

Приведенные данные еще не говорят нам о характере вариационной кривой роста и о ходе распределения вариаций по отдельным возрастам у того и другого пола.

Судить о наличии асимметрии в кривой непосредственно по вариационному ряду бывает не всегда возможно, так как не всегда удастся установить точную границу классов, что может привести к кажущейся перекошенности кривой. В основу меры, при помощи которой можно было бы определять степень перекошенности вариационного ряда; положено, как известно, среднее кубическое отклонение. Этим достигается двойное преимущество: во-первых, получают еще более превалирующее значение крайних вариаций, имеющее в отношении асимметричности кривой особую важность. Во-вторых, при наличии перекошенности в распределении варианта, одна ветвь дает сумму кубических степеней отклонений большую, чем другая, и, так как кубическая степень сохраняет знак отклонения, то разность этих сумм прямо указывает, с какой асимметрией положительной или отрицательной мы имеем дело (Сапегин).

Если кривая симметрична, то сумма положительных отклонений равна сумме отрицательных, и так как кубическая степень сохраняет эти знаки, то сумма всех отклонений равна нулю. Тогда мы имеем симметричную кривую. В противном случае—асимметричную положительную или отрицательную в зависимости от знака. В качестве показателя сим-

метрии мы пользовались отношением кубического отклонения к кубу основного отклонения. Эта зависимость имеет следующее математическое

$$\text{выражение: } S = \frac{\sum r\alpha^3}{n} : \sigma^3,$$

где r —число вариантов, α отклонение от M .

Формула эта в практических целях преобразовывается в другую, с более просто определяемыми величинами. Для этого α заменяют через a , представляющее собой отклонение вариаций от исходной точки, и через b , представляющее собой среднее уклонение от условного нуля.

Выпуская ход этих преобразований, излагаемый в курсах вариационного исчисления, мы в окончательном виде имеем:

$$S = \left(\frac{\sum r\alpha^3}{n} - \frac{3b\sum r\alpha^2}{n} + 2b^3 \right) : \sigma^3$$

Кривые с S от 0.25—0.50 считаются умеренно перекошенными. Знак определяет характер перекошенности.

Обработав свой материал указанным способом, я нашел следующие величины для „ S “ по различным возрастам у исследованных мною мальчиков и девочек.

Таблица 2.

Возраст.	«S»	
	Мальч.	Девоч.
10	—0.85	—0.30
11	—0.99	—0.55
12	—0.44	—0.42
13	—0.93	—0.98
14	—0.76	+0.15
15	—0.36	

Из изложенных выше данных можно видеть, что вследствие резкого уменьшения величины M , вариационные кривые должны быть более низкими вследствие снижения и самой моды. Таблица 2 указывает нам на наличие асимметрии во всех вариационных кривых роста исследованных детей, чем, положим, они не отличаются от таковых детей мирного времени.

Характерной особенностью вариационных кривых роста современного русского детского населения (10—14) является наличие так называемой отрицательной вариации, т. е. асимметрии кривой в сторону минуса.

Рассматривая величину S по отдельным возрастам у мальчиков и девочек, легко видеть, что асимметрия, притом в сторону отрицательной вариации, гораздо резче выражена у мальчиков, чем у девочек.

Это выступает по всем возрастам. В то время, как у девочек перекошенность остается во все возрасты (исключение 13) в пределах «умеренных» цифр, у мальчиков по тем же возрастам она бывает «ясной» или «резко» перекошенной.

Обобщая приведенные данные, мы приходим к заключению, что переживаемая нами эпоха вызвала искажение нормального хода кривой роста по отдельным возрастам, где мы теперь имеем не только более низкие вариационные кривые, а асимметричные, в сторону минуса, т. е. с большим относительным числом отрицательных вариаций по сравнению с соответствующими возрастными поколениями мирного времени. Понижение модуса к отрицательный ход вариаций роста (с удлинением левой части кривой) значительно более резко выражены у мальчиков, чем у девочек, что доказывает меньшую стойкость мужского организма в борьбе с внешними условиями, чем женского.

Факты, подтверждающие это, и объяснение данного явления дано в моей первой работе по данному вопросу.

Причиной изменения хода вариаций длины тела у современных детей являются изменения в эндокринных железах роста под влиянием недостаточного питания (см. выше).

Новейшие экспериментальные исследования Hart'a*) над изменчивостью морфологических признаков у различных животных показывают, что последняя протекает под значительным (почти исключительным) влиянием эндокринных желез, которое является, т. обр., связующим аппаратом—звеном между внешней природой и условиями внутренней жизни и организацией животного.

*) Pflüger's Archiv. 1922. Heft 2.

Метод психологического исследования проф. А. П. Нечаева в применении к дефективным детям.

Врача В. Скальской-Назаренко.

(Из Ленинградского Детского Обследоват. Инстит. проф. А. С. Грибоедова).

В настоящей статье я сообщу о результатах экспериментального исследования дефективных детей по методу проф. А. П. Нечаева и на основании полученных данных выскажу соображения относительно ценности практической и теоретической вышеуказанного метода. Интересуясь проблемой детской одаренности вообще, по преимуществу же в дошкольном возрасте, полагаю, что изучение и проверка предлагаемых экспериментальных методов исследования, независимо от научного мирозерцания автора, может и должно иметь немалое практическое значение. За последнее время жизнью выдвинута необходимость изолировать умственно-отсталых детей в учреждения вспомогательного типа, отсюда явилась необходимость иметь в своем распоряжении способы и приемы для правильной и по возможности объективной оценки степени интеллектуального развития, как амбулаторным путем, так и стационарным обследованием. Метод проф. Нечаева предложен сравнительно недавно для исследования умственного развития нормальных дошкольников. Он был проверен на 250-ти детях 4—8-летнего возраста в Самарской губ. в 1920—1921 году. Метод состоит из 10 тестов, которыми автор предлагает исследовать: 1) объем внимания (повторение чисел и фраз с различным количеством слогов), 2) подвижность внимания (прямой и обратный счет), 3) способность к суждению (сравнение ряда предметов), 4) восприимчивость (оценка рисунков), 5) сметливость ума (несообразности), 6) развитие речевой способности (окончание фраз, слов, название цветов). На основании произведенных на нормальных детях исследований, проф. Нечаевым предложена средняя норма ответов на каждый тест в зависимости от возраста. Так 4-летний ребенок в среднем запоминает 2—3 числа, 8-летний—4—5 чисел, причем между 7 и 8 годами в этом опыте разницы нет. В 4 года ребенок не осмысливает ни одной из предложенных несообразностей, в 5—6 лет осмысливает 1—2, в 8 лет—3—4 несообразности. Во всех остальных тестах также отмечена определенная возрастная зависимость. В объяснительной части метода даются указания, каким образом применять отдельные тесты, насколько в том или ином случае возможны изменения условий эксперимента, или допустимы наводящие вопросы. Метод Бине, проводимый мною попутно, имеет самое широкое распространение, и его ценность общепризнана. Он применяется на детях всех возрастов (от 3-х лет), а также и

на взрослых; имеет целью установить возрастную степень умственного развития, главным же образом характеризует ребенка в смысле его житейской осведомленности. Краткий метод проф. Россоломо состоит из 27 опытов для исследования: 1) устойчивости внимания, 2) точности восприятия, 3) зрительной и слуховой памяти, 4) осмысления простых картин, сложных и наглядных несообразностей, 5) комбинаторных способностей, 6) сметливости, 7) наблюдательности. Этот метод подходит для исследования детей 7—11 л. В зависимости от числа отрицательных ответов устанавливается степень умственной отсталости: нормы выведены на основании средних данных, полученных экспериментальным путем. 3 отрицательных ответа допустимы для нормального ребенка, от 5—13 минусов бывает у дебилов, выше 13-ти у имбецилов. Приступая к собиранию материалов, я имела свою задачу следующее: 1) установить пригодность метода для дефективных дошкольников и умственно-отсталых детей вообще, 2) сравнить по полученным результатам метод Нечаева с методами Бине и кратким методом Россоломо, 3) на основании ряда обследованных случаев, сделать выводы относительно разницы качественной и количественной в интеллектуальном развитии детей различной степени отсталости, а также детей психопатической конституции. Обследование по указанным методам было мною произведено на материале Детского Обследовательного Института. Всего обследовано 60 человек различных возрастов. 14-ть человек с резкой степенью отсталости—имбецилов, 31—дебил и 15 психопатов. Из них 46 мальчиков и 14 девочек. Дети не подбирались мною по возрасту, т. к. свою задачу я ставила проверку метода на дефективных детях в связи со степенью отсталости или психопатии. Исследования детей производились в условиях лабораторных при наличии отсутствия утомления, хорошего настроения и желания подвергнуться эксперименту. На обследование каждого случая затрачивалось от 20 минут до $1\frac{1}{2}$ часа, в зависимости от того, с каким индивидуумом приходилось иметь дело. Иногда эксперимент затягивался при ярко выраженном негативизме. Умственно-отсталые дети, особенно имбецилы, не проявляли большого интереса к отдельным тестам, как субъекты в большинстве случаев с отсутствием интеллектуальных эмоций. Дети эмоционально-возбудимые в своем большинстве проявляли живой интерес, выражающийся в усиленной подвижности, возбужденности, желании поверить опыт. Из 60-ти обследованных детей только 4 человека выполнили по всем тестам программу метода соответственно 8-ми годам нормально развивающегося ребенка. Это дети с психопатическими проявлениями, один—14 лет, трое—9 лет. Умственно-отсталые дети, даже дебилы, несмотря на 15-летний возраст, в отдельных спо-

способностях хотя и равнялись 8-летним, в ряде других давали понижения до 4—5 лет. Располагая возрастными нормами, результаты обследования каждого случая выражены мною в индивидуальных кривых.

Анализируя кривые, полученные у психопатов, можно отметить, что все они несут специфически однообразный характер, в них наблюдается то явление, которое в методе Бине определяется, как рассеянность тестов. Наряду с повышением одних способностей выше нормы, в ряде других мы имеем значительную отсталость. Получается два типа кривых: одни демонстрируют повышенную одаренность по одним тестам и пониженную по другим; другие кривые—понижение умственного уровня в небольшом количестве тестов и нормальное развитие по остальным, этот последний тип получается у субъектов с пониженной одаренностью (*debilitas mentis levis*), зачастую комбинирующуюся с психопатическим состоянием. Оценивая кривые количественно, можно сказать следующее: у обследованных психопатов отсталость обнаруживается исключительно в области объема и подвижности внимания в среднем на 1—2 года. Только в одном случае получилась отсталость на 3 года в 10-м опыте (называние цветов) у 8-летнего и в 5-м опыте (способность к суждению) у 10-летнего. Повышенную одаренность, как правило, дети дают в способности к суждению и сметливости (5 и 7 опыты). В одном случае получилась одаренность в 1-м и 9-м тестах (объем внимания на числа и развитие речи). Проф. Нечаев, исследуя нормальных дошкольников, отмечает и у них индивидуальные колебания в смысле преобладания одной способности над другой, но эти колебания не достигают такой типичности и постоянства, как у детей дефективных. Учитывая у детей-психопатов наличие поражения эмоционально-волевой области, расстройство их интеллекта, быть может, можно рассматривать как явление вторичного функционального характера, развивающееся под влиянием общей неуравновешенности. Дети в дошкольном возрасте с психопатическим состоянием часто не выявляют себя как умственно отсталые, с возрастом вышеуказанная зависимость делается более стойкой, и в школьном возрасте они становятся неспособными к продуктивной работе, отличаются плохой памятью, повышенной утомляемостью и проч. Вопрос о взаимоотношении между детскими психопатиями и другими конституциональными расстройствами, с одной стороны, и расстройствами интеллекта, с другой, требует дальнейшей разработки и проверки. Перехожу к разбору результатов, полученных на детях умственно-отсталых—дебиликах и имбецилах.

Все обследованные дебилики не выявили одаренности ни по одному из тестов, в большинстве же тестов они обнаружили отста-

лость, колеблющуюся от 1 до 6 лет, а иногда и выше. Так, мальчик 15 лет по 4-му и 9-му тестам соответствовал 4-м годам. Чем старше возраст, тем резче обнаруживается умственная задержка. Отстальные дети в некоторых своих свойствах как бы не прогрессируют или прогрессируют очень незначительно. Из практических наблюдений это можно подтвердить тем, что переход дебильности к норме и имбецильности к дебильности совершается чрезвычайно редко, интеллектуальные отклонения остаются стойкими, и развитие с возрастом как бы замедляется. Имбецилики в детстве остаются имбециликами и во взрослом состоянии, с несколько увеличенным жизненным опытом и большей приспособленностью к жизни. По отдельным тестам в небольшом проценте случаев дебилики достигают по развитию своего возраста. Имбецилики дают картину еще более глубокого поражения, ни по одному из тестов не достигают своего возрастного развития. Интересен один обследованный случай, являющийся как бы контрастным. Девочка 8-ми лет с резкой умственной задержкой и с проявлениями истерического *habitus*'а дала частичную одаренность в исследовании объема внимания, особенно в первом тесте (запоминание чисел).

Зависимость между возрастом и степенью отсталости у имбециликов такая же, как у дебиликов. Границы отсталости по отдельным тестам от 10 до 1 года.

Средние кривые, как возрастные, так и общие для имбециликов, дебиликов и психопатов не расходятся с кривыми индивидуальными и являются типичными количественно и качественно. Имбецилики, средний возраст которых равняется $10\frac{1}{2}$ годам, обнаруживают отсталость в среднем на 5 лет, главным образом в 4-м тесте (обратный счет), и 9-м (окончание слов), меньше по 3-му, 7-му и 8-му. Исследованные дебилики в среднем $10\frac{1}{2}$ лет отстали на 4 года. Психопаты в среднем соответствовали своему возрасту. 10-летние имбецилики отличны от 7-летних: у них объем внимания и подвижность стоят несколько ниже, способность к суждению одинакова. Несколько больше развита сметливость ума (7 опыт и речь—8 опыт). У 10-летних дебиликов область внимания стоит несколько выше (1 год), чем у 7-летних, а также способность к суждению и развитию речи. Кривая 10-летних психопатов стоит несколько выше, но не пропорционально возрасту. Таким образом, средние кривые подтверждают положение, что с возрастом отсталость становится определеннее и устойчивее.

На основании индивидуальных и средних кривых, метод проф. Не чаева можно признать вполне пригодным для исследования дефективных детей, умственно-отсталых, а также психопатов младшего возраста. По простоте и легкости выполнения он очень удо-

бен для амбулаторного обследования; распределение тестов по степени трудности дает возможность применять его к детям младшего возраста и резким степеням умственной отсталости. Схема, дающая норму для каждой способности, удобна для составления профиля, анализ которого несомненно в каждом отдельном случае может иметь практическое значение при воспитании и обучении исследуемого.

При сравнении результатов обследования по методам Нечаева, Бине и Россолимо можно сказать следующее: по Бине получаются наиболее высокие нормы, по краткому методу Россолимо — низкие, по методу Нечаева — средние. В обследованных случаях методы Бине и Нечаева давали сходные результаты, если отдельные тесты, по Нечаеву, привести к одному возрасту. По методу Россолимо получились во многих случаях отличные результаты. На имбециликах этого отметить нельзя, т. к. все они давали не меньше 13-ти отрицательных ответов. 38% дебициков дали по 13 и больше отрицательных ответов из Россолимо, т. е. имбецильность. Средний уровень развития их, по Бине, равнялся 6¹/₂ годам, т. е. такому возрасту, для которого метод Россолимо является трудным. Этим обстоятельством повидимому и можно объяснить кажущееся разногласие. Был только один мальчик 14-ти лет, уровень развития которого равнялся 11-ти годам и все же, по Россолимо, он оказался имбециликом. 60% психопатов, по Бине, соответствующие своему возрасту или немного отстающие, дали дебицильность, т. е. больше чем 4 отрицательных ответа. Связать у последних это явление с возрастом нельзя, т. к. их средний возраст равнялся 8-ми годам. Быть может это происходит в связи с расстройством внимания, недостаточной активностью и усидчивостью. Известно, что метод Россолимо в большей мере, чем другие, требует действия. Пониженная оценка интеллектуального развития, по методу Россолимо, подчеркивает психическую неполноценность ребенка, страдающего психопатией.

Таким образом каждый из указанных методов является ценным сам по себе, произведенные же одновременно они могут гораздо полнее и ярче обрисовать тип интеллекта. Метод Нечаева, несмотря на положительные стороны, имеет и недостатки: 1) краткость метода, с одной стороны, дает возможность амбулаторно ставить диагноз, с другой, не рисует во всей поднобе интеллектуального развития. Дошкольники особенно нуждаются в подробном исследовании; полные методы исследования, как полный метод Россолимо и другие, ввиду своей трудности и сложности заданий применимы только к школьникам, 2) нормы, предложенные проф. Нечаевым, не вполне разграничены: так, например, 4—5 цифр запоминают дети двух возра-

стов и т. д. Это затрудняет точное составление профиля. Вопрос относительно того, какие способности определяются отдельными тестами, также может быть спорным.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие положения:

1) Метод проф. Нечаева применим для исследования умственно-отсталых детей и детей с психопатической конституцией младшего возраста.

2) Возрастные нормы для каждого теста дают возможность составить профиль; необходима дальнейшая их проверка на нормальных дошкольниках.

3) Индивидуальные кривые имбециллов, дебилов и психопатов характерны количественно и качественно.

4) Средние кривые общие и возрастные согласуются с кривыми индивидуальными, они выявляют степень отсталости в связи с возрастом.

5) Метод проф. Нечаева по своей простоте удобен для амбулаторных целей.

6) Методы проф. Нечаева и Бине дают сходные результаты.

7) Метод Россолимо у дебилов и психопатов дает расхождение.

8) Краткость метода проф. Нечаева и неопределенность норм могут считаться отрицательными сторонами метода.

9) Вопрос о принципах отдельных тестов может быть спорным.

Характерные особенности процесса репродукции взрослыми своего раннего детства.

М. Топорова.

Нами была произведена анкета о воспоминаниях взрослыми о своем раннем детстве. Целью анкеты было привлечь эти воспоминания, как новый источник для изучения общих черт психики и индивидуальных особенностей детей дошкольного возраста. Нам казалось, что таким путем можно будет не только проверить многие из положений современной науки об этом возрасте, но и пролить некоторый свет на те стороны, главным образом, эмоциональной жизни ребенка, которые ни объективному наблюдению, ни экспериментальному исследованию пока еще недоступны. Поставленная нами перед собою цель обусловила и самый характер произведенной нами анкеты. Придавая большое значение процессу бессознательного выбора, присущему воспоминаниям, мы стремились добиться возможно большей непосредственности в всплывании воспоминаний, избежать всякой надуманности, позднейшей реконструкции, а потому мы ограничивались только просьбой—1) сообщить нам все то, что помнят о своем детстве до 7-летнего возраста и, если это представляется возможным, 2) дать свое первое воспоминание;—больше ни к каким вопросам, ни к каким указаниям мы не прибегали. В большинстве случаев показания вами сразу записывались, в тех же случаях, когда они давались в письменной форме, мы убедительно просили записывать все, в том порядке, как придет в голову, совершенно не обдумывая и не подвергая никакой обработке. Нами получены воспоминания от 200 лиц. Из них 120 женщин, 80 мужчин, в возрасте от 18 до 75 лет, 45 человек с высшим, 100 со средним, 45 с низшим и 10 человек без всякого образования. По своему социальному положению 130 человек являются курсантами и слушателями ВУЗ, 25 профессорами и преподавателями ВУЗ, 25—представителями свободных профессий, 4—служащими, 10—лицами, занимающимися физическим трудом, 6—лицами без определенных профессий.

В общей сложности эти 200 лиц дали 1000 воспоминаний. Таким образом, поставленная анкета, проведенная среди лиц разного пола, возраста, образования и социального положения дала, и не могла не дать, чрезвычайно разнообразный результат, как со стороны содержания, так со стороны формы и числа сообщенных воспоминаний. Оставляя пока в стороне непосредственно нас интересовавший вопрос о содержании воспоминаний о раннем

детстве, мы настоящую статью посвящаем рассмотрению характерных особенностей самого процесса репродукции раннего детства.

Вопрос этот был уже поставлен в конце XIX столетия. Французские ученые Виктор и Катерина Анри произвели анкету о первых воспоминаниях детства. Анкета была проведена в разных странах, главным образом, среди университетских профессоров и студентов. Всего было получено 123 ответа (Россия 75, Франция 35, Англия 7, Америка 6). Результаты анкеты были разобраны в статье „Enquête sur les premiers souvenirs d'enfance, появившийся в *Revue Psychologique* в 1897 г. Анкета состояла из 11 вопросов. Вопросы эти, по признанию самих авторов, приходилось ставить ощупью, так как подобная анкета производилась впервые, — вследствие чего многие были забыты, некоторые оказались лишними... Самым существенным из поставленных вопросов был следующий (4): „Какое ваше первое воспоминание о своем детстве, опишите его возможно подробнее, указав на его ясность, способ, каким оно появляется и возраст, которому соответствует“. Таким образом, анкета была направлена на выяснение не столько содержания воспоминаний о раннем детстве, сколько вопроса о самом характере этого процесса и о начале его.

По данным Анри, большинство может определить свое первое воспоминание (из 123 человек—100).

В то время, как вообще воспоминания о раннем детстве не локализируются во времени, первое воспоминание обыкновенно точно локализовано. Объясняется это тем, что обыкновенно воспоминания эти относятся к таким событиям, время происхождения которых может быть позднее точно установлено. В среднем начало воспоминаний относится ко 2—4 году. Есть, говорит Анри, определенная разница между лицами, первое воспоминание которых относится к 1-му году, и теми, первое воспоминание которых относится к 5—6 годам, у первого есть много воспоминаний в том возрасте, когда у второго их нет. Лицо, начинающее себя помнить с 1 года, имеет много воспоминаний, относящихся к 2—3 годам и может связно вспомнить свою жизнь с 5 лет. Начинаящий себя помнить с 5 лет, имеет много воспоминаний от 6 и 7 лет и связно начинает помнить свою жизнь с 8—9 и 10 лет. Подробнее на этом не останавливаясь, Анри и дальше стремится установить известную закономерность в развитии процесса репродукции: между первым и вторым воспоминанием всегда существует довольно долгий промежуток времени, в общем, больше 1 года. После 2-го воспоминания вспоминают обыкновенно много сцен и фактов изолированных, их хронологический порядок не известен, они между собой не связаны, промежуток времени, отделяющий эти воспоминания друг от друга, тоже

не известен. Связные воспоминания начинаются с более позднего времени, с 7—10 л. Разницы в характере этих позднейших воспоминаний от более ранних Анри не находит. Таковы главнейшие выводы, к которым пришел Анри, на основании своего материала по вопросу о характере воспоминаний о раннем детстве.

Вторым из известных нам трудов, посвященных этому вопросу, является анкета Грегора Шмутца, произведенная в Лунгензальце в 1910 г. *). Судя по тому, что у названного автора мы находим ссылку только на вышеупомянутую анкету Анри, есть основание предполагать, что за указанный промежуток времени (1897—1910) аналогичных трудов не появлялось. Шмутца интересовал только один вопрос, как глубоко простирается память взрослого человека (так и озаглавлена появившаяся в 1910 году, как результат произведенной им анкеты, брошюра), верно ли общераспространенное мнение, что воспоминания взрослых людей не простираются ниже 4-го года?

И у опрошенных им 250 человек, из самых различных слоев общества (крестьян, купцов, учителей, ученых и т. д.), в возрасте от 24—76 лет, он и старался получить такие, более ранние воспоминания. Они оказались у 10% из всего опрошенного им числа лиц. Наиболее раннее из полученных им воспоминаний относится к 1 году 4 месяцам. Все полученные воспоминания были подвергнуты критическому разбору, действительно ли они относятся к самому факту или конструированы по рассказам близких лиц: почти все указания на возраст были проверены показаниями родных. Таким образом, работой Шмутца наличие воспоминаний, относящихся ко 2 и 3 году жизни доказана неоспоримым образом. Вопрос о характере воспоминаний о раннем детстве Шмутц не затрагивает вовсе.

Вот все, что, по крайней мере, пока нам известно из попыток осветить этот вопрос.

Как было указано выше, никаких вопросов, направленных к выяснению характерных особенностей воспоминаний раннего детства, наша анкета в себе не заключала и судить нам приходится не столько по отзывам лиц, давших воспоминания о характере своих воспоминаний, как по самому материалу, во всей его многообразной пестроте.

Каковы же воспоминания взрослых о раннем детстве с своей формальной стороны? Есть ли в них что-либо отличающее эти воспоминания от воспоминаний о позднейших периодах? Сохранились ли они в нашей памяти ярко и отчетливо, или, наоборот, они смутны и туманны? Много ли можем мы вспомнить о времени своего раннего детства, или воспоминания этого периода являются по боль-

*) Schmutz. Wie weit reicht das Gedächtnis der Erwachsenen zurück. Lungensalz. 1910.

шей части амнезированными? С какого времени представляется возможным вообще сохранять воспоминания? Существует ли какая-либо закономерность в самом развитии процесса репродукции— вот вопросы, которые мы поставили перед собою при рассмотрении полученного нами материала.

Трудность получения ответа на них увеличивалась еще и тем, что, несмотря на вышеупомянутую просьбу, дать по возможности все свои воспоминания о раннем детстве без всякого выбора, в порядке непосредственного всплывания, достигнуть этого вполне нам не удалось. Воспоминания в 30% из всего опрошенного нами числа лиц являются результатом такого именно сознательного выбора: в них приводится или только наиболее яркий, по собственному признанию авторов, момент из детской жизни, или же они являются сознательным самоограничением определенной темой (отношение к игрушкам, перечисление любимых занятий, случаев когда подвергались опасности и пр.), или сообщением только первого, или наиболее ранних из своих воспоминаний—так что о характере и числе воспоминаний этих лиц судить не представляется возможным.

Приводим примеры таких воспоминаний:

Женщина 20 лет. Служац. Педагогического Института.

Особенно ярко и до сих пор больно осталось воспоминание большого пожара в имении, рядом с которым жила наша семья. Это было вечером, осенью. Мы сидели за чаем и, как всегда, палили, потому что видели отца только в это время, что для нас, детей, т. е. для меня, брата и сестры было большою радостью. Вдруг, во время беззаботного веселья и смеха, раздался удар в колокол. Я закричала: «набат, набат» и кинулась на улицу, но сразу же в дверях остановилась, потому что была поражена тем, что увидела: огня не было, но было все черно в стороне соседнего дома и оттуда раздавались крики ужаса. Отец, на ходу одеваясь, кинулся туда и пропал в черной мгле. Мне показалось, что он никогда уже больше не вернется, я побежала за ним следом, но его уже не нашла, а увидела на дворе, как бегали куры и у одной из них горели перья. Меня охватил такой ужас, что я не могла двинуться с места. Потом, когда я опомнилась, я стала ловить курицу и бросила ее в колодезь; конечно, я себе обожгла руки, а курица утонула. Я в страхе прибежала домой и расплакалась не от боли, а от жалости, что я утопила курицу. Долгое время меня не могли ничем успокоить, потому что я считала себя убийцей, хотя со слезами на глазах и смотрела,—так красиво было зрелище, но боялась, что ночью она придет ко мне и будет бить крыльями и клевать, а я не смогу никого позвать на помощь; вспоминается тот страх, что тогда я пережила.

Мужчина 24 лет. Курсант. Образование низшее.

Помню смерть моей бабушки, мне было не больше 3-х лет. Этот день почему-то и теперь мне кажется каким-то недавно прошедшим и до сих пор перед моими глазами встают призраки старушек и стариков, которые, помню, сидели у трупы моей бабушки, рассуждая о ее добром сердце, неожиданной смерти, прерывая свои рассуждения, спрашивали меня: жаль ли мне

бабушку и хочу ли я еще раз увидеть ее; на это я отвечал, что я ее тело не дам никому, так как она спит—при чем у меня тогда была надежда, что бабушка проснется и станет меня гладить по головке и целовать, как, помню, было до ее смерти...

Мужчина 40 лет. Профессор.

1. Было 5 лет, жил в Петрограде,—летом часто играл на дворе с мальчишками, было много шалостей; на двор привезли как-то рельсы и поставили их в угол к стене; рельсы были тяжелые. Дети начали пробовать свои силы тем, что брали эти рельсы в руки и оттягивали их к себе—довольные тем, что нам удавалось. Вот произошел несчастный случай: проделывая это, я потерял равновесие, упал и на мою ногу упала тяжелая рельса и придавила ее. Я закричал. Мальчишки побегали сообщить о случившемся. Пришли родители, отнесли домой... Повреждение было настолько серьезным, что я до сих пор хромаю.

2. Помню, как однажды лег спать и долго плакал, чувствовал себя несчастным и в слезах нашел полное успокоение—стало хорошо и легко. Было чувство большой обиды и горечи от предпочтения, оказываемого мачехой старшему брату. Днем брат спросил о причине слез и, узнав, сказал, показывая на подаренные ему мачехой игрушки: „Пожалуйста, возьми их себе“—и я не мог объяснить, что дело не в игрушках самих по себе.

Женщина моложе 25 лет. Служац. ВУЗ.

Первое, что помню я в возрасте 3—4-х лет, это необыкновенная любовь к свету и ужасное состояние, когда наступали вечера. Хотя это не случай, но не могу не написать об этом, так как это одно из самых ярких воспоминаний раннего детства. Наступают вечера, в комнате темно, почему-либо не зажигают огня и мне становится душно. Засыпать я также не могла без огня, а если просыпалась и, открывая глаза, видела кругом темноту, то мне казалось, что-то тяжелое, темное окружает, давит меня и мешает свободно дышать. Затем являлись какие-то призраки, которые приближались ко мне, простирали свои громадные руки и хотели унести куда-то, откуда я уже не могла вернуться. Так продолжалось год, а может быть и больше, но когда и как избавилась я от таких кошмарных видений—не помню.

Из приведенных примеров мы видим, что воспоминания этого рода представляют собою связный, изобилующий подробностями рассказ о событии, по большей части связанный с сильным эмоциональным переживанием и точно локализованным в прошлом. В этих воспоминаниях мы меньше всего гарантированы от позднейшей реконструкции, от смещения „правды и вымысла“. Большинство из этих воспоминаний относится к 5—6 годам. Приводимый нами пример такого воспоминания от 2-летнего возраста является единственным, от 3-летнего—одним из немногих исключением. Большинство лиц, давших воспоминания такого рода—интеллигенты (учащиеся ВУЗ) и не старше 25 лет.

Являясь чрезвычайно ценным материалом для суждения об эмоциональной жизни детей дошкольного возраста, воспоминания эти, с своей формальной стороны, об одном свидетельствуют с неоспоримой убедительностью: это о возможности сохранить из периода раннего детства воспоминания, по яркости своей не только не усту-

пающие, но подчас и превосходящие воспоминания о позднейших периодах.

Если условно принять за яркие воспоминания такие, которые сохранились в памяти со многими подробностями и связанными с событием переживаниями, то такие воспоминания, большей или меньшей степени яркости и связности (число индивидуальных колебаний тут чрезвычайно велико), мы находим и среди воспоминаний тех лиц, которые дали нам все или почти все воспоминания о своем детстве, без предварительного выбора.

Общее число лиц, среди воспоминаний которых есть яркие, равняется 60%, воспоминания в 30% являются с этой стороны неопределенными и только воспоминания 10%, взятые в целом, мы можем отнести к смутным.

На смутность, туманность своих воспоминаний указывают и сами авторы их.

„Время с 4-х лет представляется мне в каком-то тумане, отдельных фактов совершенно не представляю“.

„Воспоминания смутны и отрывочны — кажется, что вспоминаешь не свою прошлую жизнь, а давно прочитанную, полузабытую книгу. Встают в памяти маленькие, совсем незначительные эпизоды и напрасно стараешься восстановить какую-либо связь между ними, появляются и исчезают эти, едва уловимые наброски, непонятные чуждые, далекие“.

Смутность воспоминаний о раннем детстве идет обыкновенно рука об руку со скудностью их, а потому и иллюстрировать их мы будем ниже, одновременно с этими последними. Отдельные смутные воспоминания мы находим и у лиц, давших обильные и в общем яркие воспоминания.

Однако, говорить о количественном преобладании от периода раннего детства ярких воспоминаний над смутными мы, по причинам, которые будут нами рассмотрены ниже, не считаем возможным и ограничиваемся только констатированием факта возможности сохранения от периода раннего детства ярких и ясных воспоминаний не только об отдельных событиях, но и об эмоционально-волевых переживаниях.

Наиболее характерной чертой воспоминаний о раннем детстве является отрывочность их.

Из 70% полученных нами воспоминаний, об общем характере которых мы можем судить, 63% отличаются характером отрывочности и только 7% являются связными.

Указания на отрывочность своих воспоминаний мы находим и у большинства тех лиц, которые, не будучи нами к тому побуждаемы, все же дали отзывы о характере своих воспоминаний.

„Детство свое я смутно и мало помню, отрывочно как-то“.

«Мои воспоминания представляют темные провалы и как бы отдельные островки»....

«Мои воспоминания до 4½ лет отрывочны, высказывают как бы отдельными сценками. Позднее они тянутся непрерывною нитью».

«В памяти сохранились отрывочные факты из раннего детства».

«Из воспоминаний о детстве ярко сохранились в памяти относящиеся к 8—9 годам. До 7 лет, казалось, ничего не помню и, долго всматриваясь в прошлые годы, вижу перед собой несколько отдельных отрывков из детской жизни».

«Впечатления отрывочны, неопределенны, неясны».

«Воспоминания о раннем детстве яркие, но отрывочны». и т. д.

Приводим примеры наиболее типичных из отрывочных воспоминаний.

Женщина до 25 лет. Слушательня. ВУЗ. Число воспомин. 3.

1. Из моего детства наиболее ясно помню всего 2 отрывка. Почему мне запомнились именно эти отрывки, я не знаю. Когда я начинаю вспоминать свое раннее детство, мне представляется, что вот я сижу на пороге калитки и смотрю на прохожих. Ко мне подошел мальчик лет 13—14, сел около меня и стал мне что-то говорить. Что именно, я не помню, но догадалась, что что-то очень нехорошее. Я ударила его и убежала. Мне было тогда года 4—5.

2. Другая картина, которую я помню, это как я с двоюродной сестрой сидела на лодке, которая лежала перевернутой возле нашего дома в деревне. День ясный, летний. Мы сидим и делаем из глины разные фигурки.

3. Помню так же один коричневый дом, против нашей квартиры с цветами на окнах. Там мне часто дарили цветы, когда я приходила туда.

Остальное, что я помню, так смутно и неясно, что я не могу описать.

Мужчина моложе 25 лет; образование низшее; курсант. Число воспоминаний 3.

1. Я очень любил гулять, несколько раз был заблудившись; один раз с товарищами пошел гулять, и они от меня убежали, и меня привели домой, который еле нашли, так как я не знал своего адреса, и который узнали, потому что встретился наш знакомый.

2. Потом еще любил баловаться на берегу Невы. Раз баловался на челноке у плота и кубыркнулся в воду, хорошо, что около полоскали белье, и меня вытащили.

3. Потом помню раз, что мне от матери попало, что я разудался и бегал по воде босиком.

Мужчина моложе 25 лет; образование низшее. Курсант. Число воспоминаний 6.

1. Помню как с дедом ходил на поляну за грибами. Деда помню смутно, поляну хорошо. Случайно нашли грибы, или нарочно пошли за грибами—я не помню.

2. Помню какую-то бабушку Арину (сестру моей бабушки), которая раз ночевала со мной на печи: толстая, с крупными морщинами старуха.

3. Дед новые сапоги откуда-то привез, с каких-то торфяных рабработков.

4. С матерью вместе в бане мылся.

5. С сестрой в церковь ходил, желая обратить внимание на мою новую рубашку.

6. Брата, потом умершего, помню.

Женщина 48 лет. Служащая; образование среднее. Число воспоминаний 4.

1. Помню свой день рождения, когда мне исполнилось 2 года и то, что мне подарили ридикюль.

2. Большая освещенная комната, мать сидит у стола и плачет—отец подает ей стакан воды. Было около 4 лет.

3. Сидела у окна и увидела похоронную процессию. Особенно произвела впечатление девушка в открытом гробу.

4. 5 лет посещала французский детский сад, помню работы, которые делала, стихи, которые учила, помню всех людей там, заведующую, девочку Маню, постарше меня; очень ей завидовала, что она уже умеет читать.

Связно, не отдельными картинками, а со всей обстановкой, начинаю себя помнить с 5 лет.

Женщина 75 лет. Образование высшее. Начальница женской гимназии. Число воспоминаний 2.

1. Никого не было дома, пришли цыгане и стали просить, чтобы я им что-нибудь отдала. Я помню, как я начала тащить из дому разные вещи и отдавать им. Помню чубук отца, подушку, пальто, какую-то свою кофту—помню, что родители, вернувшись, сердились на меня. Было около 3 лет (воспоминание очень смутное).

2. Около 4 лет видела нищего с окровавленной собакой, он снился мне до замужества. Это был самый страшный сон..

Из приведенных примеров мы видим, что отрывочность воспоминаний о раннем детстве не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от образования, что таковыми являются не только воспомина-ния сами по себе скудные и смутные, но и такие, которые мы можем отнести к разряду ярких и обильных.

Таким образом, мы вправе смотреть на отрывочность воспоминаний о раннем детстве, как на наиболее характерную черту всего этого процесса, резко отделяющую эти воспоминания от воспоминаний о позднейших периодах.

Воспоминания же лиц, отличающихся характером связности (70%), мы можем рассматривать, как нередкое исключение из этого общего правила. Эти воспоминания уже не являются, подобно вышесказанным, всплывающими как бы вне времени, пространства и окружающих условий, без видимой ассоциативной связи друг с другом, они уже „тянутся непрерывной нитью“, чаще локализируются в прошлом, заключают в себе характеристики, описание среды и т. д.

Приводим пример такого связного воспоминания.

Женщина моложе 25 л. Слушательница ВУЗ.

Помнить я себя начала с 4 лет, но отдельных фактов совершенно не представляю. В это время я уже знала буквы, но читать не могла и для меня наступал праздник, когда мама бралась за книгу со сказками, а это бывало очень часто. Слушать сказки я готова была всегда и после того время жила в этом фантастическом мире и изображала из себя, то Красную шапочку, то Золушку,—а то, сидя на большой шкуре, изображала из себя Ивана Царевича, едущего на сером голке. Как и вообще все маленькие дети,

я очень любила бегать, лазать, где только можно, а простору-то было много, так как живя зимой в городе, а лето проводила в деревне и находилась там на полной свободе. С раннего утра я уходила в поле за цветами, конечно, не одна, а со взрослыми—и с куклами. В куклы играть я любила. Я росла в семье одна и неудивительно, что моя любовь к куклам доходила до болезненности. Я воображала их живыми существами, делила с ними радость и горе. Как сейчас я помню один из случаев своей детской жизни: я сижу на полу перед ящиком с игрушками, в руках кукла; я в раздумьи, так как не знаю, что с ней делать... Решила ее вымыть и, каково же было мое удивление, когда после мытья розовые щеки куклы стали совсем бледными. Бегу к умывальнику, мою свое лицо,—щеки все такие же красивые. Я не знала, чем это объяснить и долгое время сидела в недоумении над испорченной куклой.

(Воспоминание об этом последнем инциденте явилось, очевидно, для самого автора неожиданным, так как вначале мы имеем указание на то, что фактов в памяти не осталось).

Таким образом, в этих и им подобных воспоминаниях мы уже находим тот элемент связности, который присущ воспоминаниям о позднейших периодах; попытку дать представление о том как бы фоне, на котором протекала жизнь в этот период, расположить события во временной последовательности, по местожительству, по временам года... Здесь, очевидно, мы имеем дело с более ранним развитием процесса репродукции—нормально, в среднем, начало связности воспоминаний относится уже к школьному периоду к 7—8—9 годам. Об этом свидетельствуют и большинство лиц, давших свои воспоминания—и только 8⁰/о из них указало на более раннее начало связности в своих воспоминаниях на 6—5—4 и даже на 3¹/₂ год (1⁰/о). Мы уже выше указывали, что воспоминания, являющиеся результатом сознательного выбора, по большей части локализируются во времени, что в отрывочных воспоминаниях преобладает отсутствие такой локализации и что в связных мы вновь находим ее. Остановимся теперь на этом вопросе несколько подробнее. Из тысячи полученных нами воспоминаний совершенно не локализованы в прошлом 52⁰/о—локализованы 48⁰/о.

Из этого числа точных воспоминаний локализация 36⁰/о могла быть позднее установлена и проверена (рождения, смерти, переезды, болезни, революция и другие чрезвычайные события в жизни ребенка и его близких). Таким образом, локализованы во времени без видимой нам причины всего 12⁰/о воспоминаний.

Итак, как правило, воспоминания о раннем детстве в прошлом не локализируются, хронологическая последовательность событий, по большей части, неизвестна.

Выше мы видели, что к такому же выводу пришел и Анри, с той только разницею, что среди собранного им материала не нашлось ни единого исключения из этого общего правила, тогда как

мы все же имеем 12% таких точных воспоминаний, возможность позднейшей проверки которых нам не видна.

Переходим теперь к наиболее до сих пор интересовавшему исследователей вопросу о начале воспоминаний. Мы уже видели, что работами Анри и Шмутца всецело опровергнуто традиционное воззрение о невозможности иметь воспоминания раньше, чем от 4-го года жизни. Полученные нами данные тоже свидетельствуют о возможности сохранять воспоминания от 3-го и 2-го года жизни (первое полученное нами воспоминание относится к 11 месяцам¹), а также и о значительной скале индивидуальных колебаний в отношении начала воспоминаний: от одного года — до семи лет.

Приводим таблицу начала воспоминаний по возрастам:

1	2	3	4	5	6	7
6	20	35	12	10	6	1

и для сопоставления с нею таблицу Анри²)

1	2	3	4	5	6	7	8
17	52	33	12	6	5	2	1

В среднем, начало воспоминаний относится к третьему—четвертому году жизни, при чем, по нашим данным, преобладает четвертый, по данным Анри—третий год.

Каковы же эти так долго в науке оспариваемые воспоминания от второго и третьего года? Есть ли в них какое-либо отличие от более поздних?

Приводим примеры некоторых из них:

Когда я была маленькой, мне было полтора года, то в квартире, где мы жили, случился пожар. Я помню такую картину. Громадное здание в огне, и я со своей сестрой, кем-то посажены были на крыльцо—против, на дороге, в пыли бежали мой брат и старшая сестра... Теперь же при виде какого-нибудь пожара мне сейчас же вспоминается эта картина...

Всегда, когда я задумываюсь о детстве, перед моими глазами одна и та же картина. Мне было 2½ года. Выехала я с мамой в коляске, как видно, из города. Много людей, видно базар. Еду быстро, так что все время, что-то мелькает перед глазами... Вдруг останавливается коляска (именно коляска, потому что лошадей я почти не помню) где-то в деревне, перед деревенским домом, с досчатой редкой изгородью, через которую видно, что кто-то бежит. Калитка открыта. Мама куда-то ушла. Я остаюсь одна. Вижу перед собой большого человека, возницу—я стою высоко, и мне страшно. Но вдруг, я рукой чувствую мягкую подушку коляски, начинаю проводить руками по ней и как-то успокаиваюсь.—На этом воспоминания детства прерываются и помню только с 6-летнего возраста.

Когда мне было 1 год 7 месяцев, родилась сестра. Этого факта я не помню, но я помню, как акушерка вправляла девочке кишку. Было вечером, помню умывальник, положение девочки и то, как это мать ей делала.

¹) У Анри в 6 мес., у Шмутца в 1 г. 4 мес.

²) Таблица Анри нами несколько переделана: в подлиннике более ранние воспоминания приводятся раздельными по полугодиям.

Период раннего детства представляется мне в каком-то тумане, более ясно встает в памяти одна только картина—где-то за городом дом, деревянные ступеньки, в окне женщина в платке с ребенком на руках—я и еще кто-то, не помню кто, идем по узенькой дорожке по направлению к дому. Я знаю, что там живет бабушка. Бабушка умерла, когда мне не было 3-х лет. Больше о своем раннем детстве я ничего не помню.

Первое, что вспоминается мне,—переезд нашей семьи из города Валк в Старую Руссу. Самый переезд, сборы в дорогу—все это исчезло. Смутно мне представляется картина последней минуты на старом месте: кругом узлы, да сестренка с засученными рукавами, вся в саже, чистит трубу.

Лежу в детской кровати, полутемно, хотя и день, окна прикрыты, не помню кто, няня или сестра, одевают мне на голову шляпу.

Самым ранним воспоминанием является следующая картина. Я сижу на столе, повидимому в столовой, надо мной висит затемненная лампа, на стене отрывной календарь с яркой картинкой (2. 2½ года).

Самым ранним воспоминанием является следующая картина—лестница, много людей, и мы бегаем с сестрой взад и вперед—была какая-то свадьба. Мама говорит, что было 2 года. Были короткие рукавчики у платья и все на нас смотрели.

Помню дом, обстановку комнаты, на кровати больной человек. Кажется, мать. Умерла, когда мне было 2 года.

Воспоминание такое: мне было 11 месяцев, я ползал на четвереньках, хотел подняться на ноги и никак не мог. Тогда меня взяли за руки и начали учить ходить. Мне очень врезалось в память, как в первый раз взяли меня за руки и начали учить стоять на ногах и мне хотелось бы устоять, но никак не мог.

Помню большой дом с лестницами и коридорами, в котором остановились переезжая. Был 1 год. С 1 г. до 3 лет провал, ничего не помню.

Из приведенных примеров видно, что самим лицам, сохранившим такие ранние воспоминания, они представляются в виде картин. Картины эти всплывают как бы помимо собственной воли и желания, являются чем-то, как бы данным сознанию, собственное я является как бы зрителем их и, если и видит себя в этих воспоминаниях то по большей части, как одну из деталей такой картины. Всплывают они изолированно и заечатлевают собою какой либо один короткий момент, как бы выхваченный из жизни, без начала и конца, в них нет ни действий, ни воспоминания о переживании. а в тех, чрезвычайно редких случаях, где эти последние имеются, видоизменяется и самая форма и вся структура воспоминания.

Таким исключением является как раз вышеприведенное самое раннее из полученных нами воспоминаний о том, как учили ходить, отнесенное автором к 11 месяцам жизни—здесь мы имеем дело с таким же рассказом, что и в позднейших воспоминаниях.

Очень часто за таким первым воспоминанием наступает „темный провал“, длящийся подчас 2—3 и более лет.

Эти „воспоминания—картины“ составляют только 7% всех имеющихся в нашем распоряжении воспоминаний. Из них не ло-

кализируются во времени 60%, локализируются—40%. Все эти локализованные воспоминания, без единого исключения, относятся не позднее, чем к четвертому году жизни.

Любопытно, что там, где, как начало воспоминания, указан более поздний возраст—это первое воспоминание носит совершенно иной характер и часто всплывает одновременно с рядом других.

Приводим пример такого воспоминания.

Мужчина 36 лет; доктор медицины.

Мое первое воспоминание относится к 5 годам, жили мы в Гродно, должен был приехать брат, гимназист 2-го класса, из Ярославля, и родители говорили, что вот придет брат твой и будет говорить только по-латыни—и вот приехал брат, я с нетерпением ожидал его первого слова и, о радость, он говорил по-русски, с криком, «мама, он говорит по-русски»—я побежал к матери...

Еще помню случай, относящийся к этому же времени: у нас во дворе, был хорошенький садик—брат привез из Ярославля мне бумажных солдатиков, и я в саду устраивал сражения. Были, конечно, жертвы, которых я хоронил и оплакивал со словами «столько лет жил, и только сейчас помер».

К этому же времени относится один эпизод: среди девочек, с которыми я играл, была одна, ее звали Галля, которую я выделял среди прочих. Я как-то особенно радовался, когда встречал ее. В один печальный день она умерла и я помню, как сильно плакал.

Итак, воспоминания, относящиеся ко второму, третьему и началу четвертого года жизни, носят своеобразный характер, отличающий их от воспоминаний в более позднем времени.

Эти „воспоминания—картины“, мы можем рассматривать, как первую стадию в развитии процесса репродукции.

Таким образом, мы видим, что взгляд на воспоминания от первых годов жизни, как на правило, как на амнезированные, не основателен. Посмотрим теперь, как обстоит дело с воспоминаниями обо всем дошкольном периоде, обильны ли они, взятые в целом, или являются, по сравнению с позднейшими, более скудными?

Как нами было уже указано, свыше 200 человек дали в общей сложности тысячу воспоминаний.

Приводим таблицу числа воспоминаний, данных отдельными лицами.

1	Восп.	40 ч.	} Итого, не больше 5 восп. дали 133 ч., всего 309 воспоминаний.
2	„	38 „	
3	„	27 „	
4	„	28 „	
5	„	11 „	} От 5—10 воспоминаний дали 40 чел., всего 251 воспоминание.
6	„	13 „	
7	„	10 „	
8	„	6 „	

10	”	6	”	} От 10—20 воспоминаний дали 20 чел., всего 260 воспоминаний.
12	”	6	”	
15	”	4	”	
17	”	4	”	
20	”	3	”	} От 20 воспоминаний до 40 восп. дали 7 чел.. всего 180 воспоминаний.
26	”	2	”	
28	”	1	”	
40	”	1	”	

Как мы уже говорили, само по себе число данных воспоминаний не может служить критерием скудности или обилия их, так как воспоминания многих лиц являются результатом сознательного выбора и вовсе не исчерпывают всего количества воспоминаний данных лиц.

Если мы, оставляя такие воспоминания совершенно в стороне относительно остальных, условимся скудными считать такие, где их дано не больше 5, имеется указание, что данные воспоминания являются исчерпывающими, а также и такие, где, как на начало воспоминаний, указано на 5—6—7 лет, а обильными такие—где их дано больше 10. указано, что приводятся не все имеющиеся воспоминания и, как на начало воспоминаний указан, 2—3—4-й год жизни, то при таком условном критерии воспоминаний 20% являются скудными, 25% обильными и воспоминания 55% с этой стороны неопределенными.

Приводим примеры таких скудных воспоминаний.

Женщина 55 лет, образование среднее, без определенной профессии.

Мы играли все дети в магазин—меня спрашивали, как меня зовут, а я не поняла, думала, что меня спрашивают, что я хочу купить и ответила «кофточку». Меня потом страшно дразнили и называли «Мадмазель кофточка» (воспоминание единственное).

Женщина 42 лет, образование высшее, ученая.

1. Помню, как лезла на лестницу, падала и вновь лезла, пока не свалилась так, что заревела. Было года два.

2. Помню две елки. Особенно мне понравилась одна желтая бонбоньерка. Помню ее, как сейчас. (Даны все воспоминания).

Итак мы видим, что число лиц, отличающихся скудными воспоминаниями, равняется 20%. Другими словами, 1 человек из 5 0 периоде своего раннего детства почти ничего не помнит. С другой стороны, и те воспоминания, которые мы условно считаем обильными, уступают в этом воспоминаниям от позднейших периодов, о чем нередко свидетельствуют и сами лица давшие такие воспоминания (как исключение, мы имеем, однако, и обратные свидетельства о большей скудности воспоминаний от школьного периода—20%).

Таким образом, мы вправе прийти к заключению, что воспоминания о раннем детстве являются более скудными, чем воспоминания о позднейших периодах, и что случаи почти полной амнезии этих воспоминаний представляют далеко не редкое явление.

Суммируем теперь те выводы, к которым мы пришли на основании собранного нами материала, относительно характерных особенностей репродукции взрослыми своего раннего детства:

1. Наиболее характерной чертой воспоминаний о раннем детстве является отрывочность их.

2. Начало связности в воспоминаниях относится, в среднем, к школьному периоду.

3. Воспоминания о раннем детстве, как правило, в прошлом не локализируются.

4. От периода раннего детства можно сохранять воспоминания и о событиях, и об эмоционально-волевых переживаниях, по яркости своей не только не уступающие, но подчас и превосходящие воспоминания от позднейших периодов.

5. Традиционное воззрение на невозможность сохранять воспоминания раньше, чем от четвертого года жизни, является неосновательным.

6. Воспоминания от первых годов жизни носят своеобразную форму „воспоминаний—картин“.

7. Индивидуальные колебания начала воспоминаний чрезвычайно велики (от 11 месяцев до 7 лет). В среднем, начало воспоминаний относится к 2—4 годам.

8. Существует известная закономерность в самом развитии процесса репродукции.

„Анкета“, говорит в заключении своей статьи Анри, „всегда поверхностна, она не дает причины вещей“.

Однако, если бы собранный анкетным методом материал не мог быть подвергнут причастному рассмотрению, едва ли имело бы большой смысл самое собиране его.

Мы, с своей стороны, не считаем возможным воздержаться от такого, хотя бы самого первоначального ориентировочного объяснения полученных выводов. Наиболее понятной, само собой очевидной представляется нам отрывочность воспоминаний о раннем детстве. Ведь дошкольный период жизни ребенка является временем прокладывания ассоциативных путей головного мозга—небольшое сравнительно число их и объясняет полностью изолированность, бесвязность впечатлений детей и позднейшей репродукции их взрослыми.

Не является ли раннее начало связности в воспоминаниях показателем более скорого развития этого процесса, и вместе с тем большей умственной одаренности? Вопрос этот нам сейчас еще представляется открытым, так как среди имеющегося у нас небольшого числа ранних связанных воспоминаний, далеко не все принадлежат людям с заведомо хорошей умственной одаренностью; с другой стороны, как раз такие воспоминания, представляют наибольший простор для позднейшей реконструкции, для смешения „правды и вымысла“...

Чем об'яснить большую или меньшую яркость воспоминаний? Нам представляется яркость воспоминаний, как результат конвергенции двух начал: личной, главным образом, эмоциональной одаренности и внешних условий, среди которых протекало детство (наличность, или отсутствие чрезвычайных событий, большее или меньшее количество новых впечатлений и т. д.). Так, например, на значение путешествий для развития процесса репродукции еще в период детства было указано В. Штерном: ¹⁾ «Новые условия оставляют уже у 2—3-летнего ребенка глубокие следы, а резкий контраст с домашней обстановкой по возвращении служит причиной того, что здесь не образуется смены впечатлений, но переживания путешествия, ясно отграничиваются от настоящего, как особый комплекс представлений».

Наш материал полностью подтверждает это воззрение. Из двух указанных начал, решающим нам все же представляется особенность индивидуальной одаренности—доказательством этой мысли явится вся наша работа в дальнейшем (обработка воспоминаний взрослых о своем детстве со стороны их содержания).

Чем об'яснить, что возможность сохранения воспоминаний раньше, чем от четвертого года жизни, времени начала самосознания, долго оспаривалась?

По всей вероятности тем, что независимость ощущений от всякой идеи о личности стала научным достоянием только недавно. Правда, и прежние философы указывали на это. «Так как, писал Стюарт Милль еще в 1860 г., единственное, что заставляет нас верить в существование «Я», это память, то я не вижу оснований думать, что понятие Я предшествует памяти» ¹⁾.

В настоящее время трудами Жана, чисто экспериментальным путем доказана независимость ощущений от всякой идеи о них.

¹⁾ В. Штерн. Психология раннего детства. Глава XIV.

¹⁾ Stuart Mill. La philosophie de Hamilton. 1860 г.

«Ощущение, или образ явлений, является тем элементом сознания, который остается после устранения побочных фактов сознания»¹⁾.

А так как другим завоеванием современной науки является признание того, что то, что было воспринято без участия сознания, может стать объектом воспоминания (Жане, Блеулер)—то нет решительно никаких и теоретических оснований к отрицанию факта существования таких ранних воспоминаний. Почему же все-таки их так мало, и они носят такой, как было указано выше, своеобразный характер. Нам представляется дело следующим образом: воспоминания эти есть у каждого из нас в латентном состоянии, но они никогда не могут быть вызваны сознательным усилием воли и могут только всплывать из глубин подсознательного. Условия возможности такого всплывания подводят нас к вопросу о распространенности амнезии воспоминаний о всем периоде раннего детства.

Тщательно изучив собранный нами материал, мы пришли к заключению, что решающим в этом вопросе является не пол, не возраст, не общественное положение и образование, не общая оди́рность, не характер памяти вообще, а наличное состояние сознания: там, где мы имеем дело с сильно концентрированным сознанием, с резким преобладанием сознательных процессов над подсознательными, мы никогда никаких других воспоминаний о раннем детстве, кроме как бы являющихся постоянным достоянием нашего сознания (чрезвычайных событий, случаев, когда подвергался опасности, сильных, часто имевших длительное влияние, эмоциональных переживаний, в лучшем случае повторных фактов поведения) получить не можем. В тех же случаях, где эта концентрация слабее, где вообще подсознательные процессы играют большую роль, а главное, где возможно добиться состояния, мы бы сказали, „активной рассеянности“, аналогичного тому, которое требуется для внушения, непосредственной передачи мыслей и т. д., мы имеем полное основание ожидать таких „подлинно детских“ воспоминаний, часто совершенно неожиданно для самих авторов их.

Мы вполне признаем гипотетичность этого нашего „объяснения“ распространенности амнезии воспоминаний о раннем детстве и необходимость дальнейшей проверки его.

Некоторый свет, на существование амнезии проливает и установленная в классическом труде Жане „Психический автоматизм“ зависимость памяти от состояния чувствительности. Известно, что в зрелом возрасте мышечное чувство играет далеко не такую роль,

¹⁾ Жане. Психический автоматизм.

как в детстве. Не объясняется ли этим исчезновение из памяти многих, связанных в детстве с этим чувством образов прошлого?

Это предположение становится особенно убедительным, если вспомнить опыты вышеупомянутого Жа не над истеричной Сольной. В нормальном состоянии она была лишена мышечной чувствительности, в состоянии искусственного сомнамбулизма приобретала ее и одновременно с этим у нее всплывали воспоминания детства, до того совершенно амнезированные.

Нам остается еще рассмотреть последний из поставленных нами перед собой вопросов, вопрос о закономерности в развитии процесса репродукции.

На такую закономерность указывал, как мы видели уже выше, Анри. Мы вполне согласны с установленными им стадиями развития: первое воспоминание изолировано, отделено довольно значительным промежутком, — группа отдельных, более или менее многочисленных отрывочных воспоминаний, не локализованных в прошлом, — связанное воспоминание.

Однако, с даваемым Анри определением первого воспоминания, как связанного с эмоциональным переживанием и приуроченного к событию, о котором в детстве говорилось, и локализация во времени которого позднее могла быть проверена, мы согласиться не можем. Таким характером, с нашей точки зрения, отличаются все те воспоминания, которые, наравне с познанием, являются как бы постоянным достоянием нашего индивидуального жизненного опыта. Вызвать которые мы можем путем сознательного припоминания. Благодаря частой амнезии подлинно первых воспоминаний, они могут иногда ложно приниматься за первые, природа этих последних нами выше определена. Их мы считаем результатом „чувственной памяти без сознания“ и относим к 1—2—3 году жизни. Эта первая начальная стадия может быть и часто бывает забыта, но всегда и всеми одновременно проходится.

Организация и методы повышения квалификации (переподготовки) работников социального воспитания.

Д-р К. П. Веселовская.

Практические занятия с педагогами в кружках.

В настоящее время, в целях внешкольной переподготовки и „повышения квалификации“ педагогов, занятия в „кружках“ занимают первенствующее место. Жизнь за последние годы наметила много видов такой кружковой работы по содержанию и по форме.

В области дошкольной работы, в частности, организовались кружки по биологии, анатомии, физиологии и гигиене детства, по физической культуре и психологии детства: кружки по изучению отдельных педологических проблем: детской игры, рисунка, детских интересов и идеалов, детской речи, среды и ее влияния на современного ребенка и пр. Наряду с этим идут занятия в кружках по обществоведению, политграмоте и т. д., а также занятия в кружках по естествознанию, музыке и ритмике, рассказыванию и пр. в связи с практикой дошкольного воспитания.

Территориально и в связи с руководящими центрами, кружки формируются при различных ведомствах в центре и в районах, городских и губернских. Так, в Москве мы имеем, в частности для дошкольных работников, кружки при I Опытной Станции НКПр., Допк. Отд. МОНО, Биостанции, Центр. Педолог. Инст., Ц.Д.Раб. Просв., а также в шести гор. районах при местных отделах нар. обр., совместно с культкомиссиями раб. просв. Центр тяжести кружковой работы заключается в активной практической проработке поставленных в каждом кружке вопросов. Отсюда работа в кружках приобретает по преимуществу характер семинариев и практикумов. Эта, последняя форма работы, логически вытекающая из предварительного соответствующего курса, читаемого по программам в специальных высш. учебн. завед., является несущественной в своем чистом виде при внешкольной кратковременной переподготовке педагогов, а потому может вестись в трех направлениях:

1) Предварительно предпосылается краткий (4- 8 мес.) систематический курс по основным дисциплинам в виде циклов, в лекционном порядке, в центре.

2) Чтение систематического курса может идти независимо, самостоятельно, со своими семинарскими и практическими занятиями, или параллельно и в связи с уже существующими занятиями в кружках.

3) Занятия в кружках идут смешанно, путем предварительного или параллельного теоретического ознакомления членов кружка руководителем с теми вопросами, которые стоят на очереди практической проработки.

Таким образом, практически осуществляется пока внешкольная работа с педагогами-дошкольниками. Жизнь со своими запросами шлифует многогранную работу по подготовке и переподготовке педагогов, и в частности дошкольников, как предтечей школьных работников. До организации при Ц. Доме раб. просв. специальных курсов по основным педологическим дисциплинам: анатомии с физиологией, гигиене и физкультуре, био-психологии детства и практически-прикладных знаний из области дошкольного воспитания, мы считаем, что занятия в педологическом кружке должны удовлетворять определенным требованиям, способствующим повышению квалификации педагога.

Задачи педологического кружка:

1. Дать научные обоснования практической работы педагога: той или иной воспитательной системы, как в стенах детского сада и детского дома, так и в семье ребенка; всего распорядка дня, режима дошкольника.

2. Ознакомить с биологическими, психо-физиологическими особенностями детского организма в различные периоды детства, дошкольного возраста, в частности.

3. Ознакомить с методами психо-физического изучения ребенка, наиболее элементарными, доступными по технике применения самими педагогами по возможности; при чем основная задача руководителя—подвести педагога к живому ребенку и дать в руки метод для самостоятельного пользования, самостоятельной регистрации и самостоятельного получения сводки, результата.

4. Ознакомить с методами изучения окружающей ребенка жизни, социально-бытовых условий в их влиянии на личность ребенка.

Итак, основная задача педологического кружка,—всесторонне, на началах естественно-научной методики, изучить ребенка определенной среды, помочь педагогам овладеть хотя бы самыми элементарными методами психо-физического исследования в целях научного обоснования практической работы.

Метод занятий.

Первые три беседы носят характер введения в педологическому практикуму. *) Цель их:

Осветить круг вопросов предстоящей педологической работы.

Установить необходимость полного и всестороннего изучения ребенка для педагогической практики.

Ознакомиться с качественным составом кружка, с наиболее живыми запросами его, путем вовлечения в беседу наибольшего количества участников кружка.

Следующие беседы посвящены проработке отдельных частей плана, при чем первый час занятий посвящен заслушанию определенных заданий, выполняемых участниками кружка; в течение второго часа прорабатывается следующая очередная тема для следующего задания. Минимальное требование для каждого участника кружка—провести по программе хотя бы одно полное обследование на ребенке того учреждения, где работает данный педагог. При участии в кружке всего коллектива можно сделать сводку материалов по отдельным учреждениям; эти сводки так же, как сводки по районам, по отдельным кружкам, производятся самими участниками обследований, в виде график, таблиц, диаграмм. Порайонные сводки производятся в центре, где группируется весь материал и производится учет работы кружков. Занятия протоколируются ответственным секретарем кружка и очередным по алфавиту участником кружка. Протоколы в сводном виде по триместрам направляются в центр, руководящий кружковой работой. Организацию работы мы ведем при культотделе Моск. губпроса, взявшем на себя организацию занятий в районах г. Москвы и уездах Моск. губ. с дошкольниками совместно с работниками МОНО.

Таким образом, программа занятий по педологии в кружках с дошкольниками, разработанная нами, представляется в следующем виде.

*) Соответствует «Общей педологии» или «Введению в педологию» специального курса педологии.

Программа занятий по педологии.

I. Краткий исторический обзор эволюции педологических идей. Связь воспитательных систем с развитием педологии, состоянием культуры человечества в различные исторические эпохи и социальными условиями.

II. Место педологии в ряду биологических и социологических дисциплин. Биогенетический принцип и современные теории о природе ребенка.

III. Установление сущности педологии, содержания и методов. Современное состояние педологии в Америке, 3. Европе и России.

Установление задач современной социальной педологии.

IV. План и методы изучения ребенка. План индивидуального обследования. Типы исследовательских и опросных листов, индивидуальных карт, анкет. Демонстрация их. Ознакомление с полным листом индивидуального обследования.

V. Ознакомление с I частью обследования, касающегося социально-бытовых условий. Рассмотрение анкеты для изучения среды и ее влияния на ребенка. Инструктирование к пользованию анкетой. Задание: заполнение анкеты путем личного посещения на дому одного ребенка каждым участником кружка.

VI. Сводка данных анкеты обследования среды (по индивидуальным обследованиям).

Ознакомление со II частью исследовательского листа—изучение наследственности ребенка. Таблица и графика наследственности. Краткая анкета для занесения данных наследственности ребенка.

Сводка данных индивидуального обследования наследственности.

VII. Данные личного прошлого ребенка

Период внутриутробного развития.

Таблица для занесения сведений этого периода.

VIII. Сводка личного прошлого ребенка.

Ход психо-физического развития ребенка.

Периоды детства.

Таблица сведений о ребенке, характеризующих ход развития. Таблица заболеваемости ребенка.

IX. Исследование ребенка в настоящем.

Объективное физическое обследование.

План и техника физического осмотра.

Предварительные краткие сведения по анатомии и физиологии костной и мышечной системы ребенка.

Отклонение от нормального хода развития костной и мышечной систем под влиянием внешних и внутренних условий.

Демонстрация скелета ребенка. Таблицы, изображающие мускулатуру ребенка, уклонения в скелете и мускулатуре. Динамометрия.

Посещение специальных выставок, музеев. Диапозитивы.

X. Применение антропометрического метода на живом ребенке дошкольного возраста. Демонстрация техники измерений на ребенке. Изменение размеров тела в течение процесса развития ребенка. Контроль за физическим развитием детей на основании антропометрических данных. Регистрация. Формы, сводки антропометрических данных. Антропометрическая карточка. Таблица.

Антропометрическая характеристика.

XI. Сводка антропометрических данных, измеренных участниками кружка детей.

Соматическое дальнейшее обследование:

Общее питание. Кожа. Волосы.

Анатомо-физиологические особенности органов пищеварения у ребенка, в частности дошкольника. Физиология и гигиена питания дошкольников. Общие положения пищевого режима дошкольников. Результаты неправильного питания. Таблицы.

Собственные наблюдения в этом отношении педагогов над своими воспитанниками. Отметки периодических осмотров врачей в санитарных индивидуальных картах детей дошкольников.

XII. Зачитывание отметок врачей о состоянии пищеварительных органов у обследуемых детей.

Анатомо-физиологические особенности органов дыхания и кожи у детей.

Основные гигиенические требования и воспитание соответствующих навыков.

Демонстрация техники изучения.

Отметки в санитарных картах у обследуемых детей.

XIII. Зачитывание отметок врачей о состоянии органов дыхания и кожи у обследуемых детей.

Особенности аппарата кровообращения ребенка, дошкольника различных возрастов в частности.

Научные обоснования соответствующих гигиенических требований.

Лимфатическая система. Железы.

Соответствующие отметки в санитарных картах.

XIV. Зачитывание отметок врачей и собственные наблюдения над обследуемыми детьми.

Развитие двигательной способности по периодам.

Общий обзор развития двигательных умений.

Техника изучения моторной сферы дошкольников.

Демонстрация методов изучения.

Гигиена органов движения ребенка.

Игры, пособия, приборы соответственно различным периодам в развитии движений. Подвижные игры, прогулки, гимнастика в применении к дошкольному возрасту.

Наблюдения над обследуемым ребенком.

XV. Характеристика двигательной способности обследуемого ребенка.

Основные моменты процессов обмена веществ у детей. Уклонения. Результаты нарушенного обмена. Секрция внутренних желез. Биохимические реакции.

Мочеполовая система у детей.

Развитие половой сферы по периодам.

Гигиена половой жизни дошкольника.

Переходные моменты в половом развитии.

Программа для наблюдений полового развития и половых проявлений у детей. Анкета для изучения уклонений в половой жизни у детей.

Наблюдения и запись по анкете у обследуемого ребенка.

XVI. Зачитывание наблюдений о половой жизни обследуемых детей.

Обследование нервно-мышечного аппарата у детей. Краткое ознакомление с анатомией и физиологией центральной и периферической нервной системы. Таблицы. Модели. Диапозитивы. Особенности нервно-психической организации ребенка и развития центральной нервной системы. Исследование органов чувств. Особенности органов чувств у ребенка. Демонстрация на ребенке простейших методов исследования органов чувств. Программы для наблюдений и исследований.

XVII. Сводка наблюдений и исследований педагогов в области развития органов чувств у обследуемого ребенка.

Принципы гигиены центральной нервной системы и органов чувств в дошкольном возрасте. Роль воспитания в этом отношении.

Сводка данных о физическом состоянии ребенка по плану. Составление физической (соматической) характеристики. Понятие о конституциях.

Форма и ведение записей индивидуального соматического листа (медицинская часть санитарного листа).

Биологические особенности дошкольного возраста в различные периоды. Уклонения от нормы и их практическое значение. Условия внутренние и внешние.

XVIII. Зачитывание физической характеристики обследуемого ребенка.

Психическое обследование.

Ход психо-физического развития ребенка и его изучение. Психико-физические особенности по периодам. Главные этапы в психическом развитии. Демонстрация диаграммы. Зависимость психики от физического состояния в дошкольном возрасте.

План, методы и практика изучения психики ребенка. Метод психологических наблюдений. Техника собирания материалов. Формы записей проявления ребенка. Схемы дневников. Инструктирование в собирании и обработке материалов. Программы.

XIX. Зачитывание индивидуального и группового дневника.

Метод экспериментально-психологического исследования. Демонстрация техники метода на дошкольнике.

XX. Демонстрация исследования на ребенке по методу тестов: Бина, Россолмо, Нечаева. Обследование участниками кружка.

XXI. Зачитывание протоколов исследования педагогами детей по системе Бина и Симона. Метод «естественного эксперимента».

Задание кружку: постановка определенной подвижной игры по методу Лазурского.

XXII. Зачитывание результатов «естественного эксперимента».

Метод анкеты. Исследование круга представлений у детей. Опросный лист для дошкольников. Исследование детской речи. Исследование интересов и идеалов ребенка.

Программы для исследования сферы чувств у ребенка. Задание: заполнение опросного листа обследуемого ребенка.

XXIII. Зачитывание и сводки опросных листов обследуемых детей.

Рефлексологический метод. Его основы и техника. Генезис безусловных и условных рефлексов. Применение рефлексологического метода в изучении инстинктов и их развития. Инстинкты борьбы, инстинкты половые и их развитие, инстинкты личные, коллективные, социальные. Применение рефлексологического метода при изучении воли, внушаемости, упрямства.

Изучение эмоциональной сферы. Нравственного, эстетического, социального чувства. Программы.

Задание: сводка индивидуального педагогического обследования по плану обследовательского листа.

XXIV. Зачитывание сводки психологического и педагогического обследования. Составление общей характеристики. Программы. Формы характеристик. Задание. Составление полной характеристики обследуемого ребенка.

XXV. Зачитывание полных характеристик. Совместное составление врачебно-педагогического заключения и назначения режима. Задание: составление полного формуляра ребенка с образцами рисования, ручного труда и пр., желательна фотография.

XXVI. Рассмотрение формуляров.

XXVII. Учение об аномалиях. Дефектология, как ветвь педологии. Основы психопатологии детства. Принципы классификации аномальных. Основные вопросы педагогической практики с аномальными детьми дошкольного возраста. Собственные наблюдения участников кружка.

Для ознакомления с семьей ребенка, применительно к дошкольному возрасту, ребенку, посещающему Д. С., мы предлагаем следующую анкету. Аналогичные анкеты для обследования влияний улицы, двора, района, местности, предприятия, профессии окружающих, товарищей и т. д. и могут осветить социально-бытовые условия, формирующие личность ребенка.

Педологический семинарий.

Параллельно или самостоятельно ведутся занятия по педологии в виде семинариев по следующей приблизительно программе:

I цикл.

Литературная проработка психогенетических монографий.

II цикл.

Биографический метод в генетической психологии.

III цикл.

Методика психофизиологического обследования. Литература по объективной и субъективной методике.

IV цикл.

По обследованию круга представлений.

V цикл.

По детской характерологии.

VI цикл.

По естественному эксперименту.

VII цикл.

По детскому творчеству рисункам, играм, идеалам.

VIII цикл.

Сравнительный обзор основных систем воспитания.

IX цикл.

Различные системы воспитания в связи с развитием педологии.

XI цикл.

Воспитание и наследственность.

IV. Жилищные условия.

1. Где живет ребенок (дом-коммуна, фабричное общежитие, частная квартира, детский дом и т. д.)

2. Где помещается семья ребенка (самостоятельная квартира, одна комната, угол и т. д.)
 сколько комнат занимает семья . . . , сколько человек в них живет . . . , кв. арш. полезной площади (не считая коридоров, кухни и проч.) на всю семью , кубатура на человека , если живет и чужая семья, то каков ее социальный состав

3. Освещение естественное: отношение площади окон к площади пола
 Солнечная сторона. Северная. Затемненная. Куда выходят окна помещения

4. Искусственное освещение: керосиновое, электрическое. Сила освещения

5. Производится ли в комнате ребенка: приготовление пищи
 , занятие ремеслом (каким) , стирка белья

6. Есть ли теплая уборная при квартире или приходится пользоваться ребенку отхожим местом на дворе
 в жилом помещении имеется ли форточка в комнате ребенка
 , есть ли во дворе или поблизости сад (где гуляет ребенок)

7. Живет ли семья ребенка в подвале , в мансарде
 , в каком этаже

Помещение ребенка:

да

нет

сырое холодное плохо вентилир. грязное

V. Физический уход за ребенком.

1. Питание:

Сколько раз в неделю:

Получает ли и как часто мясо

« « « « молоко

« « « « сахар

« « « « белый хлеб

регулярно ли принимает пищу

опишите обычное меню ребенка

2. Одежда и обувь; имеет ли ребенок недостаток и в чем именно (есть ли обувь, теплая одежда и пр.)

наблюдается ли опрятность и чистота (да—нет): в одежде . . . , в обуви . . .

3. Уход за телом: как часто моется в бане

имеет ли отдельное полотенце

« « постельное белье

чистит ли зубы

есть ли паразиты в белье

« « « « волосах

4. Где и как спит ребенок:

а) в своей кровати , на мебели
 в постели с другим и с кем именно

б) спит одетый или нет

- в) в котором часу ложится час. веч., в котором часу встает час. утра, что мешает ложиться вовремя
- г) как спит обычно: $\frac{\text{хорошо}}{\text{плохо}}$, что мешает сну
5. Гуляет ли ребенок регулярно, с кем именно, где

VI. Домашняя жизнь ребенка.

1. Где и как ребенок проводит время, возвращаясь из детского сада
 Бывает ли он без присмотра и сколько времени: дома
, вне дома (на улице, во дворе)
2. Кто из старших проводит с ребенком больше времени
, в чем заключается времяпровождение (какие игры, сказки, занятия и т. д.)
3. Как относятся дома к играм и шуму ребенка: запрещают
 поощряют
4. Наказывают ли ребенка, кто именно и как именно, за какие проступки (опишите подробно)

Н а к а з а н и я .

Виды наказаний:	За какие проступки.	Кто наказывает.	Как относится к этому ребенок.
Выговор			
Брань			
Выгоняют из комнаты, дома			
Ставят в угол			
Ставят на колени			
Изолируют в отдельную комнату			
« « темную « 			
Бьют по чем попало			
Подзатыльники			
Дерут за уши			
« « волосы 			
Бьют ремнем			
Секут			

5. Получает ли ребенок подарки, часто ли, от кого и в какой форме (игрушки, сладости)

6. Товарищи ребенка:

мальчики да нет
 , девочки , любит ли с ними играть . . .
 , играет дома , во дворе
 Как относятся домашние к товарищам ребенка (поощряют или нет)

7. Характер членов семьи (мягкий, деспотичный, замкнутый, общительный, веселый, мрачный)

8. Живут в семье дружно или бывают ссоры, драки (кого с кем из членов семьи, опишите подробно)
 ; отношение к этому ребенка

9. Преобладающее настроение семьи (мирное, спокойное, жизнерадостное и обратно)

VII. Содержание жизни ребенка:

а) Имеет ли ребенок свой уголок в помещении
 Делает ли сам игрушки и какие
 Есть ли домашние животные (какие)
 Ухаживает ли, играет ли с ними ребенок
 Берут ли ребенка в театр
 « « « кино

б) Заставляют ли ребенка помогать по дому
 в частности по уходу за младшими
 привлекается ли ребенок к торговле и пр.

в) Много ли игрушек у ребенка (да, нет)
 Какие имеются и какие он больше любит игры вообще (опишите подробнее)
 Кому подражает, как играет, предоставленный самому себе и т. д.

VIII. Роль детского сада в жизни ребенка.

. да нет
 Охотно ли посещает д. сад
 Опишите подробнее: а) как относятся ребенок к детскому саду
 б) как относятся родители к влиянию детского сада на ребенка

Время заполнения анкеты:

Подпись обследующего:

Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии.

(2-ой съезд по психоневрологии).

А. П. Серебrenников.

3—10 января в Ленинграде состоялся Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии*), объединивший специалистов разных знаний о природе человека: рефлексологов, психологов, педологов, врачей, педагогов и проч. Представители разных научных дисциплин, изучающих человека, ранее работавшие изолированно, на этом съезде, как и на первом психоневрологическом, имели возможность обменяться мнениями, проверить, в горниле критики, свои взгляды, свою работу. По справедливому замечанию академика В. М. Бехтерева, съезд можно сравнить с почвой, прикасаясь к которой, дремлющий герой, усталый, истомленный, вновь получал свежие силы. Многие участники съезда почувствовали подъем сил, получили вдохновение на новые научные работы. Научная мысль очищена, углублена. Научные направления в области психоневрологии, между которыми, казалось, лежала пропасть, в результате обмена мнений и совместной работы, по словам В. М. Бехтерева на последнем заседании, в значительной степени сблизились—между ними перекинут мостик, началось начало спайки, которая, как надеется В. М. Бехтерев, на следующем съезде, который предполагается созвать в январе, в Харькове, будет еще сильнее.

С целью еще большего объединения всех научных работников в области изучения нормальной и патологической личности, съезд выработал положение о Всероссийской Психо-Неврологической Ассоциации, в президиум которой выдвинул след. лиц: акад. Бехтерева В. М., проф. Осипова В. П., проф. Печалева А. П., Корнилова К. Н., проф. Крамера В. В. и проф. Залкинда А. Ю.

Съезд имел небывалый успех. На него собралось более тысячи человек, из которых 906 действительных членов (429 врачей, 373 педагога и 104 рефлексолога и психолога). По месту жительства действит. члены разделились: 591 из Ленинграда, 158 из Москвы и 162 из провинции. Во всех секциях, которых было 10, прочитано 326 докладов: 216 ленинградцами (66%), 58—москвичами (18%) и 52 приехавшими из провинции (16%).

В секции нормальной и патологической рефлексологии прочитано 19 докладов, в секции рефлексологии труда и технической рефлексологии—29, в секции криминальной рефлексологии—14, в секции педологии и экспериментальной педагогике—43, в психологической секции—36, в секции детской дефективности—39, в секции неврологии и невропатологии—50, в психиатрической секции—56, в секции гипноза, внушения и психотерапии—14 и в секции терапии нервных и душевных болезней—26.

Всего заседаний было 79, из них 2 пленарных и 77 секционных.

В настоящем отчете будет дано изложение главным образом докладов, бывших на пленарных заседаниях и на заседаниях педологической секции, которая большею частью заседала совместно с психологической, рефлексологической и секцией детской дефективности.

На этих заседаниях особенно ярко выступили главнейшие современные направления в области изучения человека: эмпирической психологии, пред-

*) Первый съезд по психоневрологии состоялся в Москве 10—15 января 1923 года.

ставителями которой выступали проф. А. П. Нечаев, проф. А. П. Болтунов, проф. М. Я. Басов и др.; рефлексологии, представителем которой выступал академик В. М. Бехтерев со своими учениками, и марксистской психологии (психологии с точки зрения диалектического материализма), представителем которой выступал проф. К. Н. Корнилов.

Пленарное заседание 3-го января 1924 г.

Съезд открылся в торжественной обстановке в актовом зале Ленинградского Университета. Т. Кристи, открывая съезд, приветствует собравшихся от имени Народного Комиссариата Просвещения, при чем подчеркивает, что работы физиологов Сеченова и Павлова создали базу для развития психоневрологии, а новый советский строй в России создал такой размах науки, какой невозможен в других, капиталистических странах.

Председатель организационного бюро В. М. Бехтерев и его товарищи А. В. Гервер знакомят собрание с историей созыва съезда.

Почетным председателем съезда избран проф. А. П. Нечаев. Кроме того, в президиум вошли: акад. В. М. Бехтерев, проф. А. В. Гервер, проф. К. Н. Корнилов, проф. И. В. Эвергетов и др. Почетными членами президиума избраны т.т. Луначарский, Семашко и Зинсвлев.

По предложению академика В. М. Бехтерева, постановлено послать телеграмму В. И. Ленину.

На пленарном заседании 3-го января были прочитаны:

1) Речь проф. А. П. Нечаева «Психология, как наука и ее современное значение».

и 2) Доклад академика В. М. Бехтерева и Н. М. Щелованова: «Основы генетической рефлексологии».

Основные вопросы современной психологии и рефлексологии.

Речь проф. А. П. Нечаева «Психология, как наука и ее современное значение».

Совершившаяся на наших глазах революция, начал свою речь проф. А. П. Нечаев, не могла оставить без потрясений нашего внутреннего мира. В данное время происходит необыкновенное шатание мысли, переоценка всех ценностей. На обломках старого создается что-то новое. Наше время имеет исключительно философский интерес. Работа философов построена на критике привычных положений. Сейчас нет таких предметов, которые не подвергались бы критике. В то же время работает и творческая мысль.

Если мы возьмем сферу науки, во имя которой созвался настоящий съезд, происходит то же самое. В данное время выступила жгучая проблема, возник вопрос даже о существовании науки, которая называется психологией — не является ли она отжившей, вредной в воспитательном отношении; не изгнать ли ее из учебных заведений? Окружающая жизнь часто решает этот вопрос: «да». Говорят, что психология — отголосок метафизики.

Не желая «загущивать вопроса», А. П. ставит «прямо вопрос», а именно: он утверждает, что главным источником психологии является самонаблюдение.

Разве наши радости, печали, сорадование и т. п. не имеют права быть предметом особой науки? — задает вопрос А. П. и отвечает вопросом же: что осталось бы от нас, если бы исчезло самонаблюдение, если бы погасли наши

радости и проч.? Полнее ничто, исчез бы всякий источник знаний. Перестал бы существовать не только весь наш внутренний мир с его переживаниями, но и весь мир. Только при помощи самонаблюдения мы можем понимать других людей.

Говорят, что наш внутренний опыт является субъективным. Но как изменчивы представления об объективном мире! Какие сложные изменения произошли в этом отношении от Демокрита до Эйнштейна! Если мы возьмем древнейшие документы, в которых заключаются лирические излияния древних, переживания людей, живших несколько тысяч лет тому назад, все эти излияния и переживания кажутся для нас ясными, близкими. Иначе обстоит дело, когда мы встретимся с объективными толкованиями древних мировых явлений и т. п. Какой сказкой кажутся нам теоретические построения Аристотеля, Птолемея и др.!

Наш внутренний опыт роднит людей. Если так, заключает докладчик, то психология, которая изучается путем самонаблюдения, имеет право на почетное место среди других наук.

Чувствую, говорит докладчик, что моя точка зрения встретит большие протесты. Будут говорить, что ученый, занимающийся самонаблюдением, изучает только самого себя, но это недоразумение. Самонаблюдение для психолога является только средством проникнуть в другие, сходные с ним существа, средством для истолкования их внешнего поведения. Здесь выплывает проблема об'ективации. Но, является вопрос, насколько допустимо переносить наши переживания на других. При каких условиях может быть совершаема об'ективация? Когда может быть допускаема аналогия? Все это требует величайшей осторожности. Одной из самых основных задач психологии является установить, что из наших переживаний является общим, присущим тем или иным существам, и что является личным. Самонаблюдение имеет громадное значение не для одной только психологии. Каждый ученый, в какой бы области он ни работал, должен прежде всего разобраться в сущности своих наблюдений. Разве физик, астроном при своих научных исследованиях не учитывают влияния личных ошибок? Разве мы не знаем, что физик, математик и пр. приступают к своей работе, тесно соединившись с психологией?

Но, является вопрос: не дает ли нам всего наблюдение, например, какого-либо физиологического явления?

Приведу простой пример. Сидит человек с закрытыми глазами, с опущенной головой. У него неправильное дыхание. Он не делает ни одного жеста. О чем он думает? Какие его переживания? Никакое самое подробное физиологическое обследование не даст на эти вопросы ответа. Если же мы вспомним свои личные переживания, то поймем, что он страдает. А если мы еще увидим телеграмму с известием о смерти его близкого человека, то его переживание нам будет еще более понятным, близким. Чтение телеграммы не физиологическое наблюдение, а дает нам многое.

По словам докладчика, не только наблюдение нуждается в самонаблюдении, но и эксперимент, который является тонким средством об'ективации наших самонаблюдений.

Могут сказать: при чем тут самонаблюдение? Не достаточно ли только констатировать поведение? Говорят, что проникновеннее в переживания других людей должно быть вне области научного изучения. Такая точка зрения не новость. Еще Декарт об'явил всех животных машинами, к которым бессмысленно сочувствие. Фабрикант, который смотрит на рабочих, как на машины, имеет в виду только их поведение; он смотрит на них, как на прибавление к машине. То же педагог в футляре, который видит в учащих лишь

их поведение. То же и правительство, которое смотрит на «поданных», как на пушечное мясо.

Эмпирическая психология является источником гуманности.

Говорят, что вопрос о самонаблюдении является трудной проблемой, но не непреодолимой. Все победы эмпирической психологии—победы, чтобы не вложить в сознание другого того, что принадлежит нам.

Но психология не только собирает материалы, она их обобщает. И здесь можно впасть в величайшую ошибку. Здесь велика опасность введения субъективизма. Велико разнообразие психической конституции каждого субъекта: у одного преобладает интеллектуальная сфера, у другого эмоциональная и т. д. Необходимо остерегаться при психологических исследованиях определенного подхода, подчинения подхода какой-либо определенной доктрине, подхода с какой-либо философской системой. Ни идеалистический, ни материалистический подходы не должны быть при психологических исследованиях. И материализм, и идеализм, и всякое другое мировоззрение—есть результат переработки опыта, на котором не могут не отразиться наши субъективные переживания.

Но не всякое пользование самонаблюдением достойно психологии, имеет ценность, а лишь то, которое ведет к об'ективации.

В основе об'ективации лежит аналогия. Без аналогии не обходится ни врач, ни астроном и проч.

Чтобы психология стояла на высоте своего положения, необходимо подвергать исследуемый ею материал точной математической обработке с целью установления корреляции.

Итак, предмет психологии—непосредственный опыт; цель—расширение области личного наблюдения; метод—научное обоснование процесса об'ективации.

Применение эксперимента и математики ставит психологию на строго детерминистическую точку зрения.

В настоящее время нельзя сказать, что психология вполне освободилась от тенденций лемпирического характера, но основной идеал эмпирической психологии крепнет, значение ее проясняется. Спрашивается, кто больше получил—психология от физиологии или наоборот? Ряд физиологов работает, явно стимулированные психологией.

Понимание другой личности, к чему стремится психология,—в этом громадное значение психологии. В настоящее время мы видим, что непонимание друг друга растет. Идет борьба человека с человеком. Но как бы мы ни были далеки друг другу, эмпирическая психология несет начало истинной человечности. Я горячо желаю, заканчивает свой доклад А. П. Нечаев, чтобы наш съезд был могучим средством достижения этой высокой цели.

Доклад академика В. М. Бехтерева и Н. М. Щелованова:
„Основы генетической рефлексологии“.

Академик В. М. Бехтерев задается целью познакомить аудиторию с главнейшими результатами длительных и подробных исследований, ведущихся Ленинградским Педологическим Институтом (младенческое отделение) над новорожденными и младенцами со времени основания Института (1907 г.) до настоящего времени и на этом примере показать, какой метод изучения детей является наиболее ценным, предлагаемый эмпирической психологией или рефлексологией. Доклад основывается, главным образом, на данных последнего времени, после-совершившегося в Институте преобразования. Данные, полученные Институтом до его преобразования, уже использованы—опубликован целый ряд статей и В. М. Бехтерева и его сотрудников.

Педологический Институт (теперь младенческое отделение Пед. Ин-та) прибег с самых первых его шагов к строго объективному изучению детей, чего он неуклонно держится и в настоящее время.

Наблюдение за детьми фиксируется в особых дневниках, в которых записываются все реакции ребенка. Дневники ведутся с большой основательностью. В распоряжении Педологического Института имеется обширный материал объективного изучения младенцев. Детальное сообщение результатов работы будет сделано сотрудниками младенческого отделения. В. М. Бехтерев взял на себя лишь сводку данных, полученных в Институте.

Если мы обратимся к психологии детского возраста, то должны констатировать, что она ставит своею целью выяснение возрастных особенностей детей, выяснение развития высших свойств человеческой личности.

Но все ли обстоит благополучно в психологии детского возраста? Не остаются ли некоторые важные вопросы вне внимания психологии? Являясь придатком философии, психология не была эмпирической наукой. Ее метафизичность отражается и на учении о «душе ребенка». В. М. Бехтерев приводит в пример Декарта, который утверждал, что у ребенка имеется идея о божестве,—на Канта, который утверждал, что первый крик ребенка является как бы протестом против оков чувственности,—на Шопенгауэра, который в крике ребенка видел основание к пессимизму.

Но методы естествознания отразились на психологии. Появляется эмпирическая психология. Психологи стремятся изгнать метафизику, пишут труды под заглавием: «Психология без всякой метафизики».

Несомненно, за последнее время методы психологии в значительной степени усовершенствованы.

Появляется экспериментальная психология. Приходится отдать дань уважения, как иностранным, так и русским ученым, много поработавшим для психологии.

Но работа современных психологов касается, главным образом, высших проявлений психической жизни. Необходимо изучение и низших сторон поведения человека. Таким образом, метод психологии ослабляется. Затем, самонаблюдение возможно использовать при изучении интеллигента. Но как мы применим метод самонаблюдения, когда будем исследовать не интеллигента?

Вообще нужно сказать, что возникает много вопросов в отношении методов исследования современной психологии, особенно по отношению к аналогии, при которой переживания исследователя переносятся на других лиц. Нужно сказать, что личность неповторяема, самобытна. Человек есть существо био-социальное. На нем отражается, с одной стороны, наследственность, с другой—социальная среда. Поэтому подход психологии с помощью аналогии является рискованным, можно впасть в величайшее заблуждение. Чужие душевные переживания нельзя наблюдать, их можно только истолковывать.

Спрашивается, не стоит ли современная психология на ложном пути? Да, отвечает докладчик. При всех коррективах она грешит в области изучения детства.

Один из психологов замечает: если бы мы ничего не знали о сознании взрослого, то не знали бы психологии ребенка; психология взрослого освещает психологию ребенка.

Штерн замечает, что в известном смысле приходится признать, что детство для психолога—потерянный рай. Изучать детство—психология бессильна.

Ясно, заключает В. М. Бехтерев, что изучение психогенезиса невозможно путем психологии.

Тем не менее, психологи занимаются изучением психологии детства.

Прейер пытается расшифровать иероглифы детства.

Докладчик считает величайшим заблуждением истолковывать психологию ребенка по самому себе. Это—ненужный научный балласт, даже вредный.

Необходимо систематическое изучение реакций ребенка, его внешних проявлений.

Каждый психолог разное подходит к ребенку: сенсуалист подходит известным образом, волюнтарист иначе и т. д.

Затем психологи очень широко воспользовались био-генетическим законом Геккеля, перенеся его на детство, в чем также ошибка психологов. Конечно, нельзя отрицать некоторых ценных результатов психологов, использовавших этот закон, но ценные результаты были там, где в основу клались факты, напр. в вопросе о детских играх, о детской подражательности, о детских рисунках и т. д.

Психолог берет лишь те стороны психической жизни, которые проявляют его сознание. А те процессы жизни ребенка, которые не выявляют сознание, разве не ценны? Психологи берут специфический материал, игнорируя другой, который также может быть ценным. Психологи не ставят задачей изучения основных вопросов развития ребенка, а только изучают его сознание.

Ребенка необходимо изучать объективно-биологическим методом, который разрабатывается и по отношению ко взрослым.

Мы знаем, к каким ошибкам ведет субъективный метод.

Тем не менее, не надо игнорировать содержания речи человека, даже бредовых речей душевно-больных. Их надо учитывать. Таким образом, рефлексология центр тяжести полагает в объективном изучении, которое может быть только пополняемо субъективными показаниями.

Эксперимент, применяемый психологами, очень ценен, но лишь в объективном истолковании.

Введенный и разработанный докладчиком рефлексологический эксперимент дает очень многое. При помощи его можно наблюдать развитие у животного или человека сочетательных рефлексов. Применение рефлексологического эксперимента на ребенке дает ценный материал особенно потому, что ребенок рождается беспомощным, незрелым существом (в отличие от животных, напр., от щенка, который сразу по рождении начинает ползать), медленно растет и развивается, что дает возможность проследить на нем развитие высших рефлексов, дает возможность выяснить, что делает человека особо социальным существом.

Генетический метод дает возможность выявить, что у человека унаследовано от предков, от природы, что относится к биологическим его особенностям, что получено им от обстановки и социальных условий.

Что же дает наблюдение над младенцем? Предлагаемая таблица может дать понятие об общем порядке развития рефлексов у младенца.

Общий порядок развития рефлексов.

При рождении.	1. Местные специфические рефлексy.
	2. Местные неспецифические рефлексy.
	3. Общие неспецифические рефлексy.
	4. Пищевая доминанта.
	5. Доминанта от смены положения.
Первый месяц с третьей недели.	1. Доминанта со зрения и слуха.
	2. Возникновение сочетательного рефлекса.
Второй мес.—47 дней.	1. Искусственные сочетательные рефлексy.
Конец 2-го мес. по первую половину 3-го мес.	1. Поворот головы и глаз на невидимые звуки.
5 мес.—на 121 д.	1. Дифференцирование сочетательного рефлекса.

Из приведенной таблицы усматривается, что у новорожденного имеются местные раздражения, ничем не связанные реакции. Замечаются и общие неспецифические рефлексy. Разверните ребенка, и он забарахтается—это общая реакция.

У ребенка замечаются некоторые такие реакции, потом исчезающие, которые у взрослых бывают лишь при известных заболеваниях.

У новорожденного имеется пищевая реакция, т. наз. „пищевая доминанта“. Эта реакция, когда она проявляется, тормозит все другие реакции. Впрочем, иногда в первые дни эта реакция у ребенка не существует, когда он недоразвит.

Существует у новорожденного и другая реакция, т. наз. „доминанта от смены положения“. Перемена положения подавляет все в ребенке—крик и пр.

С третьей недели появляется доминанта зрения и слуха, а затем возникают сочетательные рефлексy.

Со второго месяца появляются искусственные сочетательные рефлексy; к концу второго месяца—поворот головы и глаз на невидимые источники звука; на 121 д. начинается дифференцирование сочетательного рефлекса.

Каково же практическое значение рефлексологического изучения ребенка?

Прежде всего профилактическое. Оно, например, дает возможность решить, через какие сроки надо кормить младенцев. Следует ли кормить ребенка через 3 часа, как советуют многие врачи? Не нанесится ли этим вред ребенку, т. к. голодание, бывающее при таком способе кормления, вызывает у ребенка раздражение. Насколько допустим шум около ребенка? и т. д.

Затем рефлексологическое изучение ребенка имеет и диагностическое значение. Возможно установить, в каком возрасте, какая реакция должна быть у ребенка. Если у ребенка нет известной реакции, кот. должна быть в определенном возрасте, то он недоразвит. Можно судить, правильно или неправильно идет развитие ребенка.

В соответствии с этим, мы можем строить и педагогическое воздействие.

Мы, говорит докладчик, стоим на принципе воспитания со дня рождения, каковой принцип проводится нами с 1907 г., со времени основания Педологического Института. Это стало уже банальной истиной, хотя некоторые врачи до сих пор утверждают, что младенец до 3 лет—лишь кусок мяса, который надо только питать. Это положение нами отвергнуто. Спрашивается, отчего бывают первые люди? Не возникает ли у них червьность с первых дней жизни от неудовлетворения их потребностей?

Воздействие на ребенка должно быть направлено на общую его конституцию, которая зависит от внутренней секреции.

Конституция ребенка изучается генетическим методом; изучается, какая секреция в каком возрасте преобладает.

Психологи не хватало генетического метода. Рефлексология подводит фундамент под исследование ребенка—генетический метод. Полное понимание человека не может быть без выяснения его генезиса. Генетический метод, применяемый рефлексологией,—правильный подход к культуре человеческой личности.

Доклад акад. В. М. Бехтерева «Объективное исследование личности нормальной и патологической».

Этот доклад служит дополнением и развитием первого доклада.

В нем В. М. снова касается вопроса о самонаблюдении и утверждает, что последнее не может быть осуществлено, прежде всего, при изучении младенцев, затем в патологическим личностям и, наконец, к животным. Даже психолог-экспериментатор не может изучать данные категории лиц и животных, так как, согласно утверждения самих же представителей эмпирической психологии, психолог-экспериментатор есть не что иное, как организатор самонаблюдения другого лица. Психологи эмпирической школы ставят своей целью не изучение объективных проявлений живых существ, а выяснение их субъективных процессов. Такая цель является недостижимой, по крайней мере, к указанным категориям живых существ. Недаром Штерн сказал, что для психологов детство—потерянный рай. Показания патологической личности не дают нам возможности выяснить их переживания, т. к. их показания возбуждают сомнения, насколько правильно они отражают их переживания. Вообще, нужно сказать, что полного понятия о внутреннем состоянии другого существа иметь невозможно. Нечего говорить о внутреннем состоянии животных. Зоопсихологию нужно считать обреченной на отмирание, она превратилась в живой труп и скоро будет отмечена.

Далее докладчик подчеркивает, что психология лишена филогенетического метода, без которого невозможно изучение живых существ; нет в психологии и онтогенеза. Правда, психологи собирают у взрослых первые их воспоминания о раннем детстве, но все эти воспоминания, во-первых, отрывочны и во-вторых, крайне субъективны. Они не могут дать никакого представления об эволюции, хотя бы даже только психических процессов.

В виду всего этого, необходимо изучение не внутреннего состояния ребенка, взрослого или животных, а их поведения в связи с внешними воздействиями. Должна быть выработана схема объективных реакций. Такая схема

уже выработана докладчиком и его сотрудниками и применяется на практике в Воспитательно-гигиеническом Институте тов. Тимофеевским. Схема для регистрации объективных реакций младенца выработана и применяется в младенческом отделении Педологического Института Н. М. Щеловановым и его, сотрудниками. В младенческом отделении ведется над новорожденным в течение 10 дней непрерывное наблюдение (и днем и ночью) с точной регистрацией всех его реакций по упомянутой схеме.

Что касается взрослых, то для них выработана Институтом мозга схема учета бюджета времени.

При объективном исследовании личности применяется, с одной стороны, наблюдение, производимое по известной схеме, и, с другой стороны—эксперимент. Кроме того, применяется и естественный эксперимент.

Поведение личности, ее внешние проявления лучше всего обнаруживаются в деятельности, в труде личности. Рефлексологическое исследование не исключает и умственного труда. Мысль, выраженная словами,—это речевой рефлекс. Исследование умственного труда, утомляемости, упражняемости и т. п. может быть прекрасно изучено при помощи целого ряда экспериментов; типичным является счет. Для исследования личности в смысле ее творчества возможно предложить испытуемому написать сочинение на известную тему, напр. описать зиму, лето и т. д. Сочинения могут многое выяснить.

О методах исследования коллективного творчества В. М. Бехтерев сделал доклад на первом съезде по психоневрологии, почему здесь он только ссылается на свой доклад.

Доклады акад. В. М. Бехтерева и проф. А. П. Нечаева вызвали оживленные прения.

Проф. А. П. Болтунов указал, что ему трудно возражать, т. к. психологи и рефлексологи говорят на абсолютно разных языках. Не одни рефлексологи, но и психологи прибегали и прибегают к психофизическим методам. Но нужно сказать, что математика в психологии, при большой затрате времени, ведет к малым результатам. Затем, психо-физические методы дают возможность изучать только элементарные психические явления. Рефлексологи смотрят слишком упрощенно на психические явления; они гораздо сложнее. Психологи же, пользуясь своими методами, имеют возможность давать тонкий анализ сложных психических явлений.

Проф. М. Я. Басов считает, что все споры рефлексологов с психологами основаны на недоразумении. Почему-то методы рефлексологического изучения называют объективными, а методы психологического изучения субъективными. К сожалению, выступление проф. А. П. Нечаева дает некоторое основание к указанному толкованию. М. Я. Басов считает, что методы психологического изучения являются такими же объективными, как и рефлексологические методы. Современная психология совершенно объективно изучает личность человека, его поведение. Психометрия и психофизика являются лишь главами психологии. Разве исследование нашей памяти по методу Эбингауза является субъективным? А обследование одаренности?

В конце речи Владимир Мих. подчеркнул (эту мысль он проводит и в своих работах), что рефлексология не исключает самонаблюдения, что рефлексологи пользуются показаниями испытуемых. Вот здесь-то и есть психология. Где же разница между рефлексологами и психологами. Если не быть фетишистом слова, если не выдумывать новых слов, то разницы нет. Под многими, что утверждают рефлексологи, заканчивает М. Я. Басов, мы можем подписаться.

Проф. А. Г. Борсук считает, что рефлексологи изучают только часть личности, обращая внимание лишь на ее реакции. Если бы рефлексологи записали все реакции человека со дня его рождения и до смерти, если бы они воспользовались и кинематографической лентой, полного представления о данной личности нельзя получить. Ведь каждая личность думает, чувствует и пр., т. е. имеет субъективные переживания. Она должна быть изучена всесторонне. Рефлексология не ставит задачей полного познания личности. Рефлексологи изучают своими методами лишь реакции человека, его поведение, а психологи — и субъективную его сторону.

Н. М. Щелованов считает, что рефлексологам и психологам необходимо разграничить сферы изучения, а именно: психологам взять самонаблюдение, а рефлексологам внешние проявления человека.

Т. Березин находит, что понимание личности у психологов — чистейшая метафизика, что непосредственный опыт ничего не дал науке, что психологи впадают в эклектизм, что «чем скорее мы очистим науку от субъективных наслоений», тем лучше.

Проф. А. П. Нечаев приветствует предложение изгнать метафизический элемент из психологии. Также приветствует он основывать науку на фактах, но одних фактов недостаточно. Если строить науку на одних только фактах, то из области наук придется отнять и всю математику. Ведь ни линии, ни числа, как факты, не существуют. Невозможно выбросить и самонаблюдение. Возьмите глухонемого с рождения, разве он поймет вас, что значит слышать, раз он никогда не слышал?

И в современной психологии имеется много моментов, которые недостаточно ясны. По совр. психология не предлагает взять субъективный метод в его чистом виде.

А. П. подчеркивает только, что без самонаблюдения не может быть психологии, но должна быть объективация. Влад. Мих. говорит, что психология не может пользоваться генетическим методом. Почему не может? Разве я не могу руководствоваться данными биологии?

Проф. Иваницкий указывает, что в докладах А. П. Нечаева и В. М. Бехтерева мы слышали тезис и антитезис. Синтеза еще не слышали. Это — дело дальнейшего. Далее докладчик считает, что при споре недостаточно ясно разграничиваются термины: субъективный и объективный. И тот и другой термин имеет по два значения. Одно значение: субъективный — связанный с самонаблюдением, объективный — связанный с наблюдением внешнего поведения. Другое значение: субъективный — ненаучный; объективный — доказанный. Субъективная психология может быть совершенно объективной. У нас недостаточно вкоренились принципы философского анализа.

Оппонент предлагает признать заслуги и рефлексологии, изучающей проявления поведения человека, и психологии, изучающей содержание психических явлений. Одного объективного наблюдения недостаточно. Оно должно быть пополнено самонаблюдением. Рефлексология и психология должны составить единую науку.

Академик В. М. Бехтерев считает, что в психометрии нет ничего психологического. Есть лишь реакция на известное раздражение. Когда получается реакция человека на какое-либо раздражение, то психолог скажет, что человек, у которого мы вызвали реакцию, думает. Рефлексолог же скажет только, что у того-то реакция такая-то, у другого — такая-то (больше или меньше), и больше ничего не будет измышлять. А. П. Болтунову докладчик отвечает, что может быть психология дает тонкие анализы психической деятельности, чего не дает рефлексология, но не точные.

Проф. М. Я. Басову Влад. М. Бехтерев указывает: если психолог и изучает внешние проявления, то лишь с тем, чтобы по ним судить о субъективных переживаниях испытуемого. Но, ведь, известно, что одно и то же раздражение у разных субъектов вызывает разные переживания. Переносить переживания одного на другого—это фантазировать. Рефлексологи изучают только внешние проявления. Есть разница людей по разным реакциям. Возьмем, например, корректурный метод. Рефлексолог на основании вычеркивания букв будет лишь утверждать, что такой-то испытуемый делает столько-то ошибок и т. д. Психолог же еще будет говорить, что он исследует внимание субъекта. Нет,—говорит докладчик,—вы воображаете, что исследуете воображение этим методом. Сначала может быть и внимание, а потом автоматизм.

Проф. К. Н. Корнилов. «Диалектический метод в психологии».

К. Н. Корнилов, вопреки основному положению представителей эмпирической психологии, становится на философскую точку зрения, а именно на точку зрения диалектического материализма.

Отдавая дань заслугам представителей эмпирической психологии, многие труды которых являются классическими, докладчик, тем не менее, подчеркивает, что представители эмпирической психологии признают душевные явления, как нечто отличное от физических явлений, что они являются дуалистами, придерживаясь психофизического параллелизма, что они, как стыдливая дева, всегда тяготеют к идеалистической философии. Считая психические явления как нечто отличное от физических, психологи эмпирического направления отрывают одни явления от других. Таким образом, они ставят ставку или на философскую беспринципность или в скрытом виде на идеалистическую психологию.

На более правильном пути, по мнению Корнилова, стоят академики И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, крупные представители рефлексологического направления.

Академик И. П. Павлов (см. особенно его: «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных») придерживается строго объективных методов исследования, как естественник: он является строгим эмпирическим материалистом. Устраняясь от философского подхода к изучаемым явлениям, он в то же время в своем предисловии объясняет исторический процесс человеческим умом—это чисто идеалистический подход. Это—эвклидова философия. Академик И. П. Павлов преклоняется перед естественником—это дань XIX веку. В XX веке, веке громадных социальных потрясений, веке социологии, объяснять изучаемые академиком И. П. Павловым явления одной теорией условных рефлексов невозможно.

У акад. В. М. Бехтерева имеется, как будто, цельная философская система. Критикуя материализм, он выдвигает энергетизм, утверждая, что «кроме энергии, ничего нет, ибо все материальные тела, в конце концов, суть только местные скопления энергии и ничего более» (72 стр. «Общие основы рефлексологии человека»). Энергия есть не что иное, как субстанция метафизиков. Вследствие этого, взгляды В. М. Бехтерева надо признать метафизичными.

Мало того, В. М. Бехтерев утверждает, «что рефлексология, вообще говоря, не исключает никакой вообще гипотезы о сознании и о душе вообще» (60 стр., *ibid*). Раз он мирится с понятием о душе, то может быть он помирится и с эманацией святого духа? задает вопрос докладчик.

К. Н. Корнилов считает подход с точки зрения диалектического материализма весьма плодотворным для психологии.

Но, спрашивает он, применим ли диалектический метод в психологии? И отвечает «да, применим».

Далее он переходит к перечислению 4-х принципов диалектического материализма.

Принципы эти следующие:

Первый принцип непрерывной изменчивости всего сущего. В области педагогики теперь уже твердо установлено, что ребенок не есть в уменьшенном масштабе взрослый человек, а совершенно особое существо, которое, по мере своего роста, изменяется.

Второй принцип всеобщей связи и закономерности. В противоположность Г. П. Зеленому, который утверждал в своем докладе «Исследование и психология», что психические процессы «беспричинны и беспространственны», К. Н. Корнилов утверждает, что в науке нет беспричинных и беспространственных процессов.

Третий принцип, имеющий наибольшее значение, принцип скачкообразности развития с переходом от количества к качеству. Развитие происходит в виде скачков качественных изменений. Известный процесс изменяется сначала количественно до определенного момента, который Гегель называет «узловым пунктом», когда количественное изменение переходит в качественное. Пример: если нагревать лед, то он при известной температуре превратится в воду; дальнейшее нагревание воды до известной температуры превратит ее в пар. То же происходит и с цветовыми ощущениями. Известное колебание волн эфира (395 миллиардов) вызывает у нас ощущение красного цвета; когда колебание волн эфира достигнет 521 миллиарда, то мы получаем ощущение желтого цвета и т. д. То же мы заметим при изучении разностного порога (закон Вебера—Фехнера). Часто бывает достаточно небольшой нагрузки, чтобы произвести качественное изменение ощущения. То же самое замечается и в общественной жизни, на что указал К. Маркс. Часто бывает достаточно какой-нибудь незначительного общественного явления, чтобы произошла революция.

Четвертый принцип—принцип прогрессивного развития, которое подчиняется гегелевской триаде: теза, антитеза и синтез. По отношению к психологии тезой для К. Н. Корнилова является эмпирическая психология, антитезой—рефлексология и синтезом—психология, построенная на диалектическом материализме. Эмпирическая психология забывает социальную сторону при изучении психических явлений, тоже рефлексология И. П. Павлова, отчасти—В. М. Бехтерева, хотя последний уже отводит известную роль социальным явлениям (см. особенно его «Коллективную рефлексологию»).

К. Н. Корнилов считает, что психология, представителем которой он является, есть не что иное, как синтез эмпирической психологии и рефлексологии. Он уверен, что будущая психология будет построена на чисто марксистской основе.

В другом своем докладе «О материалистических исканиях в психологии» и в своих возражениях на положения других докладчиков К. Н. Корнилов сделал ряд дополнений к первому докладу.

Прежде всего он предлагает отбросить «ложный термин—самоаблюдение» и заменить его «методом словесного опроса». По его мнению, рефлексология требует метода словесного отчета, когда утверждает, что не выявлено в словесной или иной форме, не является объективным.

Он утверждает, что психика есть лишь свойство высоко организованной материи.

Далее он считает, что рефлексология с ее претензиями на новую терминологию, является лишь одним из разветвлений единой психологии поведения. Особенно подчеркивает он, что психология является биосоциальной наукой.

Кроме того, он утверждает, что психология, построенная на диалектическом материализме, являясь синтезом эмпирической психологии и рефлексологии, ближе всего стоит к рефлексологии, хотя и эмпирическая психология также дала кое-что для психологии, представителем которой он является.

Наконец, К. Н. Корнилов указал, что все три течения в результате обмена мнений пришли к некоторому соглашению, что, сближение указанных направлений является основным вопросом психологии настоящего времени. Все эти течения должны быть объединены в единую науку о поведении человека.

Педологическая секция.

Подобно тому, как на общих собраниях съезда были выдвинуты основные вопросы современной психологии и рефлексологии, в педологической секции основные вопросы педологии привлекали наибольшее внимание участников съезда. Здесь поставлен ребром вопрос о новой педологии, о важности изучения не только психо-физической организации ребенка, но и о необходимости изучения ребенка, как социального существа. «Социальные раздражители являются доминирующими в генезисе личности и в эволюции человечества, сказал один из членов съезда, т. Куразов. Без учета социальных моментов нельзя подходить к изучению человека и человечества. Игнорирование этого привело к тем ошибкам, в которые впадали при объяснении победоносной эволюции человечества».

Педология до сих пор изучала ребенка, по словам т. Жилиной, вне социальной среды.

Необходимо изучать социальную среду, в которой живет ребенок, как она воздействует на него, с целью выработки методов подхода к ребенку для создания из него сознательного и активного коллективиста.

Данному вопросу был посвящен доклад Л. Б. Залкина: «Дети и современность».

Т. Залкин «поставил вопрос, по словам проф. А. П. Пинкевича, о марксистском пересмотре всей современной педологии».

Современным детям, условиям, в которых живут они, о их настроениях и идеалах в связи с современными социальными условиями был посвящен ряд докладов.

Как выяснилось на съезде, новая педология, рассматривающая ребенка, как био-социальное существо, уже практически приступила к новой постановке вопроса.

Проф. Золотарев и др. изучают социальную среду детей путем анкет. Центральный Педологический Институт в Москве изучает «развитие социального сознания ребенка» по методу психо-генетических записей. Ленинградский Педологический Институт изучает «развитие социального чувства в раннем детстве путем эксперимента» (проф. И. В. Эверетов), «принципы групповой психологии в практике современной школы» изучаются путем эксперимента и наблюдений (Б. Н. Эверетова) и т. д.

Параллельно идет разработка методики исследования психо-физической организации ребенка. Обращено большое внимание на разработку объективных методов исследования ребенка, между прочим на разработку и уточнение методов объективного наблюдения над ребенком (психологическое отделение Ленинградского Педологического Института—проф. М. Я. Басов и его сотрудники):

за методы рефлексологического исследования младенца (младенческое отделение Ленинградского Педологического Института—Н. М. Щелованов и его сотрудники под руководством академика В. М. Бехтерева), на изучение физической стороны ребенка (соматическое отделение Ленинградского Педологического Института под руководством проф. М. Я. Брейтмана; работы А. И. Чулицкой и др.), на разработку методов, с одной стороны, научного изучения детей, с другой—на разработку и упрощение методов исследования детей широкими массами учителя в целях практических (проф. А. С. Дурново (Москва): «Регистрационно-исследовательские цели индивидуальных и групповых дневников», проф. З. К. Столица (Москва) «Метод изучения целостной личности» и т. д.).

Дети и современность.

Что же из себя представляют современные дети, наша революционная современность, в которой живут и развиваются теперь дети?

Наша революционная современность, отвечает Л. Б. Залкинд,— это обнаженный классовый подход, это—трудовые массы у власти, это—апология коллективизма, это—материалистический подход.

Раз так, то каков же должен быть подход к детям? Каковы цели воспитания?

Воспитание, говорит проф. Залкинд, может быть лишь классовым, оно должно быть в интересах широких масс; оно должно готовить коллективистов, материалистов, активных граждан рабоче-крестьянской трудовой республики.

Такова цель воспитания. Целью воспитания определяются и его методы. Раз так, то чистой объективной педагогией не может быть.

Представители старой педологии говорят, что дети—индивидуалисты, что не надо им рано прививать коллективизм, что дети—это прошлое человечества, что они не связаны с общественностью, что современная революционность сугубо вредна детям, что их надо охранять от революционности, что не надо вмешиваться в их естественное развитие и т. д.

Обычно ссылаются на био-генетический закон Геккеля, на основании которого сделано не мало ошибочных выводов в педологии.

Но т. Залкинд утверждает: для того, чтобы био-генетический закон был применен к детям, необходима неизменность среды, в которой они живут.

Лишь естественная среда (климат и пр.) не меняется быстро. Что же касается над-естественной среды (общественной), то она быстро и резко (в иные моменты) меняется. Социальная среда, в которой жил ребенок в 18 веке, совершенно иная по сравнению с социальной средой, в которой жил ребенок 19-го века, в которой живет ребенок 20-го века. Социальная среда меняется не только в городе, но и в деревне. В соответствии с меняющейся социальной средой меняется и ребенок: ребенок 18-го века совершенно не то, что ребенок 19-го века и т. д. Ребенок приспосаблиется к среде, которая во время ее быстрых и резких изменений, в революционные моменты, может даже извращать безусловные рефлексы. Что называется психоневрозами, спрашивает Залкинд? Это—не что иное, как подавление безусловных рефлексов.

Социальная среда окружает ребенка, пропитывает его насквозь. Прежде всего, он живет в семье. Социальная среда окружает его с первых дней жизни. Все его функции пропитаны коллективизмом. Возьмите, например, речь—она социальна. Возьмите кормление матерью ребенка—тоже социальное явление.

Возьмите детское подражание—тоже самое. Только близорукие люди могут утверждать, что ребенок—индивидуалист, что он не связан с общественностью?

И те, которые утверждают, что не надо вмешиваться в естественное развитие детей, разве они не вмешиваются?

Разве не под их религиозным гипнозом живут дети? Разве они не прививают детям нереальной фантазии?

Дети растут под терроризмом взрослых. Взрослые прививают детям религиозное чувство и фантазию не реальную, а ту, которая обозначает бытие от реальности. Такая фантазия, развиваемая сказками, отрывает детей от реальности, делает их индивидуалистами. Сказки имеют антиколлективистический подход. Фантазия должна быть развиваема в коллективной реальности. Разве развитие органов чувств не дает богатую работу для фантазии в коллективистической реальности?

Воспитание в духе коллективизма, материализма, воспитание в духе активности, соответствующее биологической конституции детей, является задачей современного воспитания подрастающего поколения.

Доклад Залкина вызвал оживленные прения.

Тов. Дилина подчеркнула, что т. Залкин своим докладом вводит педологию в цикл общественных наук, что педология до сих пор изучала ребенка индивидуалистически-буржуазной семьи, ребенка индивидуально эгоистического, заискусанного, изолированного от общественности, что мы должны изучать ребенка трудовой семьи в его социальной обстановке со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, что мы должны, наконец, перестать терзать ребенка: жизнь зовет ребенка к общественности, а индивидуалистическая педагогика всеми силами отрывает его от общественности, реализма и коллективизма, вследствие чего наши дети являются «жертвенным элементом» в двойном масштабе: с одной стороны, современная общественность в переходный момент имеет ряд отклонений, в которых трудно разобраться детям, с другой стороны—вредно на детях отзывается разрыв педагогики с жизнью.

Доклад т. Залкина, по словам т. Дилиной, заостряет все большие вопросы и может быть, как и большинство докладов съезда, введет педологию и педагогику в круг общественных наук.

Проф. А. П. Пинкевич считает, что доклад Залкина должен послужить исходным пунктом для широкой дискуссии по вопросу о новой педологии.

Тов. Куратов задает вопрос: в чем разгадка победоносного развития человечества? Одни говорят, что человек обязан своим развитием руке, другим мозгу, третьи вертикальному положению и т. д. Только в социальной деятельности человека, говорит он, надо искать разгадку победоносного развития человечества.

Удлинение периода детства у человечества, являющееся могущественным фактором в развитии человечества, по словам Н. М. Щелованова, стало возможным лишь при социальной деятельности человека.

С отрицательным отношением к био-генетическому закону в применении к изучению детства согласились выступавшие оппоненты: Н. М. Щелованов назвал этот закон чистой спекуляцией, проф. А. П. Пинкевич—сплошной метафизикой, акад. В. М. Бехтерев считает, что био-генетический закон, перехваченный педологами чисто теоретически, без проверки, принес вред.

Академик В. М. Бехтерев полагает, что ребенок—социальное существо, что у ребенка доминанта социальности подавляет биологические запросы.

что социальность лежит в основе развития личности, что религиозность—условный рефлекс, что от природы религия не дается, что индивидуализм вреден, ибо индивидуалистическое развитие есть результат разброда человечества в настоящее время, что развитие коллективизма дает сублимацию при половых извращениях детей, что развитие социальности и навыков к труду—во основа воспитания.

Т. Дилина считает съезд историческим, т. е. участники его отказались от ряда положений, которые не давали возможности подойти к ребенку с точки зрения коллективизма и материализма.

Если в докладе т. Замлинда мы имели теоретические обоснования необходимости построения новой педологии, изучающей ребенка как био-социальное существо, то следующие докладчики нарисовали конкретную картину: что же из себя представляет современный ребенок, в какой социальной среде он живет?

Последний вопрос ярко освещен в докладе проф. Золотарева на тему: «Психологические типы в условиях современной школы». Он остановил внимание на той биологической и социальной базе, на которой выросло современное поколение детей.

Материалом для доклада послужили анкеты (свыше 1000), собранные им в течение 5 лет, письма, дневники и др. материалы, собранные в современной школе.

Прежде всего проф. Золотарев останавливается на вопросе: что из себя представляют родители современных детей? Что они пережили? За последние 20 лет Россия пережила Японскую войну (1904 г.), 1905-й г., 1914 г., февральскую и октябрьскую революции (1917 г.), гражданскую войну.

Каждая война выхватила наиболее активных, более сильные или погибли или искалечены, а слабые остались плодиться и множиться, не сильные, а инвалиды стали триумфаторами.

И вот эти-то выжившие слабые элементы стали родителями современного поколения детей, которые уже в своих родителях понесли ущерб, имея нездоровую биологическую основу, это—с одной стороны.

С другой стороны—дети родились и выросли в обстановке империалистической и гражданской войн, в обстановке эпидемий, голодовки и холода, которые не могли не отразиться крайне пагубно на всей их организации.

И, действительно, материалы, собранные Золотаревым, по его словам, производят потрясающее впечатление.

Громадная смертность. Кто пропал без вести, кто погиб случайно, кто умер от голода, кто покончил самоубийством и т. д.; найдется редкая семья, которая не понесла бы того или иного ущерба.

Все эти ужасы жизни оставили неизгладимый след на современных детях. Результаты плохой наследственности и социальных потрясений дети принесли и в школу.

Школьные работники констатируют факт, что там, где надо смеяться, некоторые дети чуть не плачут. Болезненность среди школьников громадна. Масса малокровных. В сильной степени замечается расстройство речи у детей; говорят, как иностранцы, замечается вялость, лень из чувства самосохранения. Дети не дописывают слова. Замечается слабая восприимчивость детей, большое желание идти по линии наименьшего сопротивления, обилие у взрослых и детей вдержавшихся (при голосовании).

Влияние холода, во время которого, по меткому выражению Короленко, «совесть мерзнет», не могло вредно не отразиться на детях. В классе, в котором холодно, не может быть тонких мыслей, тонких движений. Разные гнусности можно услышать из уст ребенка.

Условия тьмы, в которых пришлось быть детям, также сказались. Замечается состояние общей сонливости, невнимания.

Крайняя нервность детей. Достаточно какого-либо неожиданного звука, чтобы некоторые дети заплакали, раздражались.

Необходимо оказать серьезную помощь детям. Резкие переходы в семье от богатства к бедности и наоборот—все это для многих детей оказалось пагубным.

А исчезновение книги! А совместное обучение! А религиозная рознь в семье! А политическая рознь! Один член семьи является революционером, другой контр-революционером.

В результате противоречий, которые переживают современные дети, многие из них калечатся.

В заключение, на основании имеющегося в распоряжении докладчика материала, им устанавливаются следующие типы современных детей:

- 1) Слабый; консерватор. Усталый. Потерянный человек.
- 2) Равнодушный: ни в одну струю не может влиться всей душой. Он всегда и на Антона и на Онуфрия.
- 3) Здоровый. Обычно практик, с хозяйственными склонностями. Сильный. На этом типе мы, быть может, испытаем те великие потрясения, которые перенесли.

4) Овобленный. Самоуглубленный и

5) Оптимист: во что бы то ни стало, его надо беречь.

Профессор Д. И. А в б у к и н познакомил с результатами анкеты в школах 1 и 2 ступени Орловской губернии в начале революции. (См. «Психология школьников в начале Октябрьской революции» в № 3 «Педологического Журнала»).

Г. В а с и л е й с к и й познакомил с идеалами детей, по данным анкеты в Самаре. Анкета относится к 1919—22 г. Собрано более тысячи листов. Отметим лишь некоторые особенности: анкета была проведена как среди школьников, так и среди дошкольников. У дошкольников анкета проводилась руководителями по принципу естественного эксперимента, и ответы детей записывались самими руководителями. Исследовались идеалы детей. Интересны вопросы: что тебе нравится в современной России, что не нравится; если бы тебе не удалось быть тем, кем ты хочешь, то кем бы ты еще хотел быть; что бы ты сделал, если бы имел большую власть и т. д. Почему? Многие дети отвечали, что им нравится в современной России: питание (анкета проводилась в голодное время, когда в школах были бесплатные завтраки, когда в детских домах на питание детей было обращено большое внимание), другие отвечали—«свобода» (50%), третьи—советский строй (30%) и т. д.

Чем моложе были дети, тем ответы их были более оптимистичными.

Не нравилось детям: голод (31% дев. и 27% мальчиков), смерть и т. п. Были указания и на людоедство.

Что бы сделали дети, если бы имели власть? Вот их ответы: «Принес бы счастье своему народу», «наладил бы питание», «хозяйство» и т. д. А один пишет: «Я бы наслаждался властью, приказывал, уничтожал бы города». 1/2% не хотели иметь никакой власти.

Анкета Выготского («Результаты анкеты о настроениях учащихся в условиях современной школы»), проведенная в Гомельских школах, выяснила с большою наглядностью те противоречия, которые имеются в современной семье: в то время как старое поколение в значительной степени осталось при прежних своих идеалах, у нового поколения заметен сильный сдвиг, вызванный революцией. Красной нитью в анкетах проходит указание на столкновение двух поколений в вопросах религиозных и политических. Кроме того, анкета констатирует асимметрию психики многих учащихся, неуравновешенность их.

Типичной особенностью анкеты Выготского является вопрос, насколько искренно вы ответили на анкету. Но этот вопрос в 80% остался без ответа.

Доклады, особенно доклад Золотарева, вызвали оживленные прения. Возник вопрос, соответствует ли действительности мрачная картина, нарисованная проф. Золотаревым? Действительно ли после великих потрясений в России выжили лишь слабые элементы—родители современных детей? Действительно ли дети пассивны, неуравновешенны и т. д.?

К сожалению, данные вопросы с'ездом были лишь поставлены, но не рассмотрены и не разрешены за краткостью времени. Они требуют дальнейшей разработки.

Тов. Л и л и н а, возражая г. Золотареву, отметила, что материал, приведенный им в докладе до того кошмарен, что приходится только спросить: а где же выход? Она думает, что докладчик не усмотрел того большого движения, которое происходит и в стенах и за стенами школы. Он не усмотрел пионерского, комсомольского движения, не учел количества кружков учащихся, количества собраний, ими устраиваемых. Положение безнадежно. Дети активны, надо только видеть активность детей, подхватывать и направлять ее. Дети начинают жить и живут новою активною жизнью.

К мнению г. Лилиной присоединился Ю. П и н у с, который указал, что фактически теперь слишком много проявляется активности, подчас даже болезненности, среди детей. И задачей педагогов в настоящее время является бороться с излишней нагрузкой школьной работы детей, которые теперь страдают, во вред здоровью, гнать упущенное время.

Тов. Стрешковский подчеркнул, что у современных детей нарушена, как психика, так и физика; необходимо врачам и педагогам общими усилиями оказывать детям поддержку.

Тов. Золотарев в своем ответном слове сказал, что он не безнадежно смотрит на положение молодежи, он только констатирует факты с целью направить усилия на борьбу с теми печальными явлениями, которые он констатировал.

Методу анкеты, который был использован рядом докладчиков с целью изучения ребенка, как социального существа, был посвящен доклад М. С. Бернштейна: «Метод био-генетических монографий». (См. статью М. С. Бернштейна. «Метод анкеты» в сборнике статей «Методы изучения ребенка». Орел, 1923 г.).

Из других докладов необходимо отметить: «Развитие социального сознания ребенка» (доклад И. Н. Дьякова) и «Развитие социального чувства у детей» (доклад И. В. Эвергетова).

И. Н. Дьяков для изучения развития «социального сознания» ребенка прибег к «методу психо-генетических записей» с первого дня рождения ребенка и далее. Этот метод не является новым. Интересным представляется указание И. Н. Дьякова, во-первых, на необходимость создания «коллективной педологии» и, во-вторых, на использование указанного метода с целью изучения «социального сознания» ребенка. Как известно, до сих пор педология является в значительной степени индивидуалистической. На ребенка, как на социальное существо, на то, как в нем развиваются «социальные чувства», «социальное сознание», «коллективные рефлексы» обращалось мало внимания. На основании «психо-генетических записей» И. Н. Дьяков делает попытку набросать схему развития у ребенка «социального сознания». Педологией уже установлено, что ребенок рождается почти слепым и глухим: высшие психические функции у него отсутствуют; только низшие органы чувств отличаются исключительной чуткостью (у него констатируется «пищевая доминанта» и «доминанта от смены положения», по терминологии акад. В. М. Бехтерева). Спрашивается, когда возникает у ребенка, являющегося при рождении «спинно-мозговым существом», социальная ориентировка?

Самую раннюю стадию «социального сознания» ребенка докладчик называет «воспринимающей», появляющейся у ребенка в первый год его существования. Ребенок начинает проявлять любопытство, интерес к окружающему (по схеме акад. В. М. Бехтерева, уже к третьей неделе у ребенка возникает «доминанта со зрения и слуха»). Затем ребенок начинает мало-по-малу различать предметы: одни движутся, другие нет, одни для него безобидны, другие небезобидны и т. д.

Эта стадия, по словам докладчика, носит до-социальный характер.

Лишь на втором году жизни у ребенка происходит переход от наблюдения и созерцания к воспроизведению (вторая стадия); ребенок является уже не импульсивным существом; он занят самоупражнением, экспериментированием. Ребенок иногда производит жестокие эксперименты. Часто ревет с тем, чтобы видеть, какое влияние производит на окружающих его плач.

В третьей стадии развития социальная ориентировка у ребенка становится более заметной. Ребенок уже не только различает разные предметы и существа, но уже их впервые классифицирует. Классификация его, конечно, примитивна, по признаку безобидности. На основании этой классификации, он считает, что возможно над младшим братишкой экспериментировать—побить его и т. д.; не то отношение к старшим—отцу и т. д. Здесь уже безнаказанного экспериментирования быть не может. В то время, как ребенок этой стадии развития не прочь экспериментировать над детьми младшего возраста, по отношению к старшим у него развивается сильное подражание. Например, подражая отцу, ребенок задает вопрос своей матери: «Ну, а обед готов?» Тому, что делают, о чем говорят взрослые он придает универсальное значение. Часто делает на основании какого-либо факта абсолютные обобщения. Например, ребенок, услышав у отца выражение «нельзя же насильно», когда мать утирала ему нос, протестовал: «нельзя же насильно» и т. д. В этот период времени ребенок является уже вполне социальным существом. Он требует коллективного признания его «я», его личности. Если он что-либо сделает, то требует одобрения окружающих.

Такова в общих чертах схема развития «социального сознания» ребенка, представленная И. Н. Дьяковым на основании изучения ребенка методом «психо-генетических» записей.

Рефлексология также обращает громадное внимание на изучение не только биологической стороны ребенка, но и социальной. В настоящее время идет интенсивная работа в младенческом отделении Ленинградского Педологического Института по изучению пока младенцев—от рождения и до годовалого возраста—путем тщательного наблюдения и эксперимента.

И. В. Эвергетов выступил с докладом: «Социальное чувство в раннем детстве», в котором изложил результаты работы отдела экспериментальной педагогики Ленинградского Педологического Института по изучению «социального чувства» у детей в раннем возрасте.

Задачей исследований было выяснить, в каких формах проявляется социальное чувство у детей от 3—7 лет, возможно ли воспитание социального чувства детям этого возраста и, если возможно, то как.

Как же возможно изучать «социальное чувство» у детей? Во-первых, при помощи наблюдения и, во-вторых, при помощи эксперимента. Наблюдение дает очень многое, но его недостаточно.

Возникла мысль о применении эксперимента для изучения данного вопроса. Было обращено внимание на создание подходящих условий, чтобы дети могли проявить «социальное чувство». Говоря о «социальном чувстве», докладчик подчеркивал неопределенность, неточность этого термина. Вокруг вопроса: «Что такое социальное чувство» идут бесконечные споры, которые

до сих пор не закончены. Пользоваться указанным термином приходится лишь потому, что другого, общепризнанного термина еще не существует.

При выработке методики исследования «социального чувства» было обращено внимание на то, что ребенок является «действующим существом», но он нуждается не только в движении, а и в творчестве, что он в то же время «творящее существо».

Для опытов были взяты дошкольники из опытного интерната Педологического Института и из других дошкольных учреждений от 3 л. 3 м. до 7 л. 8 м., при чем, в соответствии с возрастом, они были разбиты на группы.

Надо было предложить детям наиболее доступный материал. Таким доступным материалом была признана сказка, «Зимовье зверей» в которой действующими лицами были животные. Сказка детям читалась, при чем детям показывались профильные изображения соответствующих зверей на подставках с колесиками. Т. об., сказка сопровождалась наглядными представлениями. Чтобы привлечь внимание детей к движению, действию зверей, слова, обозначающие движение (например: «пошел»), подчеркивались особым ударением. Предполагалось, что дети, выслушавши сказку и просмотрев показанные изображения, продраматируют сказку. Кроме профилей зверей, детям был предоставлен в огромном количестве строительный материал с тем, чтобы дети могли соорудить зимовье зверей. С целью вызвать коллективную работу детей, некоторый строительный материал (доски) был такого веса, что дети им могли воспользоваться лишь при условии совместной работы.

Цель опытов была выяснить, насколько дети способны к деятельности, насколько они могут осознать необходимость коллективной работы для общего дела.

В старшей группе опыт не удался, т. к. дети знали сказку. Они великомерно проиграли сказку, т. к. у них была уже выучка.

Когда опыт был проделан над детьми младшими, то вместо того, чтобы драматизировать сказку, дети (их было 5 человек) взяли профили зверей на колесиках и начали их катать. Комната была громадная, во время опыта разгорожена скамьями. Дети сдвинули скамьи и принялись катать профили зверей, делая правильные круговые движения, не мешая друг другу, не сталкиваясь друг с другом.

Отсюда ясно было, что сказка, как словесный раздражитель, для детей этого возраста недостаточна. По прочтении ее, они совершенно ее игнорировали, удовлетворяя свой «двигательный голод». В этом опыте крайне интересным явлением были те круговые движения, которые дети без всякой выучки и сговоренности начали проделывать в течение 45 м.—1 часа.

Во время следующих опытов сказка была сокращена и при чтении особенно подчеркивалось то, что звери решили жить вместе и для этого стали строить дом. При этом один раз был поставлен шкаф без дверей, а в другой—ширма, чтобы дети могли приступить к сооружению жилья. Но и теперь сказка, как словесный раздражитель, оказалась недостаточной. Дети, увидя шкаф, закричали: «кошкин дом» (видели в театре юных зрителей) и снова «зимовье зверей» забыто. В другой раз, по прочтении сказки, дети, видя ширму, воскликнули «это дом» и начали играть, как они встают, умываются и т. д. Опять сказка забыта.

Т. об., было установлено, что для стимулирования у дошкольников объединенных действий литературный материал является недостаточным.

Какой же избрать стимул, который вызвал бы у детей реакцию объединенных действий?

Был сконструирован поезд с паровозом и 10-ю вагонами большого размера; ненагруженный поезд 7-летний ребенок может тащить лишь с известными усилиями. Поезд легко разбирается, вагоны прицепляются друг к

другу. Вагоны могут быть нагружаемы. Идея такова: во-первых, чтобы дети могли свободно разбирать поезд для разрозненных действий и, во-вторых, чтобы могли собирать поезд, как нечто единое, для объединенных действий.

Обычно вначале бывают разрозненные действия, которые в зависимости от состава группы, от возраста детей, от стимулов, продолжаются иногда короткое время, иногда долго.

В качестве примера можно указать на нижеследующий стимул, толкнувший детей на объединенные действия.

Один раз дети были заняты каждый своим делом. Вдруг у паровоза соскочило колесо. Этого было достаточно, чтобы все дети объединились на одной мысли исправить колесо. Каждый давал свой совет. Кто тащил клещи, кто молоток. В конце концов дети общими усилиями исправили паровоз.

Объединенные действия детей, как и разединенные, иногда быстро превращаются, иногда бывают продолжительными.

Работу над изучением «социального чувства» докладчица считает несущей еще предварительный характер.

При записи все внимание устремляется на ее объективность. В запись записываются следующие моменты объединенных действий: стимул, действие, разрыв действия, длительность действий, распад и стимул распада. Настоящая схема не является еще окончательной, так как в данное время методика постановки указанного опыта еще не окончательно выработана.

Принципы групповой психологии в современной школе.

Если изучение «социального чувства» и «социального сознания» у дошкольников и младенцев имеет громадное значение, то изучение «групповой психологии в современной школе» имеет не меньшее значение. Этот вопрос, совершенно еще не затронутый литературой, взяла предметом своего изучения Е. Н. Звергетова.

Докладчица подчеркнула, что еще недавно, до революции, в так называемых «новых школах» (теперь уже «старых») центром внимания было изучение индивидуальности учащегося. Принимались во внимание не общие интересы, а отдельных учащихся: личность учащегося доминировала. Конечно, изучение индивидуальности каждого учащегося необходимо, оно имеет громадное значение, но оно должно быть пополнено изучением групповой психологии. Необходимо использовать накопленный материал о каждом учащемся не только с точки зрения личности, но в интересах целого, в интересах коллектива.

При изучении групповой психологии докладчица прибегла к методу наблюдения педагогов, к анкетному методу и к лабораторному исследованию детей по методу, разработанному слушателями Педагогической Академии. За исходный пункт был принят «метод единого процесса» проф. А. П. Нечаева.

Все эти обследования, потребовавшие громадных усилий, дали яркую картину психики не только отдельного учащегося, но и всего класса, и послужили прекрасным материалом для более целесообразного педагогического воздействия на учащихся.

Изучение физической организации ребенка.

Проф. М. С. Масловым был представлен доклад о значении конституциональных моментов в деле изучения ребенка и д-ром И. М. Левинсоном — «Об антропометрических особенностях современного детства». Оба эти доклада напечатаны в настоящем номере «Педологического журнала».

Из других докладов на эту тему был зачитан ряд докладов проф. М. Я. Брейтмана.

М. Я. Брейтман дает свой «новый канон»-«стандарт».

В литературе докладчик нашел указание на 115 канонов, выработанных за многие века целым рядом лиц.

Все они исходили из естествознания, но, к сожалению, из совершенно невыполнимого задания—свести все размеры человеческого тела к числам, кратным одной какой-н. величине, называемой модулем (единицей измерения), например, египтяне—к длине среднего пальца левой руки ($1/19$ часть роста, греческий скульптор Поликлет—к длине ладони или подошвы, Леонардо де-Винчи—к $1/24$ части длины тела и т. д.

Исходная точка всех упомянутых выше канонов, их модуль, случаен и произволен, что лучше всего доказывается пестрым разнообразием всех этих модулей.

Если сопоставить все модули в таблицу, то замечаются только противоречия, а совпадение наблюдается крайне редко, да и то случайно. На практике применение их крайне сложно, а подчас и невыполнимо. Так, только для черепа Тёрек рекомендует 5371 линейных измерений, 1425 угловых и около 25000 соотношений между ними.

Антропологи, врачи и т. д. собрали огромнейший статистический материал по антропометрии. К сожалению, методы собирания его были крайне разнородны и, кроме того, при исследовании не обращалось внимания на тот или иной тип исследуемого лица (один тип может резко отличаться от другого, и всякое измерение может иметь цену лишь постольку, поскольку известно, с каким типом мы имеем дело).

Собранные до сих пор данные в значительной мере утрачивают свою ценность потому, что они не имеют внутренней связи и дают мало данных для систематического анализа. Если, тем не менее, таким гениальным людям, как Кювье, удавалось по одной кости реконструировать весь скелет животного, не имея в руках той аналитико-синтетической системы, которую предлагает докладчик в своем каноне, то, по словам докладчика, тем легче это теперь и, как он надеется, пользование его способом откроет обширное поле для систематического аналитико-синтетического изучения взаимоотношений между всеми частями человеческого тела.

Исходною точкою своих изысканий докладчик взял геометрические взаимоотношения между важнейшими точками человеческого тела.

Благодаря тому, что линии, соединяющие эти точки, хотя и были изображаемы прежними исследователями (например Шмидтом и Фритшем, из канона которых исходит докладчик), но были лишены внутренней связи, не было возможности их аналитического изучения. Рисунки Шмидта и Фритша докладчик дополняет («геометрическое дополнение») так называемым «подземным корнем человека», являющимся «душой» канона.

У Шмидта и Фритша линии, проведенные от сосков через коленные суставы, доходя до земли, не сходятся, образуя «усеченный треугольник», если так можно выразиться. М. Я. Брейтман продолжает эти линии ниже подошвы ступни, под землю, вплоть до их схождения—получается треугольник; треугольник, образующийся ниже подошвы ступни, докладчик называет «подземным корнем».

«Подземный корень» можно разбить на 2 подобных треугольника, опустивши вертикальную линию со середины расстояния двух углов, лежащих «на земле», к углу, лежащему «под землей».

По словам проф. М. Я. Брейтмана, только «подземный корень», а не какой-нибудь другой произвольный модуль определяет все размеры человеческого тела и стоит в тесной связи со всеми условиями его статистического и динамического равновесия.

На основании геометрического анализа, «стандарта» докладчика, последним строятся формулы, имеющие силу для всех людей, т. е. для обоих полов, для любого возраста, для любой расы, для любой конституциональной или патологической аномалии без исключения.

При обычных статистических методах при установлении средних цифр для пропорции человеческого тела никак нельзя сохранить в них каких-либо указаний на взаимоотношение отдельных размеров и потому неизбежно прихотится исходить из геометрической средней (из «средней схемы», «шаблона» «стандарта» или «канона»).

М. Я. Брейтман предлагает, на основании своих исследований, наиболее «простой и гармонический канон» для фронтальных пропорций (en face) мужского и женского пола и любого возраста.

При исследовании правильно, гармонично сложенных людей любого возраста оказалось, что длина подземного корня имеет определенное отношение к длине всего тела. Так, у взрослого человека длина подземного корня равна $\frac{1}{4}$, а у новорожденного— $\frac{1}{2}$ длины тела; во всех остальных возрастах эта длина постепенно уменьшается от цифры, равной $\frac{1}{2}$ длины тела до размеров $\frac{1}{4}$ тела. Отношение длины подземного корня к длине всего тела постоянно только для каждого возраста в отдельности, но не для всех возрастов без различия.

Иное дело—отношение длины подземного корня к длине головы: у всех людей, всех возрастов и типов, при правильных гармонических пропорциях, длина подземного корня равна двойной высоте головы (от темени до подбородка).

М. Я. Брейтман приводит ряд правил и формул, которые точно, математически, устанавливают соотношения отдельных частей человеческого тела разных возрастов и обоих полов, при чем он констатирует, что вся длина тела делится на 2 отдела: 1) позвоночный или спондилический (от нижнего края носа до паховой линии), равный у мужчин 40% роста, а у женщин 41% и 2) внепозвоночный или экзоспондилический (верхнее лицо + бедро + голень + высота стопы), равный у мужчин 60% роста, а у женщин 59%.

Отдельные части позвоночного отдела по отношению к росту—величины постоянные у нормальных людей разных возрастов и обоих полов, если их выражать в процентах, а не в абсолютных цифрах. Отдельные же части внепозвоночного отдела—величины переменные (и в процентах к росту тела и в абсолютных цифрах) в зависимости от возраста.

У взрослых высоких людей голова составляет большую часть $\frac{1}{8}$ длины тела, т. е. у них длина тела в 8 раз больше высоты головы, у людей среднего роста—7,5 высот головы в длине тела, у людей низкого роста—7 голов. У новорожденного число голов (высот головы) в длине тела вдвое меньше, чем у взрослого того же типа: для высокого роста 4 высоты головы, для среднего 3,75, для низкого 3,5. Во всех остальных возрастах отношение головы к росту приближается к норме, указанной для взрослого человека.

Чем выше верхнее лицо, тем короче ноги.

Высота нижнего лица и высота голеностопного сустава над уровнем земли всегда равны друг другу.

Т. е. пропорции головы одинаковы у мужчин и женщин, а внеочечные части у женщины меньше на 1%, чем у мужчины, то женские ноги ниже мужских на 1%.

Орторентгенограммы сердца показали, что трем основным нормальным типам (высокому, среднему и низкому) соответствуют и 3 различных контура сердца и аорты, при чем наибольший индекс соответствует и длиннолинейной, т. е. длинной и узкой, а наименьший — коротколинейной, т. е. короткой и пировой форме сердца.

Это сопоставление прекрасно показывает, какая тесная связь существует между размерами тела и развитием внутренних органов.

Кроме того, М. Я. Брейтман указывает, что, например, положение пупка или ненормально высокое или ненормально низкое, стоит в тесной связи с конституционными аномалиями и расстройствами внутренней секреции.

Докладчик подчеркивает важность изложенного им метода для школьно-гигиенических исследований, особенно для определения размеров парт, для наблюдения за физическим воспитанием и влиянием на организм различных видов спорта, для оценки различных гимнастических систем и пр.

Объективное наблюдение.

Параллельно с изучением ребенка, как социального существа, идет разработка методики исследования психо-физической организации ребенка.

Проф. М. Я. Басов и его сотрудники по Ленинградскому Педологическому Институту выступили с рядом докладов о методе объективного наблюдения.

В докладах М. Я. Басова (См. проф. М. Я. Басова: «Опыт методики психологических наблюдений и ее применение к детям дошкольного возраста»: Госиздат, 1923 г.) и его сотрудников обращает внимание, по справедливому замечанию проф. И. В. Эвергетова, «отшлифовка метода наблюдения». Точности записей, их фотографичности, их объективности придается первостепенное значение. Вырабатывается тонкая техника записей. Обращается громадное значение на культуру наблюдателей, на их тренировку. Записи ведутся объективно, без всякого внесения субъективизма, по точно установленной схеме. Обращается внимание, с одной стороны, на организацию наблюдений, с другой — на обработку наблюдений.

Конечно, такой «отшлифованный метод наблюдения» доступен не всякому педагогу; необходима известная выучка. Для научных же работ такой строго объективный метод является необходимостью.

Но если метод объективного наблюдения пока еще не является доступным педагогическим массам, то в будущем, по мнению проф. М. Я. Басова, несомненно, по мере того, как в педагогических учебных заведениях будет даваться соответствующая подготовка, указанный метод будет иметь более широкое употребление.

При этом надо заметить, что при продолжающейся разработке метода, обращается внимание не только на его уточнение, но и на упрощение.

Перенесение психологических наблюдений, научно-поставленных, в гущу школьных и дошкольных учреждений является необходимостью, т. е. педагогическая работа без науки, по выражению М. Я. Басова, слепая работа.

Необходимо культивировать педагогов-исследователей, тем более, что педагог все время находится в условиях экспериментирования.

Вот почему попытка обоснования метода объективного наблюдения имеет громадное и теоретическое и практическое значение.

Доклады, в которых выявляются попытки упростить методы изучения ребенка, сделать их доступными широким массам учительства, были следующие: А. С. Дурново «Регистрационно-исследовательские цели индивидуальных и групповых дневников», З. К. Столица: «Метод изучения целостной личности», А. П. Болтунов: «Педагогическая характеристика ребенка».

Проф. А. С. Дурново указывает на то, что много говорят о необходимости строить воспитание на психо-физическом развитии ребенка, но, к сожалению, реализации такого пожелания не видно. Говорят об утончении наблюдательности, об объективности наблюдений, т. к. педагог без утонченной наблюдательности не может быть настоящим педагогом, но до сих пор педагоги, имеющие успех, имеют большую часть лишь интуитивный подход.

Сложные схемы неприменимы. Теперь можно встретить много разочарованных педагогов, которые смотрят на ведение дневников, как на растрату сил. Если взять напечатанные дневники, то и они дают очень мало для изучения психологии ребенка. В них много субъективизма.

Интересна одна из попыток ведения дневников и характеристик, с которой познакомил аудиторию докладчик. Прежде всего, была набросана схема, но вскоре она оказалась сложной. После длинных исканий инициаторы указанной попытки пришли к следующему выводу:

1) Построение воспитательной работы на педологических основаниях может быть организовано лишь при условии, если педагог будет поставлен в необходимость регистрировать свои наблюдения над ходом психо-физического развития ребенка и над типичными проявлениями его личности и особенностями его поведения.

2) Наиболее практичным разрешением этого вопроса является ведение педагогами индивидуальных и групповых дневников.

3) Для обеспечения успеха этого начинания следует остановиться на такой схеме дневников, которая преследовала бы не чисто-исследовательские задачи, а главным образом цели педагогические: учет педагогических подходов, применяемых к различным детям и их группам, учет реакций детей на эти подходы учет обнаруженных типичных проявлений личности ребенка, поскольку это, может быть выявлено в педагогической работе и т. д. Схема дневника, построенного по этому типу, должна быть проста по форме, компактна по содержанию, ясна в отношении однородного понимания поставленных вопросов. Наряду с этим, схема должна направлять пытливую мысль педагога в сторону критического отношения к квалификации отдельных сторон поведения каждого ребенка и детского коллектива и к тем педагогическим подходам, которые применяются педагогом к индивидуумам и к детскому коллективу.

4) При подобной конструкции индивидуальных и групповых дневников каждый педагог, вдумчиво относящийся к своему делу, в процессе своей работы постепенно будет вырабатывать в себе объективного наблюдателя детской жизни и постепенно будет приближаться к такой организации своей работы, которая будет базироваться, главным образом, на объективном изучении ребенка, а не на одной лишь интуиции, эмпиризме, или методических предначертаниях теории и априорных данных.

5) Для того, чтобы подобный подход к делу ведения дневников не выродился в беспорядочные записи случайных наблюдений и впечатлений, необходимо, чтобы это дело регулировалось к. л. местным организационным центром, ближайшим образом заинтересованным в деле изучения ребенка и не оторванного от практических задач воспитания. Таким центром могут

быть организуемые на местах педологические кабинеты и педологи-консультанты отделов народного образования и здравоохранения.

Необходимо резко разграничивать исследовательские цели, которыми рядовое учительство не имеет возможности задаваться, и цели повседневного наблюдения, преследующие учет педагогических подходов.

Кроме того, он указывает, что педагоги, организующие и производящие наблюдения над детьми, обыкновенно страдают психологизмом, считая, что учет конституции ребенка, влияния на него наследственности, внутренней сдержки и болезненности является монополией врача. Что же касается врача, то он при громадном количестве приходящихся на него детей, являясь в школу лишь с налету, конечно, не может без помощи педагогов произвести физического обследования. Обычно педагоги не дают ему никакого материала в отношении физического развития детей. Необходима совместная работа педагога и врача, необходимо, чтобы педагоги обращали внимание не только на психологическую сторону детей, но и на их физическое состояние.

Докладчик рекомендует педагогу, приступающему к ведению дневника, прежде всего обращать внимание на дифференциацию детей, на подмечение прежде всего тех черт, которые отличают одного ребенка от другого. Делая к детям известный подход, педагог должен учитывать реакции детей на этот подход, обнаруживать типичные проявления личности ребенка. Приглядываясь к реакциям детей, записывая эти реакции, педагог мало-помалу получает нечто типичное для данной личности, нечто типичное и для всей группы.

Педагог должен записывать только факты, ни в каком случае не должен стремиться проникнуть в область субъективных переживаний детей. Записывая факты, педагог прежде всего должен обращать внимание на связь явлений, на происхождение фактов, а потом уже истолковывать факты.

Докладчик советует отмечать в 1-ой графе дневника типические особенности ребенка. Здесь отмечаются только факты. Во 2-й графе истолковываются факты. В 3-ей графе отмечается педагогический подход.

З. К. Столица в своем докладе на указанную тему говорит, что в основе изучения ребенка должно лежать не расчленение психической жизни ребенка на ее элементы, а изучение целостной личности ребенка, целостных проявлений его, его поведения. (См. «Методы и практика изучения ребенка», напечатан в сборнике «Как изучать дошкольника»; Орел, 1923 г.).

Н. М. Щелованов подчеркивает многообразие схем изучения ребенка у психологов, на подход с готовой схемой, которая вытекает из психологии взрослого, указывает, что каждая проблема должна быть прорабатываема после предварительной эмпирической ориентировки, что схема З. К. Столицы не дает возможности проследить генезиса ребенка.

М. Я. Басов, отвечая на замечания Н. М. Щелованова, замечает, что если говорить о разногласиях, то надо говорить о разногласиях рефлексологов—что у одного рефлексолога называется торможением, у другого—рас-
тормаживанием.

К. Н. Корнилов выступает в защиту аналитического метода изучения ребенка. Он называет метод целостного изучения личности носящим мистический характер, при этом методе подход художественный, построенный на интуиции, а не научный. Наука начинается с анализа явлений, а потом переходит к синтезу. Если взять схему Столицы—настроение, интерес, активность (движение), то все равно эти рубрики придется анализировать, в чем проявляется интерес и т. д.

Докладчица, подчеркивая важность иметь схему при изучении ребенка, указывает, что она целостность личности понимает не в каком-то мистическом смысле, а как постоянное объединение проявлений поведения ребенка.

А. П. Болтунов в своем докладе «Педагогическая характеристика ребенка» подходит к характеристике ребенка, преследуя педагогические цели. Он дает следующую схему при составлении характеристики ребенка: 1-е, активность, широта активности; 2-е, источники активности; 3-е, сила активности; 4-е, сознательность; 5-е, самостоятельность; 6-е, общественность — основное требование нашей жизни и 6-е, эстетизм.

Кроме труда, необходимо отмечать личное удовлетворение ребенка тем или иным, элемент наслаждения.

По вопросам об организации наблюдений над детьми, ведения дневников и составления характеристик, доклады не дали практическому работнику чего-либо реального, вполне применимого к практике, тем не менее уже одно то, что над данными вопросами работает целый ряд научных учреждений (Москов. и Ленинград. Педагогические Ин-ты, Ленингр. дошк. Ин-т и пр.) является хорошим симптомом. Теперь уже не только признана необходимость разработки этих вопросов, но и практически приступлено к указанной разработке.

Резолюции, принятые съездом.

От организационного комитета.

Заслушав серию докладов Л. Б. Залкинда, представляющих собою последовательный социологический анализ ряда неврологических, психопатологических и педологических проблем в свете революционной общественности, — съезд приветствует этот подход к основным вопросам психоневрологии. Вместе с тем съезд подчеркивает, что условия жизни в СССР теперь таковы, что ряд важнейших психоневрологических проблем может быть впервые действительно объективно научно освещен с социологической и классовой точки зрения. Одновременно съезд находит, что в росте экономического улучшения СССР, условия развивающейся революционной советской общественности обеспечивают наилучшую атмосферу для предупреждения и лечения нервно-психических заболеваний, как мирного, так и военного времени, а также для педагогической работы, теоретической и практической.

От объединенной секции по рефлексологии, психологии и педологии.

1-я резолюция. Признать необходимым ввести в преподавание в трудовых школах и в высших учебных заведениях СССР, как самостоятельный предмет, науку о поведении животных и человека в объективном изучении естественных наук, основным содержанием которой должно явиться выяснение внутренних (биологических, физико-химических) и внешних физических и социальных факторов, определяющих развитие личности и ее поведение.

2-я резолюция. Изучение вопросов педологии должно производиться методами биологии, в частности физиологии и научной социологии. Наряду с экспериментальными методами, является особо важным метод генетической рефлексологии.

От секции детской дефективности.

По заслушанным докладам секции детской дефективности съезд принимает следующие резолюции:

1) По психо-анализу в детском возрасте. Съезд приветствует начало систематического и в то же время осторожного применения психо-ана-

лиза к изучению и перевоспитанию дефективных детей. Психо-анализ объективно вскрывает механизм возникновения аномалий во взаимоотношениях исследуемого с социальной средой, их причины и нередко указывает правильные пути к их устранению. Он должен объединить в процессе работы врача и педагога.

2) По вопросу о детских психопатиях и дефективности отмечается важность обоих главных факторов формирования личности: 1) врожденной или приобретенной патологической конституции и 2) неблагоприятных социальных условий, вкладывающих определенное содержание в проявление личности ребенка. Наличие или преобладание указанных факторов и создает 3 основных типа детей дефективных, не приспособляющихся к условиям коллективной и социальной жизни: 1) социальной, 2) патологической, 3) смешанной дефективности.

Изучение личности ребенка и социальных условий, на нее влияющих, ставляло задачу нынешнего съезда и должно быть еще более углублено в дальнейшем, т. е. на нем видится прогресс методики перевоспитания.

Сближение с жизнью, политическое воспитание и сублимация психической энергии ложатся в основу дальнейшей разработки вопросов воспитания.

Создание положительных социальных условий жизни и борьба с детской беспризорностью является лучшей профилактической мерой в борьбе с дефективностью.

3) О деятельности медико-педагогических кабинетов, Институтов и амбулаторий съезд отмечает особую важность их работы и необходимость всемерной их поддержки, как в целях оказания помощи дефективным детям, так и в целях профилактических.

4) Считая антропологию одной из существеннейших частей педологического исследования дефективности, съезд высказывает пожелание о создании общей методики исследования с применением методов вариационной статистики, а также индивидуальных анализов физического состояния на основании норм, средних величин и соотношений, с учетом не только форм дефективности, конституционального типа, но и социальных условий, которым придается большое значение.

5) Съезд высказывает пожелание о расширении деятельности комиссии по делам несовершеннолетних в сторону воздействия на семью правонарушителей.

6) Съезд обращает внимание на недостаточность ныне существующей сети учреждений для детей, что ослабляет борьбу с детской дефективностью; одной из важнейших задач государственного строительства съезд считает необходимым организацию областных учреждений разного типа, о чем были уже постановления и предшествующих съездов.

Съезд обращает внимание на исключительную слабость сети вспомогательных школ и необходимость создания показательных учреждений этого типа, где могли бы разрабатываться научно-методические вопросы.

Необходимо также увеличить число учреждений для слепых, ныне удовлетворяющих лишь 10% существующей потребности, снабдив их специальными учебными пособиями и возобновив печатание книг для слепых.

7) Съезд обращает внимание на необходимость организации патронатов и трудовых артелей для выходящих из учреждений детской дефективности.

8) В секции по вопросу об исследовании эмоциональной сферы признается желательным использовать данный метод в учреждениях для дефективных в целях дальнейшей сравнительной оценки.

9) Рассматривая практическую работу по перевоспитанию и обучению дефективных детей, как процесс непрерывного научно-педагогического творчества, доступного только специально подготовленным работникам, съезд от-

мечает государственную важность специальных высших учебных заведений по подготовке научно-образованных педагогов-дефектологов. Вместе с тем, имея ввиду необходимость знакомства с проблемами педологии и дефектологии всех врачей и педагогов, съезд настаивает на скорейшем осуществлении проекта о введении специальных педологических и дефектологических дисциплин в программу медицинских и педагогических факультетов и соответствующих техникумов, школ и курсов.

10) Съезд высказывается за необходимость организации в Ленинграде центральной библиотеки и музея с научным бюро по дефектологии и основания дефектологического журнала по вопросам теории и практики.

11) Признавая значительную ценность данных о весе новорожденных, как одном из показателей состояния социальных условий жизни детей, съезд высказывает пожелание, чтобы данные о весе новорожденных разрабатывались планомерно по местностям наравне с данными о смертности и рождаемости и были приняты меры к сохранению существующего уже материала.

12) Заслушав ряд ценных докладов в области дефектологии, выясняющих крайнюю важность этой научной дисциплины в изучении дефективной и здоровой личности, съезд признает необходимым введение преподавания рефлексологии (психофизиологии), как самостоятельной кафедры в медицинских и педагогических высших учебных заведениях.

От секции рефлексологии труда.

2-й Всероссийский съезд по психо-неврологии, экспериментальной педагогике и педологии, констатируя с удовлетворением факт все возрастающего интереса со стороны представителей науки к проблемам труда, считает, что:

1. В настоящее время наиболее актуальными, как с теоретической, так и с практической стороны являются проблемы профессиональной пригодности (профподбора и профориентации) утомления и рабочих движений.

Разработка проблемы профпригодности настоятельно необходима потому, что она обещает рациональное распределение по профессиям рабочей силы государства, а с точки зрения личной—полное удовлетворение запросов отдельного индивидуума.

Проблема профессионального подбора теснейшим образом связана с имеющими не меньшее значение проблемами трудовой педагогики и потому ее разработка должна производиться одновременно гигиенистами, психологами, рефлексологами и педологами.

Из проблемы профессиональной пригодности особенное значение для Советской России имеет та ее часть, которая относится к профессиональной ориентации; разработка вопросов, связанных с профессиональной пригодностью, должна сосредоточиваться в центральном Консультационном Бюро.

Проблема утомления, являющаяся центральной проблемой физиологии труда, должна разрабатываться, как в лабораториях, в смысле выработки надежной методики измерения утомления и разъяснения его сущности, так и в обстановке производственной.

Последняя проблема—рабочих движений, имеющая особенное значение для Сов. России, вследствие громадного распространения в ней физического немеханизированного труда, должна разрешаться в соответствии с данными анатомии, физиологии и рефлексологии (физиологической психологии).

2. Вместе с тем, съезд, констатируя разбросанность исследовательской работы и ее крайне недостаточную обеспеченность, находит, что дальнейшее плодотворное изучение проблемы труда может производиться только при по-

стоянном идейном и материальном содействии изыскательной работе со стороны государства, профсоюзов и заинтересованных учреждений.

3. Кроме того, съезд считает необходимым, чтобы оказывалось содействие строго объективному изучению личности трудящихся в связи с окружающей ее социальной средой, прошлым индивидуальным опытом и наследственными свойствами в связи с эндокринной деятельностью, а также поощрять практическое использование данных рефлексологического исследования для трудового воспитания и научной организации труда.

От секции психиатрии.

1-я резолюция. Резолюция по докладу С. А. Преображенского (январь, 5 дня) «О помощи нервно-психическим инвалидам войны и революции».

Заслушав и обсудив доклад С. А. Преображенского, психиатрическая секция приняла следующую резолюцию: «Помощь инвалидам войны и революции является настоятельной очередной задачей. Она должна быть организована в связи с регистрацией и индивидуализацией инвалида. В основу помощи должны быть положены лечебные, воспитательные и трудовые методы».

2-я резолюция. Заслушав ряд докладов, посвященных всестороннему рассмотрению наркотизма, съезд отмечает, что должно быть обращено самое тщательное внимание на предупреждение в Сов. России развития наркотизма и на борьбу с ним путем государственных и общественных мер, к числу которых особенно относится широкая профилактика душевного здоровья населения и антинаркотическая пропаганда в широких массах, в армии, в школах и среди молодежи; в частности, по отношению к кокаину, желателен международный контроль над его производством и вывозом. На настоящую ограничительную систему продажи спиртных напитков съезд смотрит, как на временный этап в запретительной системе. Борьба с самогонем должна продолжаться самым интенсивным образом.

От секции гипноза, внушения и психо-терапии.

Заслушав ряд докладов по гипнозу, внушению и другим видам психо-терапии, применению их при разнообразных болезненных процессах и доклады по мысленному внушению, секция признает необходимым принять следующие резолюции:

1. Крайне необходимо введение на медицинских факультетах преподавания гипноза, внушения и психотерапии. Одновременно с этим, считая гипноз и внушение важными и в некоторых случаях незаменимыми лечебными методами, требующими детального с ними научного ознакомления на строго объективных началах, секция в то же время считает недопустимым разрешение производства сеансов гипноза и внушения лицами, не имеющими специального врачебного образования.

2. Придавая важное значение вопросу о «т. н. мысленном внушении», является крайне желательным изучение этого явления на строго объективных научных началах. участие в деятельности Международного коллектива, созданного для исследования явлений этого характера, и организация при Русском Комитете научно-исследовательского органа с соответственно оборудованной лабораторией.

От секции криминальной рефлексологии и психологии.

1-я резолюция. Признавая, что действительная борьба с преступностью является успешной лишь при том условии, если на эту сторону будет обращено особое внимание, как на одну из главнейших очередных задач

государственной политики, и что особенно возможным представляется изучение причин преступности,—секция считает:

1) Что в виду неразрывной связи преступности с условиями общественного строя, эта проблема должна быть изучаема в самых широких рамках социального и классового анализа данного явления:

2) Что всестороннее изучение типов преступников должно занять видное место среди проблем психоневрология и осуществляться при постоянном теснейшем сотрудничестве криминалистов (социологов и психологов) и врачей:

3) Что является в высшей степени желательным учреждение при университетах и других соответствующих ВУЗ, научных обществ, состоящих из психиатров, невропатологов, психологов, врачей, юристов и социологов для всестороннего изучения вопросов преступности и мер борьбы с нею:

4) Что в целях вышеуказанного изучения преступников необходима организация в крупных центрах и при отдельных пенитенциарных учреждениях особых кабинетов и лабораторий по изучению преступности и личности преступника в соответствии с пожеланиями 1-го Всероссийского съезда по психо-неврологии.

2-я резолюция. Признавая что наркомания (алкоголизм и кокаинизм) является могучим фактором преступности, секция полагает необходимым, для выделения преступников, страдающих наркоманией в тяжелой форме и неподдающихся обычным мерам наказания, а также антисоциальных психопатов, иметь при местах заключения постоянных психиатров, могущих нести диагностическую работу. В частности, против растущего потребления алкоголя и кокаина, должны быть применены меры профилактического характера, а именно: санитарно-просветительное устройство культурно-просветительных развлечений а также меры к регулированию производства и отпуска кокаина и спиртных напитков.

3-я резолюция. В целях успешного функционирования исправительно-трудовых учреждений и деятельного участия их в изучении личности преступника, секция полагает необходимым принять меры к поднятию уровня развития и специальной подготовки сотрудников этих учреждений.

4-я резолюция. Обследование прошлой истории, образа жизни, личных особенностей и роли окружающих условий в отношении преступников, являющихся социально опасными, должно быть поручаемо особым исследователям, обладающим специальной подготовкой в области социальной работы, заключение которых должно быть учитываемо судом при определении мер наказания или мер социальной защиты.

5-я резолюция. Признавая, что помещение преступников, дегенератов и невропатов, не страдающих определенно выраженной формой душевной болезни, но признанных судом невменяемыми, в психиатрические больницы, не принося им никакой пользы, нарушает правильность постановки дела призерения и лечения душевно-больных,—секция признает необходимым создание для них учреждений особого типа лечебно-трудового характера, соединенных с изоляцией на срок, определяемый совместным решением администрации учреждения и органов суда в порядке особого производства.

6-я резолюция. Признавая, что разрешение вопроса о введении понятия уменьшенной вменяемости, представляющего большое практическое значение, требует предварительного углубления некоторых других вопросов, секция выражает пожелание, чтобы в программу будущего съезда были внесены темы

1) о форме взаимодействия врачей-психиатров и судей при определении вопросов о вменяемости и назначении мер социальной защиты;

2) о соотношении мер наказания и социальной защиты между собой.

В Педологической п'секции Научно-Педологической секции Гос. Учен. Совета.

Резолюция по докладу Е. П. Радина 4/III—24 г. о гигиеническом био-социальном воспитании.

1. Признать, что понятие «социальное воспитание» не отвечает всему содержанию воспитания и образования, которые проводит трудовая школа и школа фабзавуча и заменить его био-социальным воспитанием, под которым следует понимать педологически обоснованное воспитание, построенное на 3-х основных установках ребенка: биологической, социально-трудовой и социально-эвгенической.

2. В виду ответственнейшей роли педагогов в практическом проведении гигиенического воспитания, органы просвещения должны обратить исключительное внимание на поднятие квалификации педагогов в этой области, для чего в программы подготовки и переподготовки педагогического персонала должен быть включаем обязательный минимум педологических знаний для педагогов (принципов био-социального воспитания в области педологии, физкультуры, гигиены).

3. В учебных планах всех учреждений для детей и подростков выделить специальные часы: а) для занятий физической культурой, б) для санитарного просвещения.

4. Предусмотреть проведение штатных должностей: а) для окончивших педологические ВУЗ'ы педологов-воспитателей, педологов-гигиенистов, б) преподавателей физкультуры в детучреждениях.

5) Ближайший летний период 1924 года провести под руководством направлением работы школы—детдома, как школы на открытом воздухе. Летнюю школу следующего года превратить в школу на открытом воздухе.

6. Поручить Главному Совету охраны здоровья детей и подростков составить и провести через Педологическую подсекцию ГУС'а директивное письмо методическим Бюро о совместной работе с Подоздравдемами в направлении био-социального воспитания, предусматривая детамбулатории, как местные центры работы по охране здоровья детей и подростков.

7. Руководящие положения по гигиеническому био-социальному воспитанию рассматривать, как основной вводный материал по био-социальному воспитанию.

Устав Орловского Научно-Педологического Об-ва.

I. Общие положения.

§ 1. Орловское Научно-Педологическое О-во имеет целью объединение в пределах Орловской губернии лиц, научно-работающих в области педологии, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Об-ва в общественной среде.

§ 2. Для осуществления указанных в § 1 целей О-во:

- 1) заслушивает и обсуждает доклады по своей специальности;
- 2) устраивает публичные чтения, диспуты, исполнительные собрания и т. п.;

Примечание. Курсы учебного характера открываются с предварительного разрешения соответствующих органов управления Наркомпроса.

3) организует наблюдения, сбор коллекций и материалов, поездки и экскурсии;

4) устраивает лаборатории, опытные станции, наблюдательные пункты, музеи, постоянные и периодические выставки;

5) создает библиотеку по своей специальности;

6) присуждает премии за представленные в О-во работы;

7) печатает свои труды;

8) организует съезды по своей специальности;

9) открывает филиальные отделения в других пунктах.

Примечание. Поименованные в § 2 полномочия О-во осуществляет на основаниях и в пределах существующих узаконений.

§ 3. Общество имеет печать со своим наименованием.

II. Состав О-ва.

§ 4. О-во состоит из членов: действительных, почетных и сотрудников.

§ 5. Действительными членами О-ва могут быть все лица, работающие в данной области. Первыми действительными членами являются члены-учредители общества; вновь вступающие действительные члены О-ва избираются на общем собрании О-ва.

§ 6. Почетными членами О-ва могут быть лица, приобретшие известность своими трудами в данной области или имеющие существенные заслуги перед О-вом. Почетные члены избираются на общих собраниях О-ва и пользуются всеми правами действительных членов.

§ 7. Членами сотрудниками могут быть лица, желающие оказывать О-ву содействие в его работах. Члены-сотрудники зачисляются Правлением О-ва, согласно их письменным заявлениям. В собраниях О-ва они пользуются правом совещательного голоса и не могут быть избираемы в состав должностных лиц.

§ 8. Размер членских взносов для действительных членов и сроки их уплаты устанавливаются общим собранием. Последнему предоставляется пра-

во освобождения от уплаты членских взносов членов, не могущих внести таковых или членов, являющихся активными работниками в О-ве.

Примечание. Члены О-ва, не внесшие членских взносов в течение установленного срока, считаются выбывшими из состава О-ва, но вступают вновь по внесении числящихся за ними взносов без нового избрания.

§ 9. Списки членов О-ва ежегодно представляются в орган НКВД, зарегистрировавший О-во, в двух экземплярах.

§ 10. Выбытие из числа членов О-ва может состояться либо по личному желанию выбывающего, либо по постановлению $\frac{2}{3}$ наличного числа членов О-ва по спискам, при чем исключение в последнем случае может иметь место лишь при наличии со стороны лица порочащих О-во поступков или уголовно-наказуемого деяния.

III. Средства О-ва.

§ 11. Средства Общества составляются из:

- 1) субсидий правительственных и общественных учреждений,
- 2) членских взносов и пожертвований,
- 3) доходов от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и других поступлений.

IV. Собрания Общества:

§ 12. Собрания О-ва созываются Правлением О-ва, обязательно с предварительного извещения ГОУ за три дня до срока собрания, и разделяются на очередные и распорядительные.

§ 13. Собрания О-ва созываются повестками или объявлениями и считаются состоявшимися—очередные при всяком числе собравшихся членов, распорядительные при наличии определенного кворума, устанавливаемого Правлением О-ва, о чем сообщается в повестках на собрание.

§ 14. Очередные собрания, созываемые для заслушивания и обсуждения научных докладов и вопросов, связанных с текущей деятельностью О-ва, являются открытыми.

§ 15. Распорядительные общие собрания созываются не менее одного в год, а также по постановлениям Ревизионной Комиссии или по заявлению не менее 10 действительных членов О-ва, при чем Правление обязано в таких случаях созывать собрания в недельный срок.

§ 16. Все дела решаются открытым голосованием простым большинством присутствующих действительных и почетных членов О-ва, кроме вопросов об исключении членов О-ва и его закрытии, для положительного решения которых требуется большинство не менее $\frac{2}{3}$ голосов присутствующих членов. Передача права голоса не допускается. В случае равенства голосов, вопрос считается отклоненным.

§ 17. Общие распорядительные собрания:

- 1) избирают председателя О-ва и его заместителя, членов правления и других должностных лиц О-ва, почетных и действительных членов Ревизионной Комиссии,
- 2) утверждают инструкцию для Ревизионной Комиссии, должностных лиц и органов О-ва,

3) рассматривают и утверждают предложения, вносимые через Правление О-ва,

4) организуют филиальные отделения, секции и особые комиссии.

Примечание: Конструкции отделений О-ва аналогичны конструкции О-ва. Открытие иногородних отделений подлежит разрешению в установленном для О-ва порядке.

5) исключают членов О-ва,

6) устанавливают размер членских взносов,

7) рассматривают и утверждают заключения Ревизионной Комиссии, отчеты Правления о деятельности О-ва, предложения о его дальнейшей работе и смете,

8) обсуждают предложения об отступлении от общего устава О-ва или его дополнениях.

Примечание: Принятые О-вом отступления от общего устава или его дополнения поступают на утверждение в установленном порядке.

9) обсуждают вопросы о закрытии О-ва.

V. Правление О-ва.

§ 18. Правление О-ва является его исполнительным органом и состоит из председателя О-ва, его заместителей, казначея и членов Правления, избираемых общим собранием. Перевыборы членов Правления могут быть произведены и до истечения срока их полномочий.

§ 19. О составе избранного Правления и о всех происходящих в нем изменениях сообщается соответствующему органу НКВД.

§ 20. Правление наблюдает за исполнением постановлений общих собраний и правильным течением деятельности О-ва и ведает административной, финансовой и хозяйственной частью, неся ответственность за направление и результаты деятельности О-ва.

§ 21. Правление О-ва составляет отчет о ежегодной деятельности О-ва и публикует таковой во всеобщее сведение, в случае неопубликования О-вом отчета о его годичной деятельности в 3-х месячный срок, по истечении такого О-во считается прекратившим свое существование.

VI. Ликвидация О-ва.

§ 22. О-во может быть закрыто, как по распоряжению правительственных органов, так и по постановлению общего собрания О-ва.

§ 23. В случае ликвидации О-ва по постановлению общего собрания, Правление представляет о том мотивированный доклад в Главнауку и руководствуется ее указаниями.

§ 24. Все имущество, принадлежавшее закрытому О-ву, поступает в распоряжение Народного Комиссариата по Просвещению.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Гюртлер. Опытное обучение на основе влечений и переживаний, к практике врачебной педагогики и трудовой школы. 74 стр. Харьков. 1922 г.

Автор разделяет мнение проф. Гаудига, «если бы мы стали в будущем получать меньше дидактических трактатов и ученых теорий, а побольше наглядных изображений новых опытов обучения, то это было бы величайшим счастьем». Действительно, в брошюре мы находим изображение не то, чтобы новых, но, во всяком случае, любопытных опытов обучения.

Но, к сожалению, половина каждой лекции автора, в особенности первой и третьей (всех лекций только три) представляет из себя тот дидактический трактат, который не является необходимым для изображения новых опытов обучения.

Автор уверен, что не находившее так долго признания специальное обучение, вынужденное приспособляться к ограниченности учеников, все же допускает возможность возвышающего дух подхода к нему и его проведения. Таким интересным, по его мнению, подходом к обучению является тот подход, при котором внешние побудители преподавания совпадают с действующими импульсивно изнутри влечениями, при котором, в частности, как воспитательное средство, высоко ценится и часто применяется—игра.

Используя импульс игры, желая уподобить воспитание „езде с парусами по ветру, а не утомительной езде на веслах“, автор уделяет много внимания играм со скамеечками, а также с палочками, кубиками, упоминает об играх с волчком, кнутом, обручем и т. д.

Но все приводимые автором примеры обучения на основе игры отличаются чрезвычайной искусственностью. Мало того, они без всякой надобности пропитаны религиозными и библейскими мотивами.

В силу этого, подход к обучению, возвышающий дух автора, вряд ли может тонизировать и вызывать подражание у русских работников, проявляющих так много естественной простоты в вспомогательных детских садах и придающих такой здоровый профессионально-технический уклон вспомогательным школам. Однако, сказанное не значит, что книга Гюртлера является неинтересной и лишней в медико-педагогической библиотеке.

Проф. Д. И. Азбукин.

Профес. А. Н. Граборов. Вспомогательная школа (для умств. отсталых). Ленинград. 1923.

Труд профес. Граборова охватывает 330 стр. Подобного солидного пособия, посвященного специально данному вопросу, на русском языке до сих пор не было. В XXVI главах охватываются подробно все вопросы вспомогательного обучения. Весь предлагаемый автором материал основан на собственном, хорошо учтенном и продуманном опыте, связанном с Ленинградск. Центр. Вспом. Институтом. Кроме опыта, всюду в книге чувствуется глубокое убеждение, отчетливое и целостное лечебно-педагогическое мировоззрение.

Все это делает книгу чрезвычайно ценным и благодарным пособием для работников в области дефектологии и лечебной педагогики. Интересны положения автора о самоконтроле, самонаправлении, детском досуге, который, по словам автора, не является досугом для воспитателей. Впрочем, в короткой рецензии перечислить столь многое интересное в этой книге не представляется возможным.

Пожалуй, легче упомянуть о небольших не то-что недочетах, а просто пунктах, которые вызывают некоторые вопросы и недоумения. Говоря с точки зрения интеллекта, об основных детских группах, автор выделяет 1) детей нормальных, 2) детей, запущенных в педагогическом отношении, 3) детей

слабоумных, 4) детей психастеников. Почему такой исключительной милости удостоилась только группа психастеников, а не вся группа психопатов и невротиков?

Автор безоговорочно, со свойственным ленинградским дефектологам фанатизмом, говорит о раздельно-полом воспитании умственно-отсталых.

Признавая, что учебный план вспомогательной школы должен отличаться утилитаризацией, автор как-то мало подчеркивает утилитарность ручного труда и, наоборот, как-то чрезмерно много подчеркивает его обще-образовательный характер.

Предоставляя учителю право выбирать упражнений по психической ортопедии, считая предлагаемые упражнения—литературные и собственные—лишь примерами, автор, у которого в учреждении так исключительно серьезно, а, главное, так естественно поставлена психическая ортопедия (обыкновенно она грешит искусственностью), к сожалению, не вскрывает удельный вес отдельных упражнений.

Наконец, говоря о физическом воспитании с достаточной подробностью, автор как-то недостаточно подчеркивает роль врача-педолога и педагога, как будто бы у нас все еще таких нет или очень мало.

Вообще на всем протяжении книги врач как-то не чувствуется. Но это все небольшие частности.

В общем же мы еще раз должны повторить сказанное вначале и горько поблагодарить проф. А. Н. Граборова за его ценный труд.

Проф. Д. М. Азбукин.

В. М. Федяевская. Границы вмешательства в детскую жизнь. Изд-во «Красная Книга» Орел, 1924, стр. 30.

В истории развития русской педагогики был один момент (предреволюционные годы и первые годы революции), когда теория свободного воспитания находила особенно много сторонников. Тяжелые прошлые годы, прожитые в атмосфере вечных приказов и циркуляров, естественно вызывали реакцию и толкнули педагогическую мысль и практику к протесту и свободным исканиям. Но в погоне за свободой очень многие перегибали палку с другого конца, и принцип свободы в области воспитания доводил до абсурда. Эта тенденция еще не изжита по сие время, и вот почему появление небольшой брошюры В. М. Федяевской под вышеприведенным заглавием нужно приветствовать.

Автор отстаивает здоровую педагогическую мысль, что активность, самостоятельность, свобода в деле воспитания—все это вещи хорошие, но не нужно забывать, что ребенок есть существо далеко несовершенное и что задачи, стоящие пред ним в деле его духовного роста, огромны. Вот почему вмешательство в жизнь детей неизбежно, поскольку перед педагогом стоит цель создания благоприятных как физических, так и психических условий для свободного, всестороннего гармонического развития ребенка.

В частности, по мысли автора, вмешательство руководительницы в детскую жизнь может выражаться и в создании здоровой среды детского коллектива, и в установлении определенного режима, и в организации их труда и игры, их умственного, эмоционального и волевого развития.

Автор вскользь затрагивает вопрос о силе и значении внушения в деле воспитания. Этот вопрос большой и заслуживал бы большего внимания, чем отводит ему автор в рассматриваемой брошюре. Недостаточно также освещен вопрос о вмешательстве с педологической и психологической стороны. Но, в общем, брошюра полезна не только для дошкольника, но и для шведского работника.

С. Иванов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„КРАСНАЯ КНИГА“

в Орле.

Педагогическая и Научно-Педагогическая секции издательства намечают к изданию в 1924 году серии книжек по педагогическим и педагогическим вопросам.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ

педагогической библиотечки:

Обще-педагогические вопросы.

1. Социальная педагогика.
2. Факторы развития детского организма.
3. Наследственность человека.
4. Курс педагогики.

Физиопедагогика.

5. Анатомия и физиология ребенка.
 6. Питание ребенка.
 7. Проф. Белов. Физиология гипноз.
- Ц. 1, р. 75 к.

Психопедагогика.

8. Возрастная психология.
9. Инстинкты и характер ребенка.
10. Психология ребенка.
11. Запас детских знаний.
12. Язык ребенка.

Методы педагогики.

13. Методы педагогических исследований.
14. Тесты для исследования детей.
15. Составление дневников и характеристик.
16. Естественный эксперимент.

Педагогика и педагогика.

17. Педагогические основы воспитания и образования.
18. Педагогические основы физической культуры.
19. Сексуальное воспитание и образование с педагогической точки зрения.
20. Детская литература и педагогика.
21. Проф. Азбукин. Курс лечебной педагогики. (Готов к печати).

Педагогика и дефектология.

22. Васов. Дефективные дети. (Готов к печати).
23. Гриншток. Асоциальные дети. (Готов к печати).
24. Васов, Гриншток, Назаров. Основы воспитания и обучения аномальных. (Готов к печати).

Педагогика и психотехника.

25. Школы и выбор профессии.
26. Психотехника учителя.

Справочные издания и руководства.

27. Указатель литературы по педагогике.
 28. Атлас по педагогике.
- Различные бланки и формы для исследования.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ

научно-педагогической библиотечки:

1. Новейшие течения в педагогике.	5. Лабораторный метод.
2. Современные русские педагогические направления.	6. Меры педагогического воздействия.
3. Опыт трудовой школы.	7. Федяевская. Градусы вмешательства в детскую жизнь. ц. 12 к.
4. Кооперативный метод.	

По всем вопросам, касающимся указанной литературы, надлежит обращаться по адресу:

Издательство „КРАСНАЯ КНИГА“: г. Орел, Кооперативная 2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „Красная Книга“.

— С р е д. —

Педологическая и педагогическая литература.

Изд. „КРАСНАЯ КНИГА“.

1. Н. П. Гришаков. Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. 74 стр. ц. 50 к.

«Автор разбирает причины детской преступности и приходит к выводу, что отсутствие родительского призора, пижета и невжество являются главнейшими причинами детской преступности. Наследственный отягченность и социальная среда, по справедливому указанию автора, также играют в этом важную роль».

Брошюра написана популярно и является необходимой для педагога и врача, а также для читателей из рабочей среды. В конце брошюры прибавлен обстоятельный указатель литературы».

(Е. Радин. Изв. ВЦПКа № 100 от 8 V 1923).

При нашей малой осведомленности о постановке дела борьбы с детской асоциальностью, особенно за границей, брошюра является крайне необходимой для **всякого педагога и врача**.

(Народное Просвещение № 7-1923).

2. Как изучать дошкольника. (С 5-ю диаграм.). Сборник статей под ред. З. К. Столицы. Ц. 1 р.

Содержание: *З. К. Столица.* Методы изучения ребенка и практика изучения.— *Г. А. Фортунатов.* Биографический лист.— *Е. А. Флерина.* Рисунк, как материал для изучения ребенка.— *В. В. Горинская.* Изучение физических свойств ребенка.—

К. Н. Горинко. Составление характеристики.— *И. Таубе и Н. Голубев.* Сплошная однодневная запись.— *К. Н. Веселовская.* Опыт медико-педологической работы с дошкольным возрастом.

3. Подготовка дошкольных работников. (Сборник статей под ред. З. К. Столицы. 94 стр.; ц. 75 к.

Содержание: *Г. А. Фортунатов.* Основные вопросы подготовки.— *Т. Г. Макарьева.* Источники предварительной подготовки в связи с проблемой учителя.— *Е. А. Аркин.* Подготовка дошкольных работников по биологии и гигиене дошкольного возраста.— *В. М. Судова.* Детское воспитание в дошкол. возрасте.— *М. Х. Свентичская.* Институт практиканток.— *Е. К. Кричевская.* Работа педагогической мастерской.— *З. К. Столица.* Программа педагогической мастерской.— *В. П. Жасов.* Указатель литературы по педологии дошкольного возраста.

Сборник отмечен как особо ценное пособие в книге: «Организация и методы повышения квалификации (переподготовки) работников социального воспитания». Материалы Главыцова, под ред. Волковскаго. М. стр. 275.

1. В. А. Рыбников-Шилова. Мой дневник. Записки о развитии ребенка от рождения до 3-х лет. Под ред. Н. А. Рыбникова. С приложением статей: 1) Е. К. Кричевская. Педологическая оценка дневника Шиловой и 2) Оэн. Оценка дневника с педологической точки зрения. 1923; цена 1 р.

«Дневник интересен: а) как человеческий документ, ярко отражающий комплекс переживаний, связанных с материнством; б) как своего рода конкретный курс педологии; в) как своеобразный курс педагогики раннего детства; г) как иллюстрация современного русского семейного быта: а) как биографический материал, подробно рисующий биографию маленького человека.

Чтение дневника толкнет мать на целый ряд размышлений... Хотелось бы, чтобы дневник попал в руки девушки-подростка».

(Из предисл. редактора).

5. Как изучать ребенка. Руководство к изучению ребенка от рождения до 3 лет. Труды комиссии по раннему детству Центрального Педологического Института в Москве. Под ред. Е. Г. Бибиановой и Н. А. Рыбникова. 1923, стр. 4+41; ц. 25 к.

«Книжка представляет собою труды комиссии по изучению раннего детства при Центральном Педологическом Институте, дает программу по изучению раннего детства, подробно разработанную на основе большого материала психо-генетического характера, тщательно собранного институтом».

(«Народное Просвещение» № 4—5. 1923 г.).

«Эта небольшая книжечка, содержащая в себе очень полную программу по изучению раннего детства, при составлении коей были использованы материалы, как русских, так и иностранных исследователей этого вопроса. А еще важнее то обстоятельство, что в основу ее положены фактические данные, полученные путем систематического наблюдения над жизнью детей, из огромного материала психологического характера (дневники и записи о развитии детей)».

Вопросам программы придан определенный конкретный характер и возможная простота и понятность.

Методы, предлагаемые комиссией, — систематическое наблюдение и естественный эксперимент».

(«Путь Просвещения» № 4. 1923 г.).

6. Н. А. Рыбников. Психология и выбор профессии, 3-е значительно дополненное издание, 1923, стр. 73; ц. 50 к.

«...Новое издание этой книжки выгодно отличается от предшествующих изданий внесенным в нее практически полезным материалом: классификация Меймана и Юрковской, ознакомление с схемами составления психограмм, профессий, опросники и указатель руководящей литературы (связь 400 названий книг и статей).

Книжка является первым и необходимым пособием для каждого подростка».

(«Педол. журн.» № 1).

7. К детской психологии и психопатологии. Сборн. статей сотрудников Госуд. Медико-Педологического Института НКЗ в Москве в пользу голодающих детей Поволжья. Под ред. проф. М. О. Гуревича, П. П. Тутышкина, Н. С. Иванова, Д. И. Азбукина. Стр. 202; ц. 80 к.

«Сборник затрагивает и освещает ряд «больших» вопросов; он дает указания для работы в новой еще области борьбы с детскими аномалиями. Он сослужит полезную службу каждому педагогу, каждому врачу, соприкасающемуся с детьми».

(Н. Семашко «Изв. ВЦИК» № 154).

8. Методы изучения ребенка. Сборник статей под ред. Н. А. Рыбникова. 144 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержание: Н. А. Рыбников. Эксперимент — А. М. Шуберт. Метод тестов. — В. А. Артемов. Естественный эксперимент. — М. С. Бернштейн. — Метод анкеты. — Л. И. Родественский. Составление характеристик.

9. Н. Гришанов. Трудовая школа (Опыт новой школы в дореволюционной России); ц. 60 к.
10. Федяевская. Границы вмешательства в детскую жизнь. 32 стр. Ц. 12 к.
11. Проф. А. Белов. Физиология типов. Под ред. акад. В. М. Бехтерева. 1 р. 75 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ КНИГА“,

Орел, Кооперативная, 2.

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕН. МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА в Москве,

под редакцией профессоров:

**В. Ф. Зеленина, Г. Н. Сахарова, Е. К. Сепп, Д. И. Азбукина и
 Н. Ш. Мелик-Пашаева,**

посвященные профессору **Л. О. ДАРКШЕВИЧУ.**

Вышел в свет и поступил в продажу

Том I, вып. 1.

НЕВРОЛОГИЯ —
 — **И ПСИХИАТРИЯ.**

(300 страниц, 44 рис.)

Цена 3 руб. 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Том I, вып. 2.

**ОБЩАЯ и ЧАСТНАЯ ПАТОЛОГИЯ
 и ТЕРАПИЯ.**

Проф Н. А. БЕЛОВ.

ФИЗИОЛОГИЯ ТИПОВ

опыт исследования психо-физических особенностей личности в зависимости от эргодотенеза.

Под редакцией и с предисловием **академика проф. В. М. Бехтерева.**

Цена 1 руб. 75 коп. стр.

Из-во „КРАСНАЯ КНИГА“ Орел.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1924 ГОД

на общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

7-й год издания (выходит с 1918 г.).

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН.

Редакция: И. С. СИМОНОВ и И. М. ГРЕВС.

Ближайшее участие в журнале принимают: С. И. Абакумов, Н. А. Альфединген, Н. П. Анциферов, С. Ш. Аржанов, Н. Н. Багстин, А. П. Болтунов, А. А. Борзов, Н. Л. Бродский, В. П. Буданов, В. Н. Верховский, В. А. Герд, И. Н. Грацианский, Я. Я. Гуревич, Д. А. Жаринов, П. А. Знаменский, С. А. Золотарев, Г. Г. Зоргенфрей, Н. А. Пзвольский, С. В. Иванов, И. Н. Казун, А. М. Калмыкова, Н. П. Каменьщиков, П. И. Кареев, Н. В. Кашин, А. А. Кроглиц, К. М. Лепилов, А. К. Линдеберг, А. Л. Липовский, Н. М. Мендельсон, А. П. Нецаев, С. А. Павлович, И. Н. Перельман, С. А. Переселенков, С. А. Петров, И. П. Плотников, И. П. Полянский, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, Б. Е. Райков, А. С. Рождествен, М. М. Рубинштейн, Н. А. Саввин, В. И. Селиков, Л. Д. Силицкий, И. А. Сигов, Н. С. Соболев, Н. М. Соколов, Н. Э. Сум, Г. Г. Тумин, А. П. Флеров, Л. В. Шерба, К. П. Ягдовский, Ю. Н. Янжул, А. Г. Ярошевский, А. А. Яхонтов.

Подписная цена на год (5 книг) 3 руб. без пересылки. За пересылку 60 коп. Розничная продажа производится в конторе журнала и во всех книжных магазинах Ленинграда и Москвы.

Цена отдельной книги 80 коп.

Адрес конторы и склада: Ленинград, Прачешный пер., д. 6.

Контора открыта ежедневно (кроме воскресных и праздничных дней) от 11 до 4 час. дня. Тел. 553—92.

Склад издания в Москве—Международная Книга, Кузнецкий мост 12.

Каждый выпуск будет представлять законченный сборник статей (включая критику, библиографию и хронику).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1924 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

орган Центрального Комитета Союза Работников Просвещения.

5 год издания.

В журнале даются руководящие статьи по всем вопросам союзной жизни и работы и по основным вопросам просвещения, обзоры работы ЦК, краевых представительств и отделов Союза. Значительное место уделяется вопросам просвещенческого быта, самообразования и переподготовки, обзорам работы объединений работников просвещения и учительских организаций за границей. Ведется систематический обзор профессиональной и педагогической литературы, юридический справочник— вопросы и ответы, спрос труда, официальный и др. отделы.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 год—**7 р.**, на 1/2 года—**4 р.** и на 3 мес.—**2 р. 25 к.**

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ОТПРАВЛЯТЬ

в издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

(МОСКВА, Леонтьевский пер. 4)

банковым переводом, внося деньги в отделение Госбанка на текущий счет издательства в Правление Госбанка за № 5209 или в отделение Всекобанка на текущий счет Издательства в Тверском Агентстве Всекобанка № 199. При отсутствии отделений банков деньги переводить почтовым переводом. Мелкие суммы до 3 рублей можно почтовыми марками).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„Архив Клинической и Экспериментальной Медицины“.

Год издания—третий.

Под редакцией профессоров: *Н. Петрова, Д. Плетнева, В. Словоцова,
Л. Тарасевича и д-ра В. А. Любарского.*

Журнал выходит каждые два месяца двойными книжками.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 год **10 руб.** На 6 мес. **6 руб.**

Имеются полные комплекты за 1922 и 1923 г. г.

Цена комплекта за 1922 г. **5 руб.**

« « « 1923 г. с приложениями **10 «**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

МОСКВА, издательство Л. Д. Френкель. Кузнецкий пер. 4, кв. 25.

Универс. книжн. магазин, уг. Камергерского и Б. Дмитровки № 5/7.

ЛЕНИНГРАД—Мойка 42, кв. 25.

ВРАЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПРИ ИНСТИТУТЕ МОЗГА
в ЛЕНИНГРАДЕ и ОРЛОВСКОГО ПЕДОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ,

посвященный вопросам изучения ребенка.

Размер журнала 7—10 печатных листов.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ

акад. В. М. БЕХТЕРЕВА (Ленинград) и В. Н. ВАСОВА (Орел).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

6 книжек 5 р. 75 к. || 2 книжки 2 р. 25 к.
4 книжки 4 р. — к. || Цена отдельн. №№ 1 р. 25 к.

Плата за страницу объявлений 75 руб., строка нонпарели 15 коп.

Денги, рукописи и переписку направлять по адресу:

Орел, Кооперативная 2, Изд-во «Кр. Книга», ред. «Педологического Журнала».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 2-й том

„ЖУРНАЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ РАННЕГО ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА“, издаваемого Отделом охраны материнства и младенчества Наркомздрава.

Журнал носит научно-практический характер и издается при участии редакционной коллегии в лице Г. Н. Сперанского — общего и ответственного редактора, С. И. Федынского — завед. отделом рефератов, Н. Ф. Альтгаузена — завед. организационной частью журнала и А. И. Баландера — секретаря журнала.

Уже вышел из печати 1-ый том журнала (6 номеров) и № 1 и 2—2-го тома журнала, где помещены Труды 2-го Всероссийского съезда педиатров в Москве (28/V—3/VI—23 г.) и материалы 2-го Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества (4/VI—8/VI—1923 г.).

В дальнейшем журнал будет выходить каждые 2 месяца. Цена 1-го тома—4 р. 50 к.; цена отдельных №№ 1-го тома: № 1—50 к.; № 2—1 р.; № 3-4—1 р. 40 к.; № 5—6—1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с доставкой и пересылкой на все шесть номеров 2-го тома (30 печатных листов)—6 рублей.

Подписчикам будут выдаваться все номера 2-го тома по мере выхода их из печати. Цена отдельного номера (№№ 1 и 2—2-го тома), в виду обширности материала—3 руб.

Цена остальных 4-х номеров—4 руб.

Книгопродавцам и участникам этих 2-х съездов—30% скидка.

Требования и денги адресовать в Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава: Москва, Солянка 12, тел. 1-39-17.